

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 1/2025

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Букина И.С., канд. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Колпакова И.А., канд. экон. наук
Пылин А.Г., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефёдова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.

председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Головнин М.Ю.

член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой банковского дела и монетарного регулирования
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Александрова О.А.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.

доктор экономических наук, профессор, начальник отдела –
заместитель академика-секретаря Отделения общественных наук РАН

Бахтизин А.Р.

член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.

член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе
Института Европы РАН

Валентей С.Д.

доктор экономических наук, профессор, руководитель
научно-исследовательского объединения РЭУ имени Г.В. Плеханова

Городецкий А.Е.

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Иващенко Н.П.

доктор экономических наук, профессор, научный руководитель
кафедры экономики инноваций экономического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Караваева И.В.

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
директор Института научной информации по общественным
наукам РАН

Лаврикова Ю.Г.

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Ленчук Е.Б.

доктор экономических наук, руководитель научного направления
Института экономики РАН

Музычук В.Ю.

доктор экономических наук, заместитель директора
по научной работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.

академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института экономических исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.

доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.

член-корреспондент РАН

Черных С.И.

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН,
зав. сектором Института проблем развития науки РАН

Шабунова А.А.

доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 1/2025

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.

ISSN 2073-6487

Каталог «Урал-Пресс», индекс подписной 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки),

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),

5.2.4. Финансы (экономические науки),

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (в ядро РИНЦ)

Журнал входит в базу данных Russian Science Citation Index

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения

могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 03.03.2025

Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 250 экз.

Печать офсетная. Заказ № 886-25

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32

Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru

<https://vestnik-ieran.ru>

© НП

Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук», 2025

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru

Сайт: amirit.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Бухвальд Е.М. Целеполагание как стержень стратегического планирования	7
Братченко С.А. Целеполагание в государственном управлении: вопросы достижимости, релевантности и согласованности целей	24
Коновалов Д.Е. Сравнительный анализ целей в документах стратегического планирования в области культуры	47
Долженко Р.А., Долженко С.Б. Методические подходы к управлению численностью персонала в целях повышения производительности труда и организационной эффективности	66
Кислицына О.А. Представление россиян о влиянии социальных факторов на здоровье	92

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. Геополитическая фрагментация и продовольственная безопасность	106
Клавдиенко В.П. Структурные сдвиги в первичном энергопотреблении как фактор декарбонизации мировой энергетики	129

ФИНАНСЫ

Локтионова А.А., Мирзоян А.Г. Влияние политических новостей на стоимость акций российских компаний	152
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Зеленоборская Л.В. Институт экономики Российской академии наук в 2024 году	167
--	-----

CONTENTS

ECONOMICS AND MANAGEMENT

- Buchwald E.M.**
Goal Setting as the Core of Strategic Planning 7
- Bratchenko S.A.**
Goal Setting in State Governance: Issues of Achievability, Relevance
and Consistency of Goals 24
- Konovalov D.E.**
Comparative Analysis of Objectives in Strategic Planning Documents
in the Cultural Domain 47
- Dolzhenko R.A., Dolzhenko S.B.**
Methodological Approaches to Personnel Management in order
to Increase Labor Productivity and Organizational Efficiency 66
- Kislitsyna O.A.**
Russians' Perception of the Influence of Social Factors on Health 92

WORLD ECONOMY

- Kheyfets B.A., Chernova V.Yu.**
Geopolitical Fragmentation and Food Security 106
- Klavdienko V.P.**
Structural Changes in Primary Energy Consumption
as a Factor in Decarbonization of the Global Energy 129

FINANCE

- Loktionova A.A., Mirzoyan A.G.**
Political News' Impact on Russian Companies' Stock Prices 152

SCIENTIFIC LIFE

- Zelenoborskaya L.V.**
The Institute of Economics of the Russian Academy
of Sciences in 2024 167

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Е.М. БУХВАЛЬД

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
заведующий Центром ФГБУН Институт экономики РАН

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ КАК СТЕРЖЕНЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Вопреки различным рассуждениям подобно «план или рынок» следует признать, что всякая деятельность – хозяйственная, управленческая и пр. – обязательно предполагает наличие неких осмысленных целевых начал. Другое дело, что эти начала могут реализовываться в формах, разных как по широте и глубине охвата намечаемых действий, так и по предполагаемым методам их осуществления. В полной мере подпадает под этот общий принцип и сфера государственного и муниципального управления (в целом – публичной власти), где объективное целеполагание традиционно рассматривается как одно из главных условий достижения желаемого результата. И в современных условиях сфера публичной власти остается необходимым «полем» использования целевых начал управления. Более того, последовательный переход к стратегическому характеру управления придает наличию таких начал, их объективности особо важное значение. В статье упоминаются некоторые подходы к долгосрочному целеполаганию, сложившиеся в отечественной экономике еще в плановый период ее функционирования, а также рассматриваются современные интерпретации выдвижения целевых установок в сфере хозяйственного и социального развития.

Ключевые слова: государственное и муниципальное управление, стратегическое планирование, целеполагание, национальные цели развития, государственные программы и проекты.

УДК: 332.025.12

EDN: AVLCPB

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_1_7_23

Введение

Необходимость опереться на систему долговременных целей развития экономики и социальной сферы не является признаком какой-то одной системы хозяйственных отношений, как и особой формы государственного устройства и/или публичного управления. История подтверждает наличие стремления всех форм общественной самоорганизации строить свое развитие на базе рассчитанных на достаточно

долговременный период приоритетов, тем более на основе конкретных целей, получивших количественную и/или качественную определенность [4]. Не случайно теоретико-методологические основы целеполагания, равно как и практический инструментарий реализации поставленных целей, занимают видное место в накопленном потенциале экономической науки. По свидетельству О.М. Грибановой, в базе данных РИНЦ имеются указания на более чем 40 тыс. работ, посвященных изучению процессов постановки и реализации национальных целей России [5].

Однако, несмотря на столь значительное число публикаций, рассмотрение проблем стратегического целеполагания в российской экономике еще не приобрело системного характера, и в этой практике заметны существенные «ниши». В особой мере это касается трендов пространственного развития экономики, где постановка целей стратегического характера – по охвату и конкретности – заметно отстает от целеполагания в развитии ключевых отраслевых комплексов национальной экономики [10].

Как мы полагаем, названные выше и иные проблемы прежде всего связаны с тем, что отсутствует единая теоретико-методологическая база целеполагания, в результате чего сам процесс установления целей, в том числе и в сфере пространственного развития, во многом приобретает субъективный оттенок. В основном это проявляется в том, что не получила должного развития логическая связь целеполагания с прогнозированием, дающим видение ключевых перспектив социально-экономического развития. Даже при наличии развернутой системы прогнозов, сложно представить, как именно сформировалась та или иная цель в совокупности ее количественных и качественных параметров, какую цель или прогноз можно считать «оптимистическими», а какие – нет [19]. Нет устоявшихся предположений относительно конкретных источников целеполагания, в частности, того круга субъектов стратегического планирования, которые правомочны устанавливать целевые ориентиры для продвижения страны и ее регионов по тем или иным вопросам хозяйственного, социального и иного характера. Наконец, действующей практике стратегического управления не соответствует система мониторинга степени реализации установленных целей: в большинстве случаев такой мониторинг, если и имеет место, то носит спорадический, фрагментарный характер [2].

Существенные претензии можно высказать и в адрес нормативно-правовой базы стратегического целеполагания. Прежде всего обращает на себя внимание то, что вне рамок законодательного регулирования длительное время оставался такой ключевой момент стратегического целеполагания, как установление национальных целей развития. Аналогичная ситуация характерна и для многих иных документов

стратегического планирования. Этот вопрос не представлен достаточно развернуто в федеральном законе о стратегическом планировании¹. Формально проблематика целей и целеполагания многократно отражена в данном законодательном акте. Целеполагание он ассоциирует с определением направлений, целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Однако при этом сам процесс «зарождения» целей, осуществления их проекции на конкретные документы стратегического планирования, на принимаемые управленческие решения, на осуществление процедур текущего и итогового мониторинга реализации целей четкого закрепления в законе не получил [16; 18]. Характерно, что аналогичная ситуация «целевого нигилизма» присуща и такому документу, как Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации².

Недостаточным вниманием к проблематике целеполагания и «целесоуществления» страдают многие другие важные документы стратегического планирования. Например, конкретного указания на систему целей государственного регулирования и пути их практического достижения не было в таком документе, как Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года³. Остается надеяться, что эти целевые индикаторы закрепятся в обновленном варианте данной Стратегии. Сказанное касается также такого важного стратегического документа, как новая Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации⁴. В целом документ определяет те позитивные экономические и иные результаты, которые было бы необходимо достичь на основе реализации данной стратегии. Но указания на ключевую национальную цель, по которой можно было бы судить об успешности реализации данной Стратегии, в ней, по нашему мнению, нет.

¹ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841 (дата обращения: 30.09.2024).

² Указ Президента РФ от 08.11.2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400057 (дата обращения: 30.09.2024).

³ Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094 (дата обращения: 30.09.2024).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» на период до 2020 года». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353> (дата обращения: 30.09.2024).

Все это говорит о том, что процедуры, связанные с формированием и документальным оформлением целей национального развития, их реализацией и мониторингом нуждаются в дальнейшем теоретико-методологическом обосновании и более тщательном нормативно-правовом регулировании [6].

Цели – как экономический «движитель»

Особое место в целеполагании для экономического и социального курса страны имеет практика принятия национальных целей развития Российской Федерации. Как уже было отмечено выше, национальным целям развития Российской Федерации посвящен обширный блок социально-экономических исследований. Однако основное внимание в этих исследованиях уделялось той или иной интерпретации указанных целей, их соотношению с целевыми индикаторами государственных программ, проектов и пр. Значительно менее исследован вопрос о роли национальных целей развития в системе стратегического планирования и управления в целом, в том числе на основе взаимодействия всех субъектов (участников) такого планирования, т. е. распространения практики согласованного целеполагания. Между тем такую практику целеполагания следует признать одним из цементирующих элементов в модели национального стратегического планирования, обеспечения согласованности действий всех уровней публичной власти в стране, особенно в условиях государства федеративного типа [9].

Принято считать, что институт национальных целей развития впервые получил закрепление в декабре 2018 г., при утверждении паспортов 13 национальных проектов развития страны до 2024 г. После этого практика закрепления национальных целей развития прошла несколько этапов⁵, заключительным из которых можно считать Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»⁶. Как мы полагаем, такая процедура, как постановка национальных целей развития, ни в коей мере

⁵ Так, был принят Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/>. Также был утвержден «Единый план» по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г. (См. распоряжение Правительства РФ от 01.10.2021 г. № 2765-р) (дата обращения: 30.09.2024).

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»; Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на пе-

не носит чисто демонстрационный характер. Тщательная имплементация национальных целей развития в практику стратегического планирования и управления способна усилить результативность такого планирования и прогнозирования [1; 7], существенно повысить меру его позитивного воздействия на тренды социально-экономического развития страны и ее регионов, в том числе и в пространственном разрезе [3; 8].

По нашему мнению, можно выделить несколько направлений по которым использование практики национального целеполагания может дать позитивный эффект для всей системы государственного и муниципального управления.

Прежде всего, национальное целеполагание способно действовать как основа преемственности планов стратегического характера, как свидетельство того, что достижение ранее поставленных целей очевидно и выступает основой утверждения и реализации целей нового уровня. Не секрет, что в работе наших органов публичной власти имеют место случаи, когда одни документы стратегического планирования без подведения и анализа итогов (целей) их реализации (или нереализации!) просто заменяются другими, по сути, слегка обновленными документами. Результатом такой практики выступает не только повторяемость целевых установок, но и утрата доверия к тому, что эти установки вообще когда-либо могут быть достигнуты, а также и доверия бизнеса к целевым установкам социально-экономической политики государства в целом.

Характерным примером в этом отношении может служить целеполагание по развитию малого и среднего предпринимательства (МСП). Конечно, эту сферу нельзя назвать стратегически особо значимой для национальной экономики, но в силу ее постоянной «цитируемости» ситуацию в малом бизнесе все же можно рассматривать как «пробный камень» всей практики отечественного целеполагания. Действующий национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» предполагает увеличение доли МСП в ВВП России до 32,5% к концу 2024 г., для достижения чего были выделены значительные средства. Так, в 2023 г. более 100 тыс. субъектов МСП получили 1,7 трлн руб. в виде финансовой поддержки по всем программам указанного национального проекта⁷.

Действует в отношении МСП также стратегический документ более длительного горизонта - это Стратегия развития малого и сред-

риод до 2025 года» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094 (дата обращения: 30.09.2024).

⁷ sfr.gov.ru/press_center/z_news~2024/02/09/260411 (дата обращения: 30.09.2024).

него предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года. Основным целевым ориентиром Стратегии МСП является увеличение доли МСП в ВВП России к 2030 г. в два раза (с нынешних примерно 20% до 40%). Практически это означает, что ежегодный прирост указанной доли должен был бы составлять за предстоящий период 1% и более⁸, что явно находится за пределами экономических реалий.

Этот показатель доли МСП в ВВП России (как сказано выше - около 20%), несмотря на все целевые установки «сверху», уже многие годы сохраняет завидную устойчивость, которую глава Сбербанка Герман Греф назвал «стыдной» и «заколдованной». На Совете регионов «Опоры России» - для сравнения - он привел долю МСП в ВВП других стран. Например, в Китае этот показатель колеблется между 60% и 70%, в США составляет около 60%, в Италии — больше 70%, в Финляндии – больше 60% (данные приведены без учета различий в национальных критериях МСП)⁹. При этом Сбербанк видит потенциал как минимум двукратного роста доли малого и среднего бизнеса в ВВП России (то есть до 40%).

Примером неудовлетворительной ситуации в сфере целеполагания в еще большей мере может служить многократно повторяемые ориентировки на увеличение доли инвестиций в основной капитал – стратегически один из наиболее значимых факторов и индикаторов экономического роста. Так, увеличение доли инвестиций в основной капитал в ВВП страны до 25–27% и даже более многократно декларировалось в качестве одной из ведущих макроэкономических целей страны. Цель увеличить долю инвестиций в основной капитал ставилась начиная с 2012 г. - еще тогда была поставлена задача по существенному увеличению объема инвестиций не менее чем до 25% ВВП к 2015 г. и до 27% и более – к 2018 г. В Послании Федеральному собранию в 2014 г. Президент РФ повторил эту задачу: долю инвестиций в ВВП надо увеличить до 25%, но уже не к 2015 г., а к 2018 г. Однако и в эти сроки данная цель не была достигнута в полной мере. Объем инвестиций в основной капитал в 2018 г. был на 26,4% меньше по сравнению с уровнем 1990 г.¹⁰

Невыполнение целевых установок по увеличению доли инвестиций в основной капитал за тот или иной год – это еще далеко не вся проблема. Ее основная суть заключается также и в том, что по-прежнему

⁸ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199462

⁹ <https://dzen.ru/a/ZHCja1t3KA4uk0XM?ysclid=m6i4h266yn471219955>. <https://www.forbes.ru/finansy/489930-gref-zaavil-o-stydnj-dole-malogo-i-srednego-biznesa-v-ekonomike-rossii?ysclid=m6i4pyl88u923471160>

¹⁰ <https://www.economy.gov.ru/material/file/450ce3f2da1ecf8a6ec8f4e9fd0cbdd3/Prognoz2024.pdf?ysclid=m6i58wouvz598809477>

сохраняется резко выраженный колебательный тренд ведущих экономических показателей страны, в т. ч. инвестиций в основной капитал (например, «бум» инвестиций 2023 г. на фоне «провала» в 2022 г. и вновь подъем в 2024 г.¹¹). Очевидно, что при таких неустойчивых показателях инвестиционного процесса макроэкономические цели, в том числе в виде вхождения России в пятерку крупнейших экономик мира с темпами роста выше общемировых, выполнить не удастся. В результате оказываются под вопросом и все другие ключевые индикаторы национального целеполагания, в т. ч. и социального характера. Одновременно «зависли» и такие важные цели, как необходимость «сгладить» зависимость трендов инвестиционного процесса от динамики и масштабов публичных (государственных) инвестиций, а также задача по преодолению значительных межрегиональных различий по этому показателю.

В целом можно констатировать, что для российской практики стратегического целеполагания в Российской Федерации характерны проблемы как общеэкономического, так и методологического плана. Проблемы общеэкономического свойства сводятся к низкой управляемости показателями экономической динамики, прежде всего темпами роста ВВП ввиду сохраняющейся значимой зависимости от негативных трендов на мировом рынке, особенно на рынке энергосырьевых ресурсов. В результате уже не одно десятилетие эти темпы чаще всего на деле оказывались не просто ниже проектируемых, но даже ниже уровня «минимальной достаточности» для достижения целей как общехозяйственного, так и социального развития [18; 19]. С точки зрения целеполагания есть и проблемы методологического плана. Они касаются тех методов, которые используются для генерирования целевых ориентиров в той или иной области. Фактически здесь и кроется ответ на вопросы: откуда взялись те или иные целевые индикаторы? как и чем они обосновывались?

Принято считать, что существует два основных подхода к выбору методологической базы целеполагания. Во-первых, это нормативно-целевой подход, когда вначале устанавливаются желаемые конечные параметры развития (цели), а затем определяются необходимые для этого финансовые, материальные, трудовые и иные ресурсы. Нормативно-целевой подход базируется преимущественно не на анализе реально имеющейся базы для дальнейшего развития, а на выявлении и приоритете общественных потребностей, формирующих или даже «диктующих» цели развития. Во-вторых, возможен генетический под-

¹¹ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405257655/> (дата обращения: 30.09.2024).

ход, который, напротив, исходит прежде всего из приоритета долго-временно сложившихся трендов развития, и лишь затем, с учетом сохранения в основном этих трендов, показываются возможные пути и сроки достижения заданных целей, определяются необходимые для этого ресурсы и пр. При этом как бы делается попытка именно таким путем выявить возможные направления, цели и этапы будущего развития и определить его закономерности. Таким образом, генетический подход в прогнозировании в целеполагании связан в первую очередь с выявлением объективно сложившихся тенденций развития социально-экономической системы и их переносом на предстоящий период. Этот подход в целеполагании основывается на использовании принципа инерционности развития, при котором ориентация прогноза и цели происходит от настоящего к будущему.

Дискуссии относительно методологии выбора целей и показателей плана наиболее активно развернулись в отечественной экономической науке в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в связи с разработкой первых пятилетних планов СССР [3]. Основой для дискуссии по «генетике и телеологии» в целеполагании и планировании стала подготовка вариантов этих планов, а также рассмотрение общей стратегии индустриализации в СССР [2]. Эта дискуссия касалась целого ряда проблем, созвучных нынешнему обсуждению методологических основ стратегического целеполагания, частью чего выступает задача проведения «новой индустриализации». В частности, существенно важным по-прежнему видится такой момент, как вопрос о том, с чего начинать составление планов таких преобразований: с постановки целей или с выявления преобладающего вектора хозяйственной динамики, и только в соответствии с ним следует формулировать цели плана. В сфере дискуссий тех лет были также актуальные и сегодня вопросы: В частности о том, насколько долгосрочный (стратегический) план в сравнении с текущим и среднесрочным планами расширяет возможности утверждения приоритета целевых установок плана? Как определить в рамках целеполагания оптимальные границы государственного регулирования, в структурной политике и в политике «подстегивания» темпов, что весьма актуального и сегодня (по данным Росстата, за последнее десятилетие среднегодовой темп прироста ВВП России составлял всего около 1,1%¹²)?

Однако пока ситуация складывается таким образом, что определить, какой именно методологический подход сегодня является доминирующим при фиксации того или иного целевого индикатора, практически невозможно. На наш взгляд, какие-либо жесткие установки

¹² <https://www.rbc.ru/economics/20/05/2024/66473f749a794716c4a31da8?ysclid=m6johuqc6a848874827> (дата обращения: 30.09.2024).

здесь едва ли приемлемы. Однако вполне целесообразна разработка методических рекомендаций, определяющих наиболее продуктивные методические подходы к стратегическому целеполаганию по его наиболее важным направлениям на основе баланса генетических и нормативных начал. Кроме того, имеет смысл одновременная подготовка двух вариантов целевых индикаторов – на генетических и нормативных началах – с последующим выбором их оптимального варианта.

Например, с нашей точки зрения, в отношении динамики и структуры российского МСП сегодня наиболее оправданным является генетический подход к прогнозированию и стратегическому целеполаганию, поскольку, как показал опыт последнего десятилетия, тренды развития сферы МСП менее зависимы от внутренних и внешних факторов влияния. Напротив, инвестиции в основной капитал в этом отношении более зависимы, причем сохраняются большие возможности для использования в этой сфере инструментов государственного регулирования и стимулирования инвестиционных процессов. Главное, чтобы во всех случаях эти методические подходы, как и используемые в их рамках базы фактических данных, были доступны для научно-экспертного сообщества. Эта практика включает в себя и последующую оценку того, какой методический подход и по каким причинам дал наиболее достоверный результат для дальнейшего закрепления его роли в практике стратегического целеполагания в целом.

Целеполагание и факторы внешнего влияния

В современных условиях нельзя не принимать во внимание еще одну важную методологическую установку, объективно присущую современной практике управления и долгосрочного стратегирования. Речь идет о факторах внешнего влияния или воздействия на то, как ставятся и реализуются стратегические цели развития России. В развитии теории и практики стратегического целеполагания Россия активно использовала и использует лучший международный опыт и предлагаемые им разработки и рекомендации. В их числе особое внимание следует уделить таким установкам, как цели устойчивого развития (далее – ЦУР) ООН на 2016–2030 гг. [21]. Модель «устойчивого развития» занимает важное место в установках стратегического планирования и управления за рубежом [24; 25; 27]. Иногда представляется, что устойчивость развития, выраженная в системе неких индикаторов, сама по себе могла бы составить национальную цель стратегического характера.

Подобные цели были закреплены в «Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Результатом работы международного сообщества стало определение 17 ключевых целей, с кон-

кретными инструментами по их достижению. Обозначенные цели носят комплексный, глобальный характер. Они универсально применимы и вследствие этого получили широкое распространение и поддержку в Российской Федерации. Сегодня они по временным параметрам совпадают с новым «траншем» национальных целей развития РФ. Значительное совпадение заметно и по содержательной стороне целеполагания, особенно в части вопросов социального развития. Вопрос о достаточной «сходимости» российских ЦУР и ЦУР ООН и их использовании для целей стратегического управления на всех уровнях публичной власти уже достаточно подробно рассмотрен в нашей и зарубежной научной литературе [14; 15; 17; 20; 22]. Рис. 1 показывает, что данные цели как бы разбиваются на две группы: достигаемые преимущественно усилиями национальных государств и наиболее эффективно достигаемые за счет механизмов международного сотрудничества (например, в сфере экологии и изменения климата). Это говорит о том, что неформальное присоединение к системе ЦУР выступает важным фактором интеграции России в интеграционные процессы по достижению приоритетов развития мирового сообщества.

Источник: https://rssp.ru/sustainable_development/goals/?ysclid=m6ko2xj1jb477378055

Рис. 1. Цели устойчивого развития ООН на 2016–2030 гг.

В России постоянно ведется работа по обеспечению взаимосвязи «своих» приоритетов, целей, планов и программ с рекомендациями ООН по устойчивому развитию. Сравнительный анализ целей устойчивого развития ООН и базовых целей в документах российского стратегического планирования федерального уровня показал¹³ их высокую

¹³ https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/ustoychivoe_razvitie/povestka_2030_i_cur_oon/?ysclid=m6jprkq06w560375980

согласованность, хотя, скорее всего, эта согласованность просматривается в основном на уровне общей направленности целеполагания, а не в его более детальной интерпретации. Для решения задач стратегического целеполагания в Указе № 309 от 07.05.2024 г. было сформулировано семь национальных целей. При этом некоторые ранее декларирувавшиеся национальные цели на данном этапе превратились в подцели, и по ним также установлены целевые показатели.

Можно ли говорить о том, что формирование национальных целей развития России и далее должно все более следовать в фарватере соответствующих разработок ООН? Полной убежденности в целесообразности такого решения нет.

В большинстве случаев принято считать, что разного рода внешние «факторы влияния» часто оказывают по преимуществу негативное влияние на весь процесс стратегического целеполагания в Российской Федерации, затрудняют достижение поставленных целей. Да, такое влияние существует и часто даже сохраняет за собой некое доминирующее воздействие. Но такое влияние нельзя сводить лишь к негативным моментам (воздействие санкций, введение более жестких ограничений экологического характера и пр.). В этом влиянии есть и позитивные компоненты.

Они сводятся к тому, что достаточно глубокий учет целей развития ООН позволяет нашему стратегическому целеполаганию оценить некоторую пробельность отечественных установок по данному вопросу (например, по линии институциональных изменений в обществе и государстве), но при этом оставаться в русле общемировых трендов регулирования ключевых социально-экономических процессов. За счет разумной привязки к целям развития ООН достигается необходимая последовательность формируемых целей, складывается баланс между общей формулировкой целей и пониманием условий и механизмов их практического достижения. Это значит, что цели выполняют важные контрольные функции в процессе стратегического планирования [26]. Формальное или неформальное присоединение к системе ЦУР выступает важным фактором интеграции России в международные интеграционные процессы по достижению приоритетов развития мирового сообщества. Наконец, через периодическую коррекцию целей ООН можно проследить эволюцию взглядов на приоритетные условия сохранения стабильного развития мирового сообщества, хотя уже сейчас ясно, что реализовать эти цели в полном объеме в формально установленные сроки (к 2030 г.), уже не представляется возможным¹⁴.

¹⁴ <https://www.ixbt.com/live/offtopic/spasti-chelovechestvo-ili-provalitsya-kak-mir-pytaetsya-vypolnit-plan-oon-k-2030-godu.html>

Заключение

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что процесс интеграции текущей практики государственного и муниципального управления с основными принципами и методами стратегического планирования далек от своего завершения. В настоящее время в Федеральном государственном реестре документов стратегического планирования значится почти 57 тыс. документов, в том числе более 130 документов федерального уровня, большинство из которых в той или иной мере содержат в себе определенные целеустанавливающие позиции. Однако наличие большого числа документов стратегического планирования, принятых теми или иными органами публичной власти, еще ничего не говорит о том, что каждодневная управленческая деятельность органов власти целиком ориентирована на целевые указания разного рода стратегий, программ и иных подобных документов, в том числе документов международного уровня. Более того, многочисленные публикации указывают на сохранение в этих программах и иных аналогичных документах расхождений в плане установки ими ключевых целевых значений, индикаторов и пр.

По нашему мнению, эти расхождения, негативно влияющие на практическую реализуемость документов стратегического планирования, во многом и являются свидетельством отсутствия методологической гибкости в процессе целеполагания, т. е. механизмов адаптации целей под различные варианты (сценарии) социально-экономического развития. Выше мы уже отмечали, что целеполагание, особенно на макроуровне, должно строиться на балансе генетических и нормативных подходов с открытым обоснованием методологического выбора и полученных на его основе результатов, причем параллельное использование различных методологических подходов должно носить не формальный характер, а составлять основу сценарного варианта утверждаемых целей. При этом выбираемые сценарии не должны сводиться к упрощенным вариантам типа «оптимистический», «умеренный», «базовый», «пессимистический» и пр. Варианты целевых установок целесообразно дифференцировать в разрезе экспертно определенных факторов влияния – позитивного или негативного. Разумеется, выбор этих факторов влияния и определение характера и глубины их воздействия на достижение поставленных целей также должны носить открытый мотивированный характер. Это позволит определить, какие факторы влияния и мера их воздействия были определены верно, а какие – нет, что и привело к просчетам в целеполагании.

Для того чтобы решить эти задачи, необходимо вывести на качественно новый уровень институционально-правовое обеспечение НЦР, равно как и весь процесс целеполагания в российской практике

государственного и муниципального управления. Прежде всего НЦР должны быть переведены на уровень закона. Разрабатывать и принимать федеральный закон о стратегическом целеполагании, скорее всего, нет оснований, но есть предпосылки к тому, чтобы текст Указа № 309 (возможно, в расширенном варианте) ввести в готовящуюся Стратегию социально – экономического развития России на долгосрочный период в качестве преамбулы. Здесь должны быть обозначены основные методические основы и процедурные аспекты стратегического целеполагания, включая программные и проектные механизмы реализации намечаемых целей [1; 12; 23]. Цели должны быть максимально конкретны и в итоге исчерпывающе проверяемы. Приоритетом такого целеполагания должны стать требования устойчивости экономического развития и на этой основе - последовательности и полноты решения задач социального характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаева К., Егоршева З. Цели устойчивого развития в государственной политике и документах стратегического планирования Российской Федерации // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 11. С. 27–36.
2. Бухвальд Е.М., Погребинская В.А. Стратегическое планирование в России: исторический опыт и реалии экономики // Федерализм. 2014. № 4. С. 21–36.
3. Бухвальд Е.М. Экономическое пространство как поле реализации национальных целей России // Федерализм. 2024. Т. 29. № 2 (114). С. 32–47. DOI: 10.21686/2073-1051-2024-2-32-47.
4. Генералова С.В. Совершенствование процесса целеполагания в системе стратегического планирования социально-экономического развития территорий. В сб.: Управление государственное, муниципальное и корпоративное: теория и лучшие практики. Ростов-на-Дону, 2023. С. 40–42.
5. Грибанова О.М. О национальных целях развития Российской Федерации в новых социально-экономических условиях // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 4. 2024. С. 65–81. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_4_65_81.
6. Гумеров Р.Р. Реализация национальных целей в предлагаемой модели стратегического народно-хозяйственного планирования // Российский экономический журнал. 2019. № 5. С. 3–24.
7. Карандаев А.Г. О государственном стратегическом планировании и прогнозировании в России. В сб.: Актуальные проблемы юриспруденции. Новосибирск: «Сибирская академическая книга», 2022. С. 25–35.
8. Кокошин А.А., Бартнев В.И. Проблемы взаимозависимости безопасности и развития в стратегическом планировании в Российской Федерации: от целеполагания к прогнозированию // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. № 7 (129). С. 38–48.
9. Кузнецова Е.К., Ивашевич Т.В., Хайрулина Л.Р. Стратегическое целеполагание в государственном управлении: интеграция национального и глобального уровней // Фундаментальные исследования. 2022. № 10–2. С. 207–212.

10. Ломовцева О.А. Национальные цели развития: новые перспективы государственного стратегического планирования. В сб. Современные проблемы менеджмента в строительстве. Спб., 2022. С. 69–74.
11. Лю И. Методы и цели стратегического планирования // Теория и практика современной науки. 2020. № 5 (59). С. 272–274.
12. Мерзлякова Д.С. Государственные программы как инструмент достижения национальных целей развития Российской Федерации. В сб.: Актуальные проблемы таможенного дела в условиях цифровой экономики. М.: Ун-т МВД им. В.Я. Кикотя, 2024. С. 176–180.
13. Митяков С.Н. Новые цели устойчивого развития России // Развитие и безопасность. 2023. № 1 (17). С. 21–35. DOI 10.46960/2713-2633_2023_1_21.
14. Пресняков В.М., Боброва Е.А., Преснецова В.Ю., Абашин В.Г. Цели устойчивого развития, влияющие на стратегическое планирование в регионах России // Экономические и гуманитарные науки. 2023. № 4 (375). С. 83–95.
15. Россейкина Е.Л. Вопросы целеполагания в стратегическом планировании развития муниципальных образований. В сб.: Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления. М.: МАРХИ, 2017. С. 93–100.
16. Санжаревский И.И. Стратегическое планирование в государственном управлении как система институциональных инструментов и механизмов целеполагания // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23. № 4. С.447–453.
17. Сильвестров С.Н., Крупнов Ю.А., Старовойтов В.Г. Определение и реализация национальных целей развития в российском стратегическом планировании // Российский экономический журнал. 2021. № 1. С. 32–44.
18. Сорокин Д.Е. Целеполагание в стратегическом планировании. В сб.: Стратегические задачи макроэкономического регулирования и пространственного развития. М.: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2018. С. 5–9.
19. Сорокин Д.Е. Оптимистический сценарий развития российской экономики // Вестник финансового университета. 2014. № 5. С. 12–15.
20. Харьковова О.М. Целеполагание регионального развития // Экономика и предпринимательство. 2022. № 8 (145). С. 1340–1344. DOI: 10.34925/ EIP.2022.145.8.275.
21. Цели устойчивого развития ООН и России (Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации). М., 2016.
22. Цыбатов В.А., Михайловский Л.Л. Формирование базового целевого плана как основы целеполагания при стратегическом планировании развития региона // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. № 7 (129). С. 38–48.
23. Шимко Н.В., Лух Е.С. Национальные проекты в системе стратегического планирования как инструмент стратегического целеполагания // Финансовый бизнес. 2023. № 7 (241). С. 91–95.
24. D'Adamo I., Gastaldi M., Morone P. Economic sustainable development goals: assessments and perspectives in Europe // Journal of Cleaner Production. 2022. 20 June. Vol. 354. 131730.

25. Kurnia S., Alamsyahbana M.I., Chartady R., Arifin S.V., Sesaria M.I. Circular solutions for recent work and economic growth: lessons from sustainable goals. *Academia open*. 2023. Vol. 8. No. 1.
26. *Svitlychnyi V.* Goals and objectives of the control of the modern state over economic activity // *Law herald*. 2023. No. 3. Pp. 243–250.
27. *Wambach A., Zulehner Ch.* Sustainability goals in Economic policy–economic considerations // *Wirtschaftsdienst*. 2022. Vol. 102. No. 5. Pp. 331–333.

REFERENCES

1. *Budaeva K., Egorshева Z.* Goals of sustainable development in state policy and documents of strategic planning of the Russian Federation. 2018. No.11. Pp. 27–36. (In Russ).
2. *Bukhvald E.M., Pogrebinskaya V.A.* Strategic planning in Russia: historical experience and realities of the economy. 2014. No. 4. Pp. 21–36. (In Russ).
3. *Bukhvald E.M.* Economic space as a field for the implementation of national goals of Russia. 2024. Vol. 29. No. 2 (114). Pp. 32–47. DOI: 10.21686/2073-1051-2024-2-32-47. (In Russ).
4. *Generalova S.V.* Improvement of the process of goal-setting in the system of strategic planning of socio-economic development of territories. In: *State, Municipal and Corporate Management: Theory and Best Practices*. Rostov-on-Don. 2023. Pp. 40–42. (In Russ).
5. *Gribanova O.M.* On the national goals of the development of the Russian Federation in new socio-economic conditions // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. No. 4. 2024. Pp. 65–81. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_4_65_81. (In Russ).
6. *Gumerov R.R.* Implementation of national goals in the proposed model of strategic national economic planning. 2019. No. 5. Pp. 3–24. (In Russ).
7. *Karandaev A.G.* On State Strategic Planning and Forecasting in Russia. In: *Actual Problems of Jurisprudence*. Novosibirsk: Siberian Academic Book. 2022. Pp. 25-35. (In Russ).
8. *Kokoshin A.A., Bartenev V.I.* The Problems of Mutual Dependence of Security and Development in Strategic Planning in the Russian Federation: From Goal Setting to Prognosis. 2015. No. 7 (129). Pp. 38–48. (In Russ).
9. *Kuznetsova E.K., Ivashkevich T.V., Khairulina L.R.* Strategic goal setting in public administration: integration of national and global levels. 2022. No. 10–2. Pp. 207–212. (In Russ).
10. *Lomovtseva O.A.* National Development Goals: New Prospects of State Strategic Planning. In: *Modern Problems of Management in Construction*. St. Petersburg. 2022. Pp. 69–74. (In Russ).
11. *Liu I.* Methods and goals of strategic planning // *Theory and Practice of modern science*. 2020. No. 5 (59). Pp. 272–274. (In Russ).
12. *Merzlyakova D.S.* State programs as a tool for achieving national goals of development of the Russian Federation. In: *Actual Problems of Customs in the Digital Economy*. Moscow: University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikotya. 2024. Pp. 176–180. (In Russ).
13. *Mityakov S.N.* New goals of sustainable development of Russia // *Development and Security*. 2023. No. 1 (17). Pp. 21–35. DOI: 10.46960/2713-2633_2023_1_21. (In Russ).

14. *Presnyakov V.M., Bobrova E.A., Presnetsova V.Yu., Abashin V.G.* Goals of sustainable development, influencing strategic planning in the regions of Russia. 2023. No. 4 (375). Pp. 83–95. (In Russ).
15. *Rosseiikina E.L.* Issues of goal-setting in the strategic planning of the development of municipalities. In: Actual problems of the development of economic subjects, territories and systems of regional and municipal management. Moscow: MARKHI. 2017. Pp. 93–100. (In Russ).
16. *Sanzharevsky I.I.* Strategic planning in public administration as a system of institutional tools and mechanisms of goal-setting. Series: Sociology. Political science. 2023. T. 23. No. 4. Pp. 447–453. (In Russ).
17. *Silvestrov S.N., Krupnov Yu.A., Starovoytov V.G.* Definition and implementation of national development goals in Russian strategic planning. 2021. No. 1. Pp. 32–44. (In Russ).
18. *Sorokin D.E.* Goal-setting in strategic planning. In: Strategic Tasks of Macroeconomic Regulation and Spatial Development. Moscow: Financial University under the Government of the Russian Federation. 2018. Pp. 5–9. (In Russ).
19. *Sorokin D.E.* Optimistic scenario for the development of the Russian economy. 2014. No. 5. Pp. 12–15. (In Russ).
20. *Kharkova O.M.* Goal-setting of regional development. 2022. No. 8 (145). Pp. 1340–1344. DOI: 10.34925/EIP.2022.145.8.275. (In Russ).
21. Sustainable Development Goals of the United Nations and Russia (Report on Human Development in the Russian Federation). Moscow. 2016. (In Russ).
22. *Tsybatov V.A., Mikhailovsky L.L.* Formation of the basic target plan as the basis of goal-setting in strategic planning of the development of the region]. 2015. No. 7 (129). Pp. 38–48. (In Russ).
23. *Shimko N.V., Likh E.S.* National projects in the system of strategic planning as a tool for strategic goal-setting // Financial Business. 2023. No. 7 (241). Pp. 91–95. (In Russ).
24. *D'Adamo I., Gastaldi M., Morone P.* Economic sustainable development goals: assessments and perspectives in Europe // Journal of Cleaner Production. 2022. 20 June. Vol. 354. 131730.
25. *Kurnia S., Alamsyahbana M.I., Chartady R., Arifin S.V., Sesaria M.I.* Circular solutions for recent work and economic growth: lessons from sustainable goals. Academia open. 2023. Vol. 8. No. 1.
26. *Svitlychnyi V.* Goals and objectives of the control of the modern state over economic activity // Law herald. 2023. No. 3. P. 243–250.
27. *Wambach A., Zulehner Ch.* Sustainability goals in Economic policy – economic considerations // Wirtschaftsdienst. 2022. Vol. 102. No. 5. Pp. 331–333.

Дата поступления рукописи: 27.12.2024 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бухвальд Евгений Моисеевич – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий Центром федеративных отношений и регионального развития ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
buchvald@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Evgeny M. Buchwald – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Federal Relations and Regional Development, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
buchvald@mail.ru

GOAL SETTING AS THE CORE OF STRATEGIC PLANNING

Contrary to various arguments such as “plan or market”, it should be recognized that any activity – economic, managerial, etc. – necessarily involves the presence of some meaningful target principles. Another thing is that these principles can be implemented in forms that differ both in the breadth and depth of coverage of the planned changes and the intended methods of their implementation. The sphere of state and municipal administration (in general – public authority), where objective goal setting is traditionally considered as one of the main conditions for achieving the desired result, also fully falls under this general principle. And in modern conditions, the sphere of activity of public authority remains a necessary “field” for the use of targeted management principles. Moreover, the consistent transition to the strategic nature of such management gives the presence of such principles, their objectivity, of particular importance. The article mentions some approaches to long-term goal setting that have developed in the domestic economy during the planned period of its functioning, and also examines modern interpretations of the advancement of target settings in the sphere of economic and social development.

Keywords: *state and municipal management, strategic planning, goal setting, national development goals, state programs and projects.*

JEL: O18, R120.

С.А. БРАТЧЕНКО

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: ВОПРОСЫ ДОСТИЖИМОСТИ, РЕЛЕВАНТНОСТИ И СОГЛАСОВАННОСТИ ЦЕЛЕЙ

В научной литературе представлено достаточно много работ, посвященных проблемам целеполагания в государственном управлении, однако до настоящего времени корпус изученных прецедентов не рассматривался как единый объект изучения. В этой связи возникла идея перейти от анализа к синтезу и попытаться предложить некоторую типологию выявленных ранее проблем целеполагания, в чем и состояла основная цель данного исследования. В результате было выделено пять типов проблем, связанных с целеполаганием, – это вопросы достижимости целей, нерелевантности и несогласованности целей, а также казусы, имеющие управленческие и институциональные корни. В данной статье подробно проанализированы только вопросы достижимости, нерелевантности и несогласованности целей.

Ключевые слова: *качество государственного управления, критерии качества целеполагания, достижимость целей, релевантность целей, согласованность целей, стратегия как инструмент достижения целей.*

УДК: 338.24

EDN: DTMBLL

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_1_24_46

Введение

Целеполагание является исходным и важнейшим шагом в процессе управления. От того, насколько корректно сформулированы цели, во многом зависит результат управления. В связи с этим совершенно закономерно, что изучением проблем целеполагания в государственном управлении (далее – ГУ) занималось немало ученых – в научной литературе этим вопросам посвящено множество работ (обзор источников на эту тему можно найти в [8]). По мнению автора данного исследования, можно согласиться со следующими нижеприведенными утверждениями. «Целеполагание как процесс постановки целей – это отправная точка всего процесса стратегического планирования. Качество формирования и формулировки набора целей

в конечном счете определяет траекторию и саму возможность их достижения» [5, с. 5]. «Управленческие цели и меры по их эффективной реализации должны быть политически, юридически и экономически обоснованными, отражать глубинный интерес общества, реализовываться системно и в непрерывном режиме. Залог успешности – системность, стратегическая ориентированность, профессионализм, ответственность и конструктивность действия» [26, с. 22].

В целом можно сказать, что выбор неадекватных целей вместо решения одних проблем может провоцировать возникновение других или новых «провалов государственного управления».

Проблема целеполагания в государственном управлении актуальна не только в нашей стране. Этот круг вопросов достаточно активно обсуждается в зарубежной научной литературе начиная с 1970-х годов прошлого века [45]. К 2003 г. вопросам целеполагания в западной литературе было посвящено более одной тысячи работ [44, р. 386]. В частности, Х. Хофстед с соавторами подчеркивает сложность и неоднозначность целей государственного управления, при этом отмечая их тесную связь с политическим и институциональным аспектами [43, с. 8]. Дж. Брайсон с соавторами проводит очень важное различие между формальными и неформальными целями: в организациях устанавливаются формальные цели, в то время как преследуются неформальные цели [41, р. 3]. В этой связи мы можем отметить ключевое отличие государственного управления от ситуации в бизнесе: каковы бы ни были формальные цели, высшее руководство компании все равно «держит в голове» неформальные качественные цели, а вот в государственном управлении, после того как сформулированы формальные цели, неформальные качественные цели становятся незначимыми.

Отдельного внимания заслуживает вопрос целеполагания при разработке государственных программ (далее – ГП) – поскольку в данном случае следует учитывать специфику данного инструмента государственного управления. «В программно-целевом управлении ... ключевым моментом является концептуальное обоснование цели ... развития» [29, с. 149]. «Еще на стадии проекта потенциальная эффективность программы зависит от того, насколько четко сформулированы цели» [17, с. 40]. При некорректных целях госпрограммы можно «выполнять все заявленные мероприятия, но двигаться не в том направлении» [28, с. 67]. На практике качество государственного управления при разработке и реализации государственных программ далеко не всегда оказывается высоким, в том числе это касается целеполагания: «в большинстве случаев государственные программы Российской Федерации нуждаются в дальнейшем совершенствовании, например, в части формулировки целей» [40, с. 6].

Предметом изучения во всех этих работах выступают различные проблемы, связанные с целеполаганием. И поскольку таких прецедентов уже выявлено достаточно много, но они изучаются преимущественно изолированно, спорадически и пока не систематизированы, напрашивается задача перейти от анализа к синтезу: то есть на основе достаточно широкой панорамы описанных к настоящему времени в литературе проблем целеполагания, возникающих в российском государственном управлении, предложить некоторую типологию выявленных проблем. В этом мы видим задачу настоящего исследования.

Автором выделено пять типов проблем, связанных с целеполаганием, – это вопросы достижимости, нерелевантности и несогласованности целей, а также проблемы, вызванные управленческими и институциональными причинами. В связи с большим объемом материала в данной работе будут рассмотрены только первые три случая: недостижимость, нерелевантность и несогласованность целей. Вопросы, обусловленные управленческими и институциональными причинами, автор намерен изложить в следующей работе.

1. Вопросы достижимости целей

Исходя из логики построения структуры данной работы, первым рассмотрим вопрос достижимости целей - выбор цели, соответствующей реальным возможностям как самого объекта управления (социально-экономической системы), так и субъекта управления (в данном случае - государственного управления). То, что эта проблема актуальна, подтверждает анализ как отечественной, так и зарубежной научной литературы. Так, бывший руководитель Стратегического комитета правительства Великобритании Дж. Малган подчеркивал, что «важнее всего концентрация усилий на достижимых целях» [21, с. 14]. Прецеденты из отечественной практики также свидетельствуют о наличии проблемы: «более чем за четверть века сменилось несколько стратегических установок экономической политики, которые замещали одна другую, часто не приводя к достижению поставленных целей» [33, с. 134–135]. Как отмечает профессор ВШЭ Е.К. Глушко, наблюдается «перетекание недостигнутых целей и невыполненных задач из одних программ в другие» [11, с. 1023].

Аналогичные проблемы имеют место на уровне глобальных институтов [39]. Так, независимый эксперт, национальный координатор по устойчивому развитию Казахстана с 1998 по 2012 г. Б.К. Есекин, анализируя цели устойчивого развития ООН, дипломатично выражается о том, что «многие эксперты высказывают сомнения в достижимости целей устойчивого развития», и одновременно показывает,

что несколько конкретных целей устойчивого развития, установленных для Казахстана, являются недостижимыми [15]. Подобным образом в другой работе утверждается, что «при современном состоянии правового регулирования эмиссии парниковых газов в большей части стран, ответственных за основную долю глобальных выбросов..., достижение декларируемой цели Парижского соглашения практически нереально» [27, с. 190].

При ближайшем рассмотрении проблема достижимости сама является неоднородной, в ней можно выделить три случая:

- игнорирование реальных возможностей (в текущих социально-экономических условиях цель или заданное значение цели недостижимы);
- пренебрежение древним и хорошо известным управленческим инструментом, называемым «стратегия» (то есть при эффективном управлении цель достижима, но предпринимаемые управленческие действия не приводят к достижению цели);
- игнорирование факторов риска, неопределенности и волатильности среды.

Рассмотрим последовательно каждый случай.

1.1. Игнорирование реальных возможностей

В своем теоретическом аспекте проблема достижимости целей государственного управления восходит к спору начала XX в. между сторонниками генетического подхода к планированию и управлению народным хозяйством (ярким представителем которого можно назвать Н.Д. Кондратьева) и приверженцами телеологического подхода (в качестве примера можно привести С.Г. Струмилина). Так, для Н.Д. Кондратьева основным требованием к плану была его реалистичность. В частности, он писал: «Одно из двух: или мы хотим иметь серьезные и реальные планы и в таком случае должны говорить в них лишь то, на что мы имеем известные научные основания; или мы будем продолжать заниматься всевозможными «смелыми» расчетами и выкладками на будущее без достаточных оснований, и тогда мы должны заранее примириться, что эти расчеты произвольны, что такие планы лишены реальности. Но какая цель и цена таких планов? В лучшем случае они останутся безвредными, потому что они мертвы для практики. В худшем – они будут вредными, потому что могут ввести практику в жестокие ошибки» [19, с. 606]. Л.И. Абалкин в связи с этим отмечал: «голос ученого не был услышан. Началась разработка несбалансированных планов со всеми вытекающими из этого последствиями.» [1, с. 5].

Такой волюнтаристский подход превалировал в советское время не только в экономике, но и в политике. Старшее поколение хорошо помнит XXII съезд КПСС, на котором было провозглашено, что «в итоге второго десятилетия (1971–1980 гг.) ... в СССР будет в основном построено коммунистическое общество» [30]. При этом теоретическим фундаментом Третьей программы КПСС, принятой на XXII съезде КПСС, явилась работа того же С.Г. Струмилина «На путях построения коммунизма», в которой утверждалась возможность построения материально-технической базы коммунизма (причем для ее создания указывались даже более ранние сроки, чем в программе КПСС) [32, с. 321–322]. В виду утопичности программы в 1986 г. на XXVII съезде КПСС пришлось принимать новую, более реалистичную редакцию программы. В основе последней лежала доктрина «развитого социализма», который должен «существовать длительное время».

Между тем текущая российская практика государственного управления продолжает в значительной степени опираться на телеологическую методологию целеполагания: т. е., называя вещи своими именами, продолжает выдавать желаемое за научно обоснованное. Причем не только в Стратегиях, где описание желаемого состояния без привязки ко времени достижения цели может в какой-то степени быть уместным, но и в других документах стратегического планирования, предполагающих конкретику.

Подтверждения использования такого подхода можно в изобилии найти в научной литературе. Так, например, «достижение национальной цели развития “вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4%,” представляется проблематичным» [23, с. 304]. «Установленные индикаторы (в области жилищного строительства. – С.Б.) практически недостижимы для российских регионов» [25, с. 9]. «Достижение целевых показателей национального проекта («Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». – С.Б.) маловероятно, даже при значительном бюджетном финансировании» [31, с. 58]. «Большое количество индикаторов, определенных Правительством Российской Федерации в 2008 г. в качестве индикативных показателей общественного развития на перспективу, не будут достигнуты. В большей степени это касается показателей инновационного развития и производства наукоемкой высокотехнологичной продукции. По результатам 2020 г. Российская Федерация не будет находиться в числе стран – лидеров по инновационному развитию и в пятерке стран – лидеров по ВВП по паритету покупательной способности» [38, с. 17].

1.2. Неиспользование инструмента стратегии

Еще одной причиной недостижения целей в отечественном государственном управлении выступает недооценка такого известного с древности инструмента управления, как стратегия.

Здесь требуется сделать терминологическую ремарку. Исторически термин «стратегия» (в военном деле, в стратегическом управлении, в стратегическом менеджменте, а также в государственном управлении зарубежных стран) непременно содержит средства достижения цели [21, с. 15] и понимается как «совокупность согласованных решений и действий, направленных на достижение значимых ... целей» [34, с. 29]. В системе государственного управления Российской Федерации термин «стратегия» обычно используется в ином значении: «Стратегия – документ стратегического планирования, определяющий приоритеты, цели и задачи государственного управления ... на долгосрочный период»¹. То есть документ под названием стратегия в отечественном ГУ является документом целеполагания [16, с. 115] и не содержит описание способа достижения цели, системы действий или паттерна поведения для достижения цели (подробнее см. в [10, с. 555–557]).

В настоящей работе термин «стратегия» понимается в общепринятом значении - как средство достижения цели, как совокупность согласованных решений и действий, направленных на достижение значимых целей, что не коррелирует с пониманием этого термина в документах государственного управления.

Такая позиция автора подтверждается авторитетом многих видных ученых, которые настаивают на необходимости разработки стратегий для достижения целей. Так, Л.И. Абалкин в свое время писал: «Выбор стратегии – это функция власти, опирающейся на интеллектуальные силы страны и институты гражданского общества, на их совместные действия. Сейчас этих совместных действий нет. Нет и стратегии» [1, с. 5]. О.С. Сухарев говорит о необходимости разработки даже нескольких вариантов стратегии, «способных обеспечить достижение цели (целей)» [33, с. 137].

Неиспользование инструмента стратегий в понимаемом нами смысле выявляется при анализе ряда документов государственного управления. Возьмем в качестве примера государственные программы: ученые отмечают, что «ключевая проблема государственных программ заключается в отсутствии обоснования состава мероприятий» [37, с. 103]. «Крайне низкой является достижимость поставленных

¹ См. п. 29 ст. 3 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ. <https://docs.cntd.ru/document/420204138> (дата обращения: 06.08.2024).

в документах целей указанными в них средствами: во многих случаях вообще отсутствует описание средств достижения целей, происходит смешение целей и средств, наблюдается постановка многочисленных задач, субъектами решения которых является не орган местного самоуправления, а субъекты, которые ему не подчиняются. В тех случаях, когда органы местного самоуправления ставят задачи перед собой, многие из этих задач являются чисто формальными или безответственными, а описываемые действия просто не могут обеспечить достижение целевых установок. Наконец, стратегии не предусматривают изменение управленческих механизмов органов местного самоуправления, которые бы могли обеспечить реализацию целевых установок» [36, с. 71]. Более подробно эта проблема раскрыта в [10].

1.3. Роль факторов неопределенности и волатильности среды

Современные реалии характеризуются волатильностью (volatility), неопределенностью (uncertainty), сложностью (complexity) и неоднозначностью (ambiguity), а совокупность этих факторов обозначается как VUCA среда. Чем дальше, тем в большей степени эффективное управление предполагает учет действия этой совокупности факторов (в частности, активное использование инструментов риск-менеджмента, сценарного подхода [7]), а соответственно, игнорирование VUCA среды ведет к повышенным рискам.

И если при управлении организациями эти вопросы в значительной степени проработаны как на теоретическом, так и на практическом уровне, то в государственном управлении многое еще только предстоит сделать. Так, на круглом столе по вопросам государственного управления, организованном в ВШЭ, А.В. Клименко отмечал, что «отдельные подходы к учету факторов риска уже обоснованы и апробированы в контроле и надзоре, в регулировании в целом. Однако этого еще не сделано в планировании, включая стратегическое планирование. Формально в стратегиях и планах упоминаются риски, стандартным образом выделяются оптимальные и неоптимальные варианты развития. Однако ни понятного обоснования, ни механизмов реакции на изменение условий не дается. Не секрет, что множество программ, планов и стратегий в результате наступления рисков или возникновения непредвиденных обстоятельств стали бесполезными и даже вредными для целей управления, так как фиксируют недостижимые цели и оперируют отсутствующими ресурсами. Зачатки методических подходов к оценке рисков апробируются применительно к национальным проектам. Насколько предлагаемые подходы будут работоспособными – покажет время» [35, с. 20].

* * *

В связи с вышесказанным представляется значимым подчеркнуть важность выбора достижимых целей, поскольку в противном случае «высоки риски того, что планы потеряют всякую связь с реальностью и превратятся в декларации» [11, с. 1024]. Это может иметь как экономические, так и политические последствия. С экономической точки зрения постановка недостижимых целей неизбежно приводит к низкому качеству государственного управления. Политически же «не может не возникнуть вопрос: к чему принимать, а тем более оформлять в форме правовых актов решения, на реализацию которых нет ни сил, ни средств? Думается, что такая практика лишь девальвирует значимость правительственных решений» [11, с. 1024]. Более того, «цели поставленные, но не достигнутые, обуславливают значительные риски, выражающиеся прежде всего в снижении доверия к стратегическим планам и программам развития страны» [34, с. 45].

2. Нерелевантность целей

Термин *«релевантный»* обычно понимается как уместный или подходящий; чаще всего он используется при анализе соответствия цели внешним условиям или условиям задачи.

2.1. Нерелевантность целей и критериев целеполагания

О требовании релевантности применительно к целям еще более 40 лет назад писал Дж. Доран [42]. Однако на практике в ряде государственных программ «цели многих подпрограмм не обладают ... релевантностью» [11, с. 1025].

Частным случаем нерелевантности можно считать недостижимость целей (как несоответствующих реальности), хотя нерелевантные цели могут быть как достижимые, так и недостижимые. В случае, если нерелевантные цели достигаются, обычно выясняется, что достижение этих целей не внесло никакого положительного вклада в решение поставленной проблемы. В итоге имеет место как минимум три негативных последствия: цели не достигнуты, ресурсы истрачены, время упущено.

Так, например, для решения проблемы доступности жилья «при определении целевых индикаторов жилищного строительства необходимо исходить из оценок потенциального спроса, а не из оценок потребности. Поэтому государственная жилищная политика должна быть нацелена не на максимальное наращивание объемов жилищного строительства, что может привести (и в некоторых регионах уже привело) к появлению значительного количества нереализованного жилья, а на максимальную поддержку спроса через различные финансовые

институты» [25, с. 10]. Между тем основным целевым показателем ГП «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» до сих пор выступает «Увеличение годового объема ввода жилья»².

Или, например, хорошо знакомая научным работникам проблема – необходимость публикации статей в журналах, входящих в мировые библиометрические базы данных Web of Science и Scopus. Так, в соответствии с поручением Президента Российской Федерации в качестве целевого показателя записано «обеспечить ... увеличение ... доли публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (WEB of Science), до 2,44%»³. Выполнение этой задачи было чрезвычайно трудоемким, некоторая часть педагогических и научных работников пошла на фальсификации... Однако «быстро выяснилось, что публикации научных статей российских ученых, даже в самых лучших западных периодических изданиях, не обуславливают технологической и экономической самостоятельности России на рынке интеллектуальной продукции, так же как выполнение самых строгих требований и критериев российскими университетами не ведет к положительным изменениям в технологическом уровне национальной экономики» [2, с. 29].

Кроме того, поскольку ситуация динамична, нерелевантные цели могут становиться релевантными, и наоборот.

Бывают не только нерелевантные цели, но и нерелевантные критерии, нерелевантные показатели. Так, 29 ноября 2024 г. заместитель председателя Центробанка России Ф. Габуния во время пресс-конференции заявил, что «долговая нагрузка населения у нас составляет 11% от совокупных доходов населения. Это комфортный уровень, поэтому в целом мы рисков не видим»⁴. Насколько релевантен показатель средней долговой нагрузки с учетом большой дифференциации как доходов населения, так и долговой нагрузки относительно доходов? Попробуем ответить на этот вопрос, оценив ситуацию, сложившуюся с распределением долговой нагрузки населения.

Мы сделали расчеты по данным 2022 г. Это обусловлено тем, что в 2024 г. ЦБ РФ не проводил исследование состояния финансов домо-

² <https://programs.economy.gov.ru/gp/-/subject/-/direction/3/gp/12/gpVersion/10444> (дата обращения: 27.11.2024).

³ Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». <https://base.garant.ru/70170946/> (дата обращения: 27.11.2024).

⁴ Выступление Ф. Габунии на пресс-конференции по Обзору финансовой стабильности за II–III кварталы 2024 г. <https://www.cbr.ru/press/event/?id=23199#highlight=габунии> (дата обращения: 02.12.2024).

хозяйств по данным 2023 г., и доступны только данные за 2022 г. Тем не менее мы полагаем, что имеющиеся у нас данные вполне репрезентативны для анализа, для того чтобы делать оценки «снизу», поскольку с учетом роста инфляции за этот период ситуация с долговой нагрузкой только ухудшилась. Имеющиеся данные не репрезентативны для оценок «сверху», но для целей нашего анализа они нам и не требуются. Данные о распределении долговой нагрузки в зависимости от доходов по децилям доходности в 2022 г. приведены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение долговой нагрузки в зависимости от доходов населения, по децилям доходности в 2022 г.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	В среднем
Доходы населения по децилям, тыс. руб./мес./человек	10,6	18,3	24,2	30,2	36,9	44,8	54,7	68,4	91	166	54,5
Медиана суммы обязательств по домохозяйствам, тыс. руб./человек	60	62	65	80	112	130	115	180	289	506	160
Период, за который можно вернуть долг, выплачивая 100% дохода, мес.	5,7	3,4	2,7	2,6	3,0	2,9	2,1	2,6	3,2	3,1	2,9
Период, за который можно вернуть долг, выплачивая 11% дохода, мес.	51	31	24	24	28	26	19	24	29	28	27

Источники: составлено автором по: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>, [4, с. 17].

Что мы видим из этих данных? Прежде всего то, что данные существенно различаются по децилям доходности: наиболее уязвимыми являются первые децили, и в особенности первый дециль, где сумма доходов составляла чуть более 10 тыс. руб. на человека в месяц. Неудивительно, что при таких доходах люди едва сводят «концы с концами» и «домохозяйства из нижних по доходам групп, как правило, не располагают достаточными средствами для покрытия расходов, кроме питания и ЖКХ, поэтому при планировании дополнительных расходов обращаются за заемными средствами» [4, с. 24].

«В первой децильной группе по подушевым денежным доходам ... для большинства домохозяйств медианный размер их расходов превышает размер доходов» [4, с. 10]. Это означает, что людям просто не на что жить, и поэтому неудивительно, что они все больше и больше

«залазят в долги». Это и понятно: в первой децильной группе из доходов 10,6 тыс. руб./мес./человек на погашение кредитов уходит в среднем 26% [4, с. 19], то есть «на жизнь» остается порядка 7,8 тыс. руб./мес./человек.

Это не значит, что у остальных 90% все хорошо. «У 32% домохозяйств в выборке расходы выше, чем доходы» [4, с. 10]. «В первых трех квинтильных группах домохозяйств по доходу сумма невыплаченной задолженности превышает финансовые активы более чем в 10 раз. Таким образом, свободные средства на погашение имеющейся задолженности у домохозяйств отсутствуют, и в случае потери постоянного источника дохода обслуживание долгов будет создавать серьезные финансовые проблемы для домохозяйства даже в краткосрочной перспективе» [4, с. 18]. «В первых шести децильных группах по доходам на человека расходы на питание и ЖКХ существенно превосходят другие расходы» [4, с. 6].

Одновременно мы видим, что долговая нагрузка для последних децилей совершенно не критична: им хватает и на текущие расходы, и на покупки в кредит.

Отсюда следует, что показатель (долговая нагрузка в среднем по стране), который использует заместитель председателя Банка России Ф. Габуния для апологии текущей кредитной политики, нерелевантен. Для того чтобы получить адекватную картину, нужно апеллировать не к «средней температуре по больнице», а опираться как минимум на децильную статистику.

2.2. Цели, достижение которых решает проблему, но приводит к нерелевантным (непредвиденным) «побочным» последствиям

В общем случае цели формулируются для последующего решения задачи/проблемы. Бывает, что в результате цели не достигаются, бывает, что достижение целей не приводит к решению имеющихся задач/проблем, а бывает, что результатом достижения целей становится не только решение изначальной задачи/проблемы, но и некоторые другие последствия, которые а priori не предполагались: в результате решение одной проблемы приводит к возникновению других (зачастую в смежных областях), иногда более сложных или более критичных проблем.

Такие ситуации случаются и в бизнесе, но при решении сложных социально-экономических задач в рамках государственного управления их вероятность многократно увеличивается. На возможность получения непредвиденных результатов при решении задач управления климатом указывает Х. Хофстед с соавторами [43, р. 2]. В качестве

отечественного примера можно вспомнить прецедент строительства оросительных каналов в Средней Азии, предпринятого в середине прошлого века с целью увеличения возделываемых площадей и повышения урожайности местных сельскохозяйственных культур (прежде всего хлопка), что, действительно, повысив на какой-то период сбор хлопка, в итоге привело к катастрофическим экологическим и социальным последствиям (к т. н. катастрофе Аральского моря).

Поэтому при оценке качества государственного управления необходимо учитывать всю совокупность последствий, которые будут получены в результате принимаемых и реализуемых государственных решений в политической, социальной, экономической, экологической и иных областях.

3. Несогласованность целей

Релевантность и согласованность, будучи близкими по значению, тем не менее не являются тождественными категориями. Обе эти категории являются относительными, то есть описывают отношение цели к чему-либо. Релевантность может пониматься как согласованность цели с внешними условиями, а согласованность понимается как отношение совокупности целей друг к другу.

Категория «*согласованность*» обычно используется для описания отношений между несколькими целями и в общем случае (для неиерархических целей) означает их сонаправленность, когда достижение одной цели содействует (или по крайней мере не противоречит) достижению другой.

Проблема согласованности чрезвычайно актуальна в государственном управлении, которое отличается от управления организацией не только тем, что управляет существенно более сложным объектом, но и большим числом задач и проблем, требующих одновременного решения.

Проблема согласованности целей в ГУ неоднородна. В частности, можно выделить несогласованность целей нескольких задач/проблем между собой и несогласованность целей при решении одной задачи/проблемы.

3.1. Несогласованность целей нескольких задач или проблем между собой

В реалиях институциональной структуры государственного управления несогласованность целей нескольких задач или проблем между собой на поверхности проявляется в несогласованности целей, содержащихся в разных документах.

На актуальность этого случая несогласованности целей указывает множество авторов [3, с. 32–33; 5, с. 21; 6, с. 80; 12, с. 17; 20, с. 22; 22, с. 21; 24, с. 179; 37 и др.]. Подробно этот случай несогласованности целей проанализирован в [9]. Приведем лишь таблицу, в которой систематизированы различные случаи несогласованности целей при решении нескольких задач или проблем (см. табл. 2).

Таблица 2

Типы несогласованности целей в государственном управлении (при одновременном решении нескольких задач или проблем)

Где наблюдается	Содержание коллизии
В совокупности задач ГУ	Множественность целевых параметров совокупности задач
	Дублирование целей в разных задачах
	Наличие разных, но сходных по целям задач
	До принятия Единого плана в 2021 г.: между национальными целями и целями государственных программ
	Временная несогласованность: слишком частая смена целевых ориентиров
В Едином плане	Между Единым планом и региональными программами
	Некоторые критичные цели не вошли в Единый план
	Сложная взаимосвязь национальных проектов, государственных программ и иных видов проектов и программ в рамках Единого плана
	Стратегические цели государственных проектов/программ выпали из поля зрения государственного управления
Между целями экономической политики и конкретными задачами ГУ	Между целями макроэкономической политики и национальными целями
	Между целями, обозначенными в документах стратегического планирования, и целями государственных проектов и программ

Источник: [9, с. 99].

В частности, в отношении государственных программ «были выявлены ... проблемы, связанные с пересечением целей, задач, целевых индикаторов и показателей и эффектов ... между различными госпрограммами» [24, с. 179].

Справедливости ради следует отметить, что подобные «противоречия имеют место и в бюджетной практике ряда других стран. Можно

привести в пример параллельное существование в США двух программ: программы по сокращению количества курильщиков и программы по выращиванию табака» [28, с. 67].

3.2. Несогласованность целей при решении одной задачи/проблемы

При решении практически любой сложной социально-экономической задачи или проблемы приходится учитывать разные аспекты данной проблемы/задачи, и желательно, чтобы предложенные цели не противоречили друг другу.

Рассмотрим, например, перспективы развития отечественного АПК, одна из важнейших задач которого – обеспечение доступности продовольствия для населения страны (с точки зрения его физического предложения). Так, в рамках ГП «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» рост валовой продукции сельского хозяйства должен к 2025 г. составить 116,3% (по отношению к 2017 г.). Одновременно за этот же период предполагается, что рост экспорта продукции агропромышленного комплекса составит 210,6%. Р.Р. Гумеров справедливо отмечает, что «таким образом, развитие отечественного АПК принимает ярко выраженную экспортоориентированную направленность. Выбор подобной модели выглядит по крайней мере спорным при наличии почти 19 млн недоедающих граждан» [12, с. 13–14].

Это пример *несогласованности однопорядковых, однородных целей*.

Однако целеполагание в государственном управлении часто носит иерархический характер (например, при использовании конструкции «дерева целей» или в связке «государственная программа - подпрограмма», или при транслировании государственных программ на региональный, а затем на муниципальный уровень). Согласно действующему корпусу нормативных документов⁵, регулирующих разработку государственных программ, к целевым категориям ГП относятся (в порядке иерархии) национальные цели, стратегические цели (стратегические приоритеты ГП), целевые показатели ГП, мероприятия и контрольные точки (контрольные события) ГП.

О наличии *несогласованности иерархических целей* свидетельствует ряд авторов. Чаще всего отмечается «расхождение целей, задач, целевых показателей и ожидаемых результатов» госпрограмм» [5, с. 21],

⁵ В частности, Положения о системе управления государственными программами Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 26 мая 2021 года № 786 (далее – ПП № 786). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385064/ (дата обращения: 27.11.2023).

а также то, что «критерии социальной эффективности, учитывающие ожидаемый вклад реализации государственной программы в социальное развитие», обычно оцениваются формально и, как следствие, обычно не имеют прикладного значения [13, с. 70]. В качестве примера можно привести ГП «Управление федеральным имуществом» (ныне – подпрограмма «Управление федеральным имуществом» ГП «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков»). «Государственная программа, изначально принятая для создания условий для эффективного управления федеральным имуществом и совершенствования системы государственного материального резерва, ... в течение непродолжительного отрезка времени, прошедшего с момента принятия государственной программы управления федеральным имуществом, ... в процессе «доработки», по сути, снова становится лишь инструментом приватизационной политики» [18, с. 33].

При анализе мероприятий госпрограмм выясняется, что «реализация утвержденных мероприятий не содействует достижению стратегических и/или оперативных целей данных госпрограмм» [10, с. 564]. В результате реализация госпрограмм не приводит к достижению целей государственных программ [17, с. 38], не приближает к решению проблем социально-экономического развития [14]. По причине несогласованности целей «достижение ... плановых значений индикаторов далеко не всегда обеспечивает достижение стратегических целей» [8, с. 41] государственного управления, решение существующих проблем и поставленных задач.

Заключение

Изучение значительного числа кейсов целеполагания в государственном управлении (прежде всего на данных государственных программ), а также научных источников позволили нам расширить и углубить известный тезис о том, что «качество формирования и формулировки набора целей в конечном счете определяет ... саму возможность их достижения» [5, с. 5]. Корректное целеполагание подразумевает, что сформулированная цель соответствует ряду условий (критериев).

Первым условием корректной цели выступает ее достижимость. При этом важно иметь в виду, что категория достижимости включает несколько аспектов, а именно:

- сформулированная цель может оказаться недостижимой, когда в качестве цели выступает желательное состояние объекта управления, но при этом не было учтено наличие реальных условий (ресурсов) для ее достижения (например, при использовании так называемого телеологического подхода);

- достижимость цели должна вытекать из стратегии, разработанной для решения поставленной управленческой задачи или проблемы;
- при формулировании цели и разработке стратегии должны учитываться особенности современной VUCA среды, характеризующейся высокой волатильностью, неопределенностью, сложностью и неоднозначностью.

Кроме того, цели должны быть релевантны – иначе достижение этих целей не внесет никакого положительного вклада в решение поставленной проблемы, а средства и усилия будут потрачены зря. При этом должно учитываться как получение ожидаемого результата от решения данной конкретной задачи или проблемы, так и совокупность нерелевантных «побочных» эффектов в смежных областях, возникающих в процессе достижения поставленной цели. Последнее замечание особенно актуально при решении сложных социально-экономических задач.

Государственное управление решает одновременно множество задач и проблем, что порождает множественность целей и необходимость рассматривать цели не только по отдельности, но и их совокупность во всей социально-экономической системе в целом. Это особенно важно, в частности потому, что несогласованность целей между собой сама по себе является серьезной проблемой. При этом важно решить проблему согласованности как «вовне» (целевые параметры разных государственных задач должны быть согласованы между собой), так и «внутри», при решении одной задачи или проблемы.

Несоблюдение хотя бы одного из вышеуказанных требований, а также несоответствие критериям целеполагания с большой вероятностью приведет к недостижению поставленной цели.

Использование выводов данного исследования (критериев целеполагания) в практике государственного управления должно повысить качество целеполагания и, следовательно, повысить качество государственного управления в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абалкин Л.И.* Вступительное слово на VI Международной Кондратьевской конференции, тема которой «Есть ли у России несырьевое будущее?» // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2008. № 1. С. 5. EDN: MSWVQF.
2. *Балацкий Е.В., Екимова Н.А.* Проблема технологического суверенитета и новая миссия центрального научного ведомства России // Экономика. Налоги. Право. 2023. № 16. С. 28–36. DOI : 10.26794/1999-849X-2023-16-2-28-36.
3. *Бауэр В.П., Ерёмин В.В., Смирнов В.В.* Проектный подход к согласованию бюджетных процедур и ресурсного обеспечения реализации национальных проектов // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 13 (3). С. 28–41. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-3-28-41.

4. Бессонова Е., Цветкова А. Финансы российских домохозяйств в 2022 году. М.: Центральный банк Российской Федерации. 2023. https://www.cbr.ru/Content/Document/File/146276/analytic_note_20230419_dip.pdf.
5. Блохин А.А., Адамян Э.А., Китаев А.Е., Миронова И.И. Сравнительные оценки параметров целей государства и других субъектов управления российской экономикой // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2019. № 2. С. 3–25. EDN: CDIDPT.
6. Бобков В.Н. Теоретико-методологические подходы к разрешению противоречий национальных целей и национальных проектов // Научные труды Вольного экономического общества. 2019. № 3. С. 77–99. EDN: LXHAEС.
7. Братченко С.А. «Сценарный менеджмент»: связь стратегии и тактики // Управленческие науки. 2016. № 4. С. 62– 67. EDN: XIROKH.
8. Братченко С.А. Институциональные аспекты целеполагания при разработке государственных программ // Государственная служба. 2023. № 5. С. 39–54. DOI: 10.22394/2070-8378-2023-25-5-39-54. EDN: RHBKDG.
9. Братченко С. А. Несогласованность целей в государственном управлении // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 78–108. DOI: 10.52180/2073- 6487_2023_6_78_108. EDN: KDHXKU.
10. Братченко С. А. Использование стратегий при разработке государственных программ: обзор практики и анализ ситуаций. // AlterEconomics. 2024. № 3. С. 553–570. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2024.21-3.7. EDN: KTLYEO.
11. Глушко Е.К. Управление государственными финансами: программы и их реализация (вопросы права) // Lex Russica (Русский закон). 2014. № 9. С. 1023–1030. EDN: TCRHYZ.
12. Гумеров Р.Р. Реализация национальных целей в предлагаемой модели стратегического народно-хозяйственного планирования // Российский экономический журнал. 2019. № 5. С. 3–24. DOI: 10.33983/0130-9757-2019-5-3-24. EDN: NOXHYI.
13. Гумеров Р.Р., Гусева Н.В. Проблемы оценки эффективности государственного регулирования и бюджетной поддержки российской экономики // Российский экономический журнал. 2018. № 1. С. 66–80. EDN: YTPPSW.
14. Данилов Ю.А. Проблема увязки стратегий финансового развития с целями социально-экономического развития: аспект целевых показателей // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 4. С. 127–153. DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-4-127-153. EDN: BYFKZI.
15. Есекин Б.К. Цели устойчивого развития: что с ними не так и что нужно изменить / В сб.: Актуальные проблемы глобальных исследований: глобальное развитие и пределы роста в XXI веке. Сб. статей VII Международной научной конференции, 15–18 июня 2021 г. / Под ред. И.В. Ильина. М.: МОСИПНН Н.Д. Кондратьева. 2021. С. 161–172. DOI: 10.46865/978-5-901640-36-4-2021-1-563.
16. Климанов В. В., Будаева К. В., Чернышова Н. А. Промежуточные итоги стратегического планирования в регионах России // Экономическая политика. 2017. № 5. С. 104–127. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-5-06. EDN: ZXQTND.
17. Коваленко Е.А. Исследование эффективности государственных адресных социальных программ // Отечественный журнал социальной работы. 2010. № 4. С. 38–49. EDN: RRTGQJ.
18. Козлова С.В. Управление государственным и муниципальным имуществом: сможет ли новый закон преодолеть институциональные ловушки? // Вестник

- Института экономики Российской академии наук. 2019. № 5. С. 24–42.
DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10057. EDN: HXNLAK.
19. *Кондратьев Н.Д.* План и предвидение / В кн.: Кондратьев Н.Д., Яковец Ю.В., Абалкин Л.И. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002. С. 567–614.
 20. *Круинов Ю.А., Сильвестров С.Н., Старовойтов В.Г.* Проблемы и противоречия стратегического планирования // Российский экономический журнал. 2022. № 6. С. 15–30. DOI:10.33983/0130-9757-2022-6-15-30. EDN: LXXWRW.
 21. *Малган Дж.* Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. EDN: QOMJFN.
 22. *Мартыненко С.В.* Как контролировать достижение национальных целей // Журнал «Бюджет». 2020. № 1. С. 20–22. EDN: KEWMNW.
 23. *Наумов С.Н.* О методологических подходах к построению сценариев перспективного развития России // Возможные сценарии будущего России и мира: междисциплинарный дискурс. Сб. научн. трудов участников XI Международной Кондратьевской конференции / под ред. В.М. Бондаренко. М.: Международная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева. 2020. С. 303–308. EDN: DVKBPR.
 24. *Наумов С.Н., Сорокин И.А.* Оценка государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» на предмет соответствия национальным целям развития Российской Федерации на период до 2024 года // Друкеровский вестник. 2020. № 1. С. 168–182. DOI: 10.17213/2312-6469-2020-1-168-182. EDN: CZLOOD.
 25. *Овсянникова Т.Ю., Рабцевич О.В., Югова И.В.* Государственная жилищная политика в России: цели и реалии // Недвижимость: экономика, управление. 2018. № 4. С. 6–12. EDN: WKVYMO.
 26. *Охотский Е.В., Фролов С.С.* Качество целеполагания — базовое условие эффективного государственного управления // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2020. № 1. С. 21–42. EDN: PAKPOZ.
 27. *Пекарникова М.Е., Полонский А.Б.* Анализ реалистичности достижения основной цели Парижского соглашения при существующей системе правового регулирования и контроля за антропогенными выбросами парниковых газов // Фундаментальная и прикладная климатология. 2022. № 2. С. 190–208. DOI: 10.21513/2410/8758-2022-2-190-208.
 28. *Пивоварова О.В.* 2.2. Анализ реализации и оценка эффективности государственных программ Российской Федерации как условие обеспечения результативности в сфере управления государственным имуществом // Развитие России в новой реальности: состояние и перспективы: монография / Е.В. Суханов, Е.А. Милованов, В.Н. Немиров, Ю.А. Солодовник, А.В. Графов, Т.И. Либерман, О.В. Пивоварова, Е.Ю. Коротаяева, Н.А. Маркина, Е.С. Татарина, Л.Я. Аврашков, Г.Ф. Графова, С.А. Шахватава. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС; Воронежский государственный педагогический университет, 2017. EDN: YOFLAD.
 29. *Порфирьев Б.Н., Лексин В.Н.* 2.5. Концептуально-методологические основы целеполагания в системе государственного программно-целевого управления комплексным развитием арктической зоны Российской Федерации // Арктическое пространство России в XXI веке: факторы развития, организация управления / под ред. акад. В.В. Ивантера. СПб.: Санкт-Петербургский

- политехнический университет Петра Великого; Издательский Дом «Наука». 2016. С. 149–151. EDN: XWNDLH.
30. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1961. https://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/III_program_KPSS_files/III_program_KPSS.htm (дата обращения: 20.11.2024).
31. Репина Е.Г. Малое и среднее предпринимательство России: статистическая оценка достижения целевых индикаторов национального проекта // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2022. № 1 (207). С. 55–64. DOI: 10.46554/1993-0453-2022-1-207-55-64. EDN: MBRTLМ.
32. Струмилин С.Г. На путях построения коммунизма / В кн.: Струмилин С.Г. Проблемы социализма и коммунизма в СССР. М.: Издательство экономической литературы. 1961. С. 289–368.
33. Сухарев О.С. Вопросы стратегии развития России // Федерализм. 2016. № 1. С. 133–154. EDN: VUDWQR.
34. Тамбовцев В. Л., Рождественская И. А. Теория стратегического планирования: институциональный подход.// Terra Economicus. 2020. № 2. С. 22–48. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-2-22-48.
35. Теории и методы исследований государственного управления: современные тенденции (Круглый стол НИУ ВШЭ, 22 апреля 2024 г.) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 3. С. 7–38. EDN: EMGUBK.
36. Фишман Л.И., Иванов М.Ю. Стратегии социально-экономического развития муниципальных образований: опыт анализа // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 9. С. 71–78. EDN: VRZLLK.
37. Фрумина С.В. О государственных программах, стимулирующих развитие малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 7. С. 98–107. EDN: WXMKWP.
38. Шайбакова Л.Ф., Ведерникова Е.А. Прогнозные оценки достижимости стратегических индикаторов долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // e-FORUM. 2020. № 2 (11). EDN: GVBRLM.
39. Шапагатова Б.С. Риски национального фонда: что мешает фонду достичь своих целей? // Вестник университета «Туран». 2014. № 3. С. 153–158. EDN: XCDDUX.
40. Шап Н.Н. Управление эффективностью государственных программ: методологические основы разработки программного бюджета // Управленец. 2015. № 1. С. 4–15. EDN: TKAUGT.
41. Bryson J.M., George B., Seo D. Understanding goal formation in strategic public management: a proposed theoretical framework // Public Management Review. 2022, August. DOI: 10.1080/14719037.2022.2103173.
42. Doran G.T. There's a S.M.A.R.T. way to write management goals and objectives // Management Review. 1981. Vol. 70. No. 11. Pp. 35–36.
43. Hofstad H., Millstein M., Tønnesen A., Vedeld T., Hansen K.B. The role of goal-setting in urban climate governance // Earth System Governance. 2021. No. 7. Pp. 1–10.
44. Latham G., Borgogni L., Petitta L. Goal Setting and Performance Management in the Public Sector. //International Public Management Journal. 2008. Vol. 11 (4). Pp. 385–403. DOI: 10.1080/10967490802491087.
45. Pitkänen E. Goal Programming and Operational Objectives in Public Administration // The Swedish Journal of Economics. 1970. No. 3. Pp. 207–214.

REFERENCES

1. *Abalkin L.I.* Introductory speech at the VI International Kondratieff Conference, the theme of which is "Does Russia have a non-resource future?" // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2008. No. 1. P. 5. EDN: MSWVQF. (In Russ.).
2. *Balatsky E.V., Ekimova N.A.* The problem of technological sovereignty and the new mission of the Central scientific department of Russia // Economy. Taxes. Right. 2023. No. 16. Pp. 28–36. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-2-28-36. (In Russ.).
3. *Bauer V.P., Eremin V.V., Smirnov V.V.* The project approach to the coordination of budgetary procedures and resource support for the implementation of national projects // Economy. Taxes. Right. 2020. No. 13 (3). Pp. 28–41. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-3-28-41. (In Russ.).
4. *Bessonova E., Tsvetkova A.* Finances of Russian households in 2022. Moscow: Central Bank of the Russian Federation. 2023. https://www.cbr.ru/Content/Document/File/146276/analytic_note_20230419_dip.pdf. (In Russ.).
5. *Blokhin A.A., Adamyan E.A., Kitaev A.E., Mironova I.I.* Comparative estimates of the parameters of the goals of the state and other subjects of management of the Russian economy // Bulletin of the Moscow University. Ser. 6. Economics. 2019. No. 2. Pp. 3–25. EDN: CDIDPT. (In Russ.).
6. *Bobkov V.N.* Theoretical and methodological approaches to resolving contradictions between national goals and national projects // Scientific Papers of the Free Economic Society. 2019. No. 3. Pp. 77–99. EDN: LXHAEC. (In Russ.).
7. *Bratchenko S.A.* "Scenario management": the relationship between strategy and tactics // Managerial Sciences. 2016. No. 4. Pp. 62–67. EDN: XIROKH. (In Russ.).
8. *Bratchenko S.A.* Institutional aspects of goal setting in the development of government programs. Public service. 2023. No. 5. Pp. 39–54. DOI: 10.22394/2070-8378-2023-25-5-39-54. EDN: RHBKDG. (In Russ.).
9. *Bratchenko S. A.* Inconsistency of goals in public administration // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 6. Pp. 78–108. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_78_108. EDN: KDHKXU. (In Russ.).
10. *Bratchenko S. A.* The use of strategies in the development of government programs: a review of practice and analysis of situations. // AlterEconomics. 2024. No. 3. Pp. 553–570. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2024.21-3.7. EDN: KTLYEO. (In Russ.).
11. *Glushko E.K.* Public finance management: programs and their implementation (legal issues) // Lex Russica (Russian Law). 2014. No. 9. Pp. 1023–1030. EDN: TCRHYZ. (In Russ.).
12. *Gumerov R.R.* Implementation of national goals in the proposed model of strategic national economic planning // Russian Economic Journal. 2019. No. 5. Pp. 3–24. DOI: 10.33983/0130-9757-2019-5-3-24. EDN: NOXHUI. (In Russ.).
13. *Gumerov R.R., Guseva N.V.* Problems of assessing the effectiveness of state regulation and budget support of the Russian economy // Russian Economic Journal. 2018. No. 1. Pp. 66–80. EDN: YTPPSW. (In Russ.).
14. *Danilov Yu.A.* The problem of linking financial development strategies with the goals of socio-economic development: the aspect of target indicators // Issues of state and municipal management. 2022. No. 4. Pp. 127–153. DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-4-127-153. EDN: BYFKZI. (In Russ.).
15. *Yesekin B.K.* Sustainable Development Goals: what's wrong with them and what needs to be changed / In: Current Issues of Global Research: global development and the

- Limits of Growth in the 21st century. Collection of articles of the VII International Scientific Conference, June 15–18, 2021 / edited by I.V. Ilyin. Moscow: MOSIPNN N.D. Kondratiev. 2021. Pp. 161–172. DOI: 10.46865/978-5-901640-36-4-2021-1-563. (In Russ.).
16. *Klimanov V. V., Budaeva K. V., Chernyshova N. A.* Interim results of strategic planning in the regions of Russia // *Economic policy*. 2017. No. 5. Pp. 104–127. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-5-06. EDN: ZXQTND. (In Russ.).
 17. *Kovalenko E.A.* A study of the effectiveness of state targeted social programs // *Russian Journal of Social Work*. 2010. No. 4. Pp. 38–49. EDN: RRTGQJ. (In Russ.).
 18. *Kozlova S.V.* Management of state and municipal property: will the new law be able to overcome institutional traps? // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2019. No. 5. Pp. 24–42. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10057. EDN: HXNLAK. (In Russ.).
 19. *Kondratiev N.D.* Plan and foresight / In: *Kondratiev N.D., Yakovets Yu.V., Abalkin L.I.* Large cycles of conjuncture and theory of foresight. Selected works. Moscow: *Ekonomika Publ.* 2002. Pp. 567–614. (In Russ.).
 20. *Krupnov Yu.A., Silvestrov S.N., Starovoitov V.G.* Problems and contradictions of strategic planning // *Russian Economic Journal*. 2022. No. 6. Pp. 15–30. DOI:10.33983/0130-9757-2022-6-15-30. EDN: LXXWRW. (In Russ.).
 21. *Mulgan J.* The Art of State Strategy: Mobilizing Power and Knowledge for the Common Good. Moscow: Ed. Gaidar Institute, 2011. EDN: QOMJFN. (In Russ.).
 22. *Martymenko S.V.* How to control the achievement of national goals // *Budget Magazine*. 2020. No. 1. Pp. 20–22. EDN: KEWMNW. (In Russ.).
 23. *Naumov S.N.* On methodological approaches to constructing scenarios for the long-term development of Russia // *Possible scenarios for the future of Russia and the world: interdisciplinary discourse. Collection of scientific papers of the participants of the XI International Kondratieff Conference / Edited by V.M. Bondarenko.* Moscow: International Public Organization for the Promotion of the study and Promotion of scientific heritage of N.D. Kondratieff, 2020. Pp. 303–308. EDN: DVKBPR. (In Russ.).
 24. *Naumov S.N., Sorokin I.A.* Assessment of the state program of the Russian Federation “Scientific and Technological development of the Russian Federation” for compliance with the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2024 // *Drucker Bulletin*. 2020. No. 1. Pp. 168–182. DOI: 10.17213/2312-6469-2020-1-168-182. EDN: CZLOOD (In Russ.).
 25. *Ovsyannikova T.Yu., Rabtsevich O.V., Yugova I.V.* State housing policy in Russia: goals and realities // *Real estate: economics, management*. 2018. No. 4. Pp. 6–12. EDN: WKVYMO. (In Russ.).
 26. *Okhotsky E.V., Frolov S.S.* The quality of goal-setting is a basic condition for effective public administration // *Bulletin of the Moscow University. Ser. 21. Management (state and society)*. 2020. No. 1. Pp. 21–42. EDN: PAKPOZ. (In Russ.).
 27. *Pekarnikova M.E., Polonsky A.B.* Analysis of the realism of achieving the main goal of the Paris Agreement under the existing system of legal regulation and control of anthropogenic greenhouse gas emissions // *Fundamental and Applied Climatology*. 2022. No. 2. Pp. 190–208. DOI: 10.21513/2410/8758-2022-2-190-208. (In Russ.).
 28. *Pivovarova O.V.* 2.2. Analysis of the implementation and evaluation of the effectiveness of state programs of the Russian Federation as a condition for ensuring effectiveness in the field of state property management // *Development of Russia in the new reality: state and prospects: monograph / E.V. Sukhanov, E.A. Milovanov, V.N. Nemirov,*

- Yu.A. Solodovnik, A.V. Grafov, T.I. Lieberman, O.V. Pivovarova, E.Y. Korotaeva, N.A. Markina, E.S. Tatarinova, L.Ya. Avrashkov, G.F. Grafova, S.A. Shakhvatova. Voronezh: NAUKA-UNIPRESS; Voronezh State Pedagogical University, 2017. EDN: YOFLAD. (In Russ.).
29. *Porfiriev B.N., Leksin V.N.* 2.5. Conceptual and methodological foundations of goal-setting in the system of state program-oriented management of the integrated development of the Arctic zone of the Russian Federation // Arctic space of Russia in the XXI century: development factors, management organization / ed. Academician V.V. Ivanter. St. Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; Nauka Publishing House, 2016. Pp. 149–151. EDN: XWNDLH. (In Russ.)
 30. The program of the Communist Party of the Soviet Union. M.: Politizdat, 1961. https://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/III_program_KPSS_files/III_program_KPSS.htm (accessed: 20.11.2024). (In Russ.).
 31. *Repina E.G.* Small and medium-sized entrepreneurship in Russia: statistical assessment of the achievement of the target indicators of the national project // Bulletin of Samara State University of Economics. 2022. No. 1 (207). Pp. 55–64. DOI: 10.46554/1993-0453-2022-1-207-55-64. EDN: MBRTLМ. (In Russ.).
 32. *Strumilin S.G.* On the ways of building communism / In: Strumilin S.G. Problems of socialism and communism in the USSR. Moscow: Publishing House of Economic Literature. 1961. Pp. 289–368. (In Russ.).
 33. *Sukharev O.S.* Issues of Russia's development strategy // Federalism. 2016. No. 1. Pp. 133–154. EDN: VUDWQR. (In Russ.).
 34. *Tambovtsev V. L., Rozhdestvenskaya I. A.* Theory of strategic planning: an institutional approach. Terra Economicus. 2020. No. 2. Pp. 22–48. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-2-22-48. (In Russ.).
 35. Theories and methods of Public Administration Research: Current Trends (HSE Round Table, April 22, 2024) // Issues of State and Municipal Administration. 2024. No. 3. Pp. 7–38. EDN: EMGUBK. (In Russ.).
 36. *Fishman L.I., Ivanov M.Y.* Strategies of socio-economic development of municipalities: the experience of analysis // Intelligence. Innovation. Investment. 2018. No. 9. Pp. 71–78. EDN: VRZLLK. (In Russ.).
 37. *Frumina S.V.* On government programs that stimulate the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2016. No. 7. Pp. 98–107. EDN: WXMKWP. (In Russ.).
 38. *Shaibakova L.F., Vedernikova E.A.* Forecast estimates of the achievability of strategic indicators of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020 // e-FORUM. 2020. No. 2 (11). EDN: GVBRNM. (In Russ.).
 39. *Shapatova B.S.* Risks of the National Fund: what prevents the fund from achieving its goals? // Bulletin of Turan University. 2014. No. 3. Pp. 153–158. EDN: XCDDUX. (In Russ.).
 40. *Shash N.N.* Managing the effectiveness of government programs: methodological foundations for developing a program budget. 2015. No. 1. Pp. 4–15. EDN: TKAUGT. (In Russ.).
 41. *Bryson J.M., George B., Seo D.* Understanding goal formation in strategic public management: a proposed theoretical framework // Public Management Review. 2022, August. DOI: 10.1080/14719037.2022.2103173.
 42. *Doran G.T.* There's a S.M.A.R.T. way to write management goals and objectives // Management Review. 1981. Vol. 70. No. 11. Pp. 35–36.

43. Hofstad H., Millstein M., Tønnesen A., Vedeld T., Hansen K.B. The role of goal-setting in urban climate governance. // *Earth System Governance*. 2021. No. 7. Pp. 1–10.
44. Latham G., Borgogni L., Petitta L. Goal Setting and Performance Management in the Public Sector. // *International Public Management Journal*. 2008. Vol. 11 (4). Pp. 385–403. DOI: 10.1080/10967490802491087.
45. Pitkänen E. Goal Programming and Operational Objectives in Public Administration. // *The Swedish Journal of Economics*. 1970. No. 3. Pp. 207–214.

Дата поступления рукописи: 11.01.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Братченко Светлана Анатольевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-5066-0678
svetlana.bratchenko@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Svetlana A. Bratchenko – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5066-0678
svetlana.bratchenko@gmail.com

GOAL SETTING IN STATE GOVERNANCE: ISSUES OF ACHIEVABILITY, RELEVANCE AND CONSISTENCY OF GOALS

There are quite a lot of scientific works devoted to the problems of goal setting in state governance. However, the corpus of the studied precedents has not been considered as a single object of study. It inspired to move from analysis to synthesis and try to suggest a typology of the revealed goal-setting problems, which was the main purpose of this study.

As a result, five types of goal-setting problems were identified: issues of achievability of goals, irrelevance and inconsistency of goals, as well as incidents caused by managerial and institutional reasons. This article analyzes only the issues of achievability of goals, the irrelevance and inconsistency of goals. The problems of goal-setting in state governance, caused by managerial and institutional reasons, are expected to be investigated in the next work.

Keywords: *quality of state governance, quality criteria for goal setting, achievability of goals, relevance of goals, consistency of goals, strategy as a tool for achieving goals.*

JEL: E61, H83.

Д.Е. КОНОВАЛОВ

младший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕЛЕЙ В ДОКУМЕНТАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена исследованию целей документов стратегического планирования и инструментов программно-целевого управления в области культуры. Проанализирована проблема несогласованности системы национальных целей, Единого плана по их достижению и целей государственных программ, относящихся к области культуры. Применительно к Единому плану в статье обоснован тезис о наличии двухуровневой структуры целей, проведено разграничение стратегических и операционных целей, исследован механизм их согласования. Приведена разработанная автором «Матрица согласованности целей и мероприятий по их достижению», которая позволяет оценить степень согласованности на разных уровнях. Выявлены случаи нарушения логики стратегического планирования в области культуры, выражающиеся в постановке операционных целей на место стратегических, включении в Единый план стратегических целей, которые ранее не фигурировали в отраслевых документах стратегического планирования. Несогласованность целей в области культуры создает риски недостижения как приоритетов отраслевого развития, так и национальных целей. Указанные проблемы негативно сказываются на показателях эффективности государственного управления, свидетельствуют о необходимости переосмысления структуры Единого плана и обновления подходов к выбору целей. От качества целеполагания и степени согласованности целей зависит фактическая реализация государственной культурной политики и функционирование сферы культуры в целом.

Ключевые слова: стратегическое планирование, программно-целевое управление, сфера культуры, национальные цели развития, государственные программы, стратегические цели, матрица согласованности, показатели эффективности, экономика культуры, согласование целей.

УДК: 338.46, 338.24, 338.26

EDN: GIBTLG

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_1_47_65

Введение

Сфера культуры является неотъемлемой составляющей общественного сектора экономики, которая ответственна за развитие и качественное совершенствование культурной составляющей человеческого потенциала [1, с. 11]. Предоставление культурных благ занимает важное место в системе формирования благополучия человека и общества в целом.

Определение векторов развития сферы культуры находит место в документах стратегического планирования, а достижение поставленных целей увязывается с объемом бюджетного финансирования в рамках национальных и федеральных приоритетных проектов и государственных программ. Мониторинг достижения поставленных целей осуществляется путем сравнения фактических значений полученных результатов с заданными индикаторами (целевыми показателями).

От качества целеполагания, реалистичности целей, а также от степени их согласованности зависит фактическая реализация государственной культурной политики и функционирование сферы культуры в целом. Этот факт обуславливает актуальность данного исследования.

Цель исследования заключается в выявлении проблемы несогласованности целей и мероприятий по их достижению в документах стратегического планирования в области культуры.

Объектом исследования выступают документы стратегического планирования в области культуры, в том числе (в соответствии с выбранным периодом исследования до 2024 г. включительно) Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. и на перспективу до 2030 г. (редакция 2021 г.)¹, который базируется на Указе Президента РФ от 21.08.2020 г. № 474^{2,3}.

Статья выстроена в соответствии со следующей логикой: в начале статьи определяется место Национальных целей развития и Единого плана в системе стратегического планирования РФ; далее рассматривается структура Единого плана, а затем применительно к ней проводится разграничение стратегических и операционных целей;

¹ Утвержден Распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-п. <https://base.garant.ru/402907041> (дата обращения: 18.02.2025).

² Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210> (дата обращения: 18.02.2025).

³ Единый план, в редакции от 09.01.2025 г., который опирается на Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», будет проанализирован в следующей работе.

далее проблема несогласованности рассматривается применительно к целям разного уровня и мероприятиям, которые должны обеспечить их достижение: на примере сферы культуры исследуется механизм их согласования в Едином плане. В завершение работы приводятся выводы о системных следствиях проблемы несогласованности, такие как ее влияние на качество государственного управления, на достижение национальных и отраслевых приоритетов.

Место национальных целей развития Российской Федерации и Единого плана по их достижению в системе стратегического планирования

Процесс формирования системы стратегического планирования в России имеет длительную историю. Важным этапом этого процесса стало принятие Федерального закона № 172-ФЗ от 28.06.2014 «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Однако, несмотря на законодательное закрепление основ системы, ее доработка и совершенствование продолжают по сей день. В 2018 г. ее дальнейшее развитие было обусловлено утверждением Национальных целей и стратегических задач развития РФ (Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204)⁴. В рамках реализации этого указа были инициированы национальные проекты в различных отраслях, включая сферу культуры⁵. «Для мониторинга и контроля за ходом их реализации» [2, с. 24] было принято постановление, устанавливающее порядок осуществления проектной деятельности в Правительстве РФ⁶.

Указ о национальных целях занял место межотраслевого документа в системе стратегического планирования. В качестве инструмента для достижения национальных целей Правительство РФ утвердило Еди-

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (с изменениями и дополнениями). <https://base.garant.ru/71937200> (дата обращения: 18.02.2025).

⁵ Национальный проект «Культура» был разработан в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам. Паспорт национального проекта «Культура» был утвержден протоколом заседания президиума Совета от 24 декабря 2018 г. № 16. <https://base.garant.ru/72185936> (дата обращения: 18.02.2025).

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» от 31.10.2018 г. № 1288 (с изменениями и дополнениями). <https://base.garant.ru/72093040> (дата обращения: 18.02.2025).

ный план⁷, сформированный в 2019 г. и впоследствии актуализированный в 2021⁸ и в 2025 г.⁹ по мере корректировки самих национальных целей развития (сначала – до 2030 г.¹⁰, затем – до 2036 г.¹¹).

Единый план представляет собой «мета-проект», объединяющий в своей структуре все инструменты программно-целевого управления в качестве единой системы взаимосвязанных целей и мероприятий по их достижению [3, с. 81]. Единый план привел к общему знаменателю прежде разрозненные государственные программы, национальные, федеральные и ведомственные проекты. Цели и мероприятия, предусмотренные этими документами программно-целевого управления, в выборочном порядке вошли в структуру Единого плана. Из области культуры в Единый план (в ред. 2021 г.) были интегрированы отдельные показатели и мероприятия Государственной программы «Развитие культуры», Национального проекта «Культура» (2019–2024 гг.) и ряда федеральных проектов. Приоритетность достижения национальных целей¹² ставит Единый план выше других инструментов программно-целевого управления.

Единый план являет собой не только дорожную карту по достижению национальных целей: он также служит средством для оценки эффективности госуправления, будучи «основой для формирования информационной системы его мониторинга»¹³. Наличие в Едином

⁷ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. (утвержден Председателем Правительства Российской Федерации 07.05.2019 г. № 4043п-П13). <https://sudact.ru/law/edinyi-plan-po-dostizheniiu-natsionalnykh-tselei-razvitiia> (дата обращения: 18.02.2025).

⁸ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-р). <https://base.garant.ru/402907041> (дата обращения: 18.02.2025).

⁹ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года (утв. Правительством РФ 09.01.2025 г.). <https://base.garant.ru/411256963> (дата обращения: 18.02.2025).

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210> (дата обращения: 18.02.2025).

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634> (дата обращения: 18.02.2025).

¹² Что подтверждается п.4(а) Указа Президента РФ от 21.07.2020 № 474: «Предусматривать в приоритетном порядке бюджетные ассигнования на реализацию национальных целей».

¹³ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-р). <https://base.garant.ru/402907041> (дата обращения: 18.02.2025).

плане конкретных индикаторов предполагает возможность осуществления контроля как за развитием экономики страны в целом, так и отдельных ее отраслей. Кроме того, показатели, декомпозированные до уровня субъектов РФ в Приложении к Единому плану, используются для оценки эффективности работы органов исполнительной власти субъектов РФ (региональных министров) и глав регионов¹⁴. Для сферы культуры одним из таких показателей (на период действия Единого плана, в ред. 2021 г.) было выбрано «Число посещений культурных мероприятий».

Формулирование национальных целей развития и появление Единого плана хоть и способствовало преодолению разрозненности различных инструментов программно-целевого управления, но тем не менее не стало решением существенных проблем и вызовов, сопровождающих применение программно-целевого управления в российской практике.

Обозначим наиболее значимые из них в контексте темы настоящей статьи. В научной литературе указывается, что «фактический вклад государственных программ в решение проблем социально-экономического развития страны не всегда соответствует ожидаемому» [4, с. 55], что негативно отражается на результатах применения проектного подхода в госуправлении. Отмечается, что «недостатки, «зацементированные» в системе разработки и реализации государственных программ, делают их непригодными для решения амбициозных и комплексных задач» [5, с. 215]. К таким недостаткам относят:

- нарушение принципа системности стратегического планирования как на глобальном уровне [6; 7], так и в части формирования показателей национальных проектов, что создает риски недостижения национальных целей развития [8, с. 4];
- конфликт интересов, вызванный тем, что «условным заказчиком результатов госпрограммы выступает ведомство, администрирующее государственную программу», а оценка эффективности госпрограмм «строится на данных ответственного исполнителя, который и формирует планы, и предоставляет информацию об их выполнении» [9, с. 20–21];
- отсутствие в России методической и нормативной базы для оценки эффективности национальных проектов, а также закрепленных последствий признания их неэффективности [10, с. 47];

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 04.02.2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400181504> (дата обращения: 18.02.2025).

– систематически возникающая несогласованность между целями, задачами, установленными индикаторами и прогнозируемыми результатами государственных программ [3; 11].

Рассматривая проблему несогласованности целей в государственном управлении на примере отдельных госпрограмм [3; 12], С.А. Братченко указывает на различные типы такой несогласованности: между стратегическими и операционными целями, между целями и мероприятиями по их достижению. В данной статье предпринимается попытка применить эту методологию для анализа отдельных показателей Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г., которые имеют непосредственное отношение к документам стратегического планирования в области культуры.

Механизм согласования стратегических и операционных целей в Едином плане

Одним из ключевых аспектов эффективного программно-целевого управления является *четкая система мониторинга*, которая позволяет отслеживать прогресс в достижении поставленных задач [9, с. 29]. В российских документах программно-целевого управления эта система формируется за счет установки *стратегических целей (приоритетов) и операционных целей (целевых показателей)*.

Логика стратегического планирования предполагает:

- 1) необходимость установки релевантных и взаимосогласованных стратегических и операционных целей;
- 2) определение мероприятий, позволяющих достичь как операционные, так и стратегические цели.

Для исследования вопроса согласованности целей и мероприятий необходимо определить, какие показатели Единого плана можно считать стратегическими, а какие отнести к операционным. Закрепляя на верхнем уровне приоритетные направления развития страны (национальные цели и целевые показатели их достижения), Единый план также интегрирует внутрь себя (в выборочном порядке) цели и показатели государственных программ, национальных, федеральных и ведомственных проектов. Это значительно усложняет систему целеполагания в рамках Единого плана, что требует разграничения целей разного уровня.

Приступая к рассмотрению данного вопроса, отметим, что ни в Законе «О стратегическом планировании»¹⁵, ни в Постановлениях

¹⁵ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). <https://base.garant.ru/70684666> (дата обращения: 18.02.2025).

Правительства РФ «Об организации проектной деятельности»¹⁶, «О системе управления государственными программами»¹⁷ не проведена прямая демаркация между стратегическими и операционными целями. Однако акцент на разнице в природе целей и целевых показателей сделан в Методических указаниях по разработке национальных проектов (программ) (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 14.10.2019 № 12). В них отмечается, что:

- «цель национального проекта – цель, определенная Указом (о национальных целях развития – прим. автора), отражающая социальный, экономический и (или) иной общественно значимый и понятный эффект от реализации национального проекта, в которой отсутствует количественно измеримая характеристика»;
- «целевой показатель национального проекта – количественно измеримый показатель» со сходными характеристиками¹⁸.

В научной литературе обращается внимание на то, что *стратегические цели* представляют собой качественные задачи, решение которых способствует преодолению крупных социально-экономических проблем, а *операционные цели* – это упрощенные, количественно измеряемые интерпретации тех же задач [12, с. 31]. Используя принцип аналогии и применяя положения Методических указаний по разработке национальных проектов (программ) к Единому плану, мы приходим к выводу, что национальные цели развития должны быть приняты за стратегические цели, а целевые показатели их достижения, определенные тем же указом Президента РФ, что и национальные цели, – за операционные. В рамках Единого плана это означает, что глобальные ориентиры (например, повышение качества жизни или ускорение технологического развития) дополняются конкретными метриками, позволяющими судить о реальном прогрессе. Все логично. Но при более детальном анализе структуры Единого плана выявляется проблема, связанная с многоуровневостью его структуры, а именно: *наличие второго уровня*

¹⁶ Постановление Правительства Российской Федерации «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» от 31.10.2018 г. № 1288 (с изменениями и дополнениями). <https://base.garant.ru/72093040> (дата обращения: 18.02.2025).

¹⁷ Постановление Правительства Российской Федерации «О системе управления государственными программами Российской Федерации» от 26.05.2021 № 786 (с изменениями и дополнениями). <https://base.garant.ru/400820533> (дата обращения: 18.02.2025).

¹⁸ Методические указания по разработке национальных проектов (программ) (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 14.10.2019 № 12). <https://base.garant.ru/74249386> (дата обращения: 18.02.2025).

стратегических и операционных целей. Второй уровень целей возникает за счет интеграции в Единый план структурных элементов национальных проектов и государственных программ (см. табл. 1).

Таблица 1

Структура Единого плана

Уровень Единого плана	Документ, обуславливающий появление цели / мероприятия	Вид целей и мероприятий	Цели и мероприятия	Пример
Верхний (первый) уровень целей	Указ о национальных целях развития	Стратегические цели	Национальные цели развития	«Возможности для самореализации и развития талантов»
		Операционные цели	Целевые показатели (факторы достижения национальных целей)	п. 2.6.: «Увеличение числа посещений культурных мероприятий в три раза по сравнению с показателем 2019 года»
Нижний (второй) уровень целей	Единый план по достижению национальных целей развития	Стратегические цели	Стратегические цели, сформированные для Единого плана	п. 2.6.2.: «Повышение привлекательности культуры, в том числе создание качественного контента»
	Структурные элементы госпрограмм, национальных проектов, федеральных проектов, комплексов процессных мероприятий, пункты Единого плана	Операционные цели	Операционные цели госпрограмм, национальных и федеральных проектов	«Число посещений мероприятий организаций культуры, млрд единиц»
Уровень мероприятий		Мероприятия	Мероприятия, направленные на достижение национальных целей	«Реализация гастрольной и выставочной деятельности федеральных, региональных, муниципальных и частных театров и музеев в субъектах Российской Федерации»

Источник: разработано автором по: Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г.

Согласно положениям Постановления Правительства РФ № 786 от 26.05.2021 «О системе управления государственными программами Российской Федерации» «Цели государственной программы (комплексной программы), задачи ее структурных элементов должны соответствовать критериям конкретности, измеримости, достижимости, актуальности и ограниченности во времени»¹⁹. Перечисленные критерии в англоязычном изложении носят аббревиатуру SMART, а приведение цели к соответствию этим критериям называют ее «смартированием». Эксперты отмечают неоднозначность данного подхода. В частности, указывается на то, что стратегические цели «обычно не отвечают критериям SMART – они качественные и носят долгосрочный (часто неопределенный во времени) характер; достижение стратегических целей характеризуется изменением состояния объекта управления, его бывает трудно четко идентифицировать и контролировать (особенно когда объектом управления выступает такая сложная социально-экономическая система, как страна)» [3, с. 83]. Последний тезис представляется столь важным в контексте того, что с 2021 г. государственные программы являются документами стратегического планирования. *Применение принципа смартирования целей в случае государственных программ низводит цели, заявленные в паспортах этих документов стратегического планирования, до уровня операционных.*

Цели государственной культурной политики и приоритеты, в соответствии с которыми она осуществляется на современном этапе развития страны, содержатся в одном из разделов Государственной программы «Развитие культуры». Однако, исходя из принципа смартирования целей, в паспорт госпрограммы эти цели не попадают. В исследованиях отмечается, что «иногда получается так, что цель удовлетворяет правилу SMART, но перестает соответствовать реальной проблеме или определять политику в соответствующей сфере» [9, с. 10–11].

Обращаясь к целям Единого плана в области культуры, мы обнаруживаем, что ситуация осложняется еще и тем, что стратегические цели государственной программы «Развитие культуры» не попадают в Единый план²⁰. Здесь мы имеем дело с частным случаем, когда стратегические цели документов программно-целевого управления и стратегического планирования «de facto выпадают из процесса управления, перестают быть целями» [3, с. 93]. Возникает парадоксальная ситуация, при которой *Единый план*, будучи «основным инструментом

¹⁹ Постановление Правительства Российской Федерации «О системе управления государственными программами Российской Федерации» от 26.05.2021 № 786 (с изменениями и дополнениями). <https://base.garant.ru/400820533> (дата обращения: 18.02.2025).

²⁰ Равно как и стратегические цели другого документа программно-целевого управления – Национального проекта «Культура».

достижения национальных целей» [13, с. 43] и документом, определяющим стратегические приоритеты Правительства РФ²¹, не включает в себя стратегические цели, предусмотренные отраслевыми документами стратегического планирования (для сферы культуры таковыми являются Основы государственной культурной политики и Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г., государственная программа «Развитие культуры»)²². Вместо использования стратегических целей, уже зафиксированных в документах стратегического планирования, для Единого плана формулируются новые стратегические цели исходя из того, что они должны быть согласованы с целевыми показателями (операционными целями) указа о национальных целях и операционными целями, заимствованными из нацпроектов, госпрограмм и других инструментов программно-целевого управления (см. табл. 1). В научной среде возникает вопрос: если «в действующей институциональной конструкции достижение стратегических целей государственных проектов/программ не предусмотрено», то стоит ли ожидать от Единого плана «решения конкретных социально-экономических проблем и задач, являющихся истинной целью государственного управления»? [3, с. 96].

Специфика согласования целей различного уровня и мероприятий по их достижению в рамках Единого плана

Рассмотрим, как указанная нами двухуровневая система расстановки целей реализуется на примере показателей сферы культуры, входящих в Единый план (в ред. 2021 г.). На первом уровне стратегических и операционных целей, определенных указом Президента РФ № 474²³, с деятельностью Министерства культуры России увязано достижение двух

²¹ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-р). <https://base.garant.ru/402907041> (дата обращения: 18.02.2025).

²² Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка доступности услуг культуры для населения» (утвержден Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 29.06.2021 г.). <https://ach.gov.ru/upload/iblock/1fa/24gq7ws9u2tox2e5sqpy71pitstlil7.pdf?highlight-search-result=ОЦЕНКА&highlight-search-result=ДОСТУПНО&highlight-search-result=УСЛУГИ&highlight-search-result=КУЛЬТУРА&highlight-search-result=НАСЕЛЕНИЕ> (дата обращения: 18.02.2025). Согласно данному документу, национальный проект «Культура» к документам стратегического планирования в сфере культуры не отнесен.

²³ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210> (дата обращения: 18.02.2025).

национальных целей и трех целевых показателей. Те, что имеют непосредственное отношение к области культуры, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Связь целевых показателей Единого плана с национальными целями развития

Верхний (первый) уровень целей		Нижний (второй) уровень целей
Национальная цель развития (стратегическая цель)	Целевой показатель (операционная цель)	Стратегические цели
Цель № 2 Возможности для самореализации и развития талантов	Создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций (пункт 2.4. Единого плана);	2.4.1. Сохранение и развитие исторических и национально-культурных традиций; 2.4.2. Воспитание на основе исторических и национально-культурных традиций; 2.4.3. Развитие внутреннего туризма.
	Увеличение числа посещений культурных мероприятий в три раза по сравнению с показателем 2019 года (пункт 2.6. Единого плана);	2.6.1. Развитие инфраструктуры культуры; 2.6.2. Повышение привлекательности культуры, в том числе создание качественного контента; 2.6.3. Кадровое обеспечение сферы культуры.

Источники: разработано автором по: Указ Президента РФ № 474; Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года.

Для достижения целей верхнего уровня необходимо опираться на стратегические и операционные цели нижнего уровня. Рассмотрим практическую реализацию этой системы на примере целевого показателя 2.6: «Увеличение числа посещений культурных мероприятий в три раза по сравнению с показателем 2019 года», который непосредственно связан с функционированием сферы культуры²⁴. В Едином

²⁴ Кроме того, этот показатель предполагает практически исключительную ответственность Министерства культуры за его достижение. Суммарно Минкультуры России значится ответственным за достижение 14 индикаторов в рамках Единого плана. По индикатору «Число посещений культурных мероприятий иных организаций, млн единиц» наряду с Минкультуры России ответственными также значатся Минпросвещения России и Минобрнауки России.

плане он увязывается с целями нижнего уровня, из которых три стратегических (см. табл. 2) и семь операционных (см. табл. 4). Сопоставив с этим целевым показателем стратегические цели нижнего уровня (см. табл. 2), мы обнаруживаем, что «Увеличение числа посещений в три раза» – это операционная цель, которая оказывается поставлена на более высокий иерархический уровень, чем стратегические цели данного раздела Единого плана. Это является случаем нарушения логики стратегического планирования и государственного управления в сфере культуры. Ряд исследователей указывают на схожую проблему на уровне госпрограмм: «В некоторых госпрограммах прослеживается явная деградация: широкомасштабные цели политики подменяются более локальными задачами либо пустыми по сути фразами или абстрактными декларациями» [9, с. 10].

Теперь обратимся к вопросу согласованности между стратегическими и операционными целями Единого плана, а также между целями и мероприятиями, направленными на их достижение. В соответствии с методологией, представленной в [3; 12], была разработана Матрица (см. табл. 3), которая позволяет оценить эффективность фор-

Таблица 3

Матрица согласованности целей и мероприятий по их достижению

		Стратегические и операционные цели			
		Согласованы	Согласованы частично	По большей части не согласованы	Не согласованы
Мероприятия (контрольные точки)		1	2	3	4
Нацелены на операционные и стратегические цели	A		Единый план: пункт 2.6.1. пункт 2.6.3.		
Нацелены на стратегические цели, но слабо связаны с операционными целями	B				
Нацелены только на операционные цели	C				
Нацелены на текущую деятельность ведомства	D	Единый план: пункт 2.6.2.			

Источник: разработано автором.

мирования инструментов программно-целевого управления (национальных и федеральных приоритетных проектов, государственных программ), учитывая как четыре варианта согласования стратегических и операционных целей, так и четыре случая, определяющих степень согласованности целей с мероприятиями по их достижению. Представленная Матрица согласованности целей и мероприятий по их достижению может быть использована не только применительно к сфере государственного управления, но также и для целей стратегического планирования деятельности организаций.

Стратегическая цель 2.6.1. «Развитие инфраструктуры культуры» направлена на улучшение материально-технической базы сферы культуры. На операционном уровне это выражается через конкретные показатели:

- 2.6.1.1. Количество реконструированных и капитально отремонтированных объектов;
- 2.6.1.2. Количество учреждений культуры, оснащенных современным оборудованием;
- 2.6.1.3. Количество объектов культурного наследия, находящихся в удовлетворительном состоянии.

Мероприятия, такие как строительство, реконструкция, модернизация учреждений культуры, реставрация объектов культурного наследия и создание культурно-образовательных комплексов, в целом соответствуют стратегическим и операционным целям. Однако их влияние на целевой показатель указа № 474, связанный с увеличением посещаемости, остается косвенным.

Для анализа согласованности цели 2.6.2. обратимся к табл. 4.

Стратегическая цель 2.6.2. «Повышение привлекательности культуры, в том числе создание качественного контента» (см. табл. 4) среди рассматриваемых нами стратегических целей нижнего уровня в наибольшей степени согласована как с целевым показателем указа № 474, так и с операционными целями (число посещений мероприятий организаций культуры и иных организаций, число обращений к цифровым ресурсам). Что касается конкретных мероприятий, направленных на достижение показателя, то здесь мы сталкиваемся с проблемой, характерной для целого ряда документов программно-целевого управления в сфере культуры: «когда ответственный исполнитель самостоятельно осуществляет целеполагание, то отдельные цели, задачи, целевые показатели госпрограммы или ее составляющих могут формулироваться под потребности ведомств, их операционные потребности и текущие приоритеты работы». [9, с. 15]. Мероприятия, представленные в табл. 4, «включают текущую деятельность госучреждения (в российском госуправлении это называется «процессными мероприятиями») и слабо связаны как со стратегическими, так и с операционными

Целевые показатели и мероприятия сферы культуры на нижнем (втором) уровне целей Единого плана

Нижний (второй) уровень целей	Стратегическая цель:	2.6.2. Повышение привлекательности культуры, в том числе создание качественного контента
	Операционная цель:	2.6.2.1. Число посещений мероприятий организаций культуры, млрд ед.
		2.6.2.2. Число обращений к цифровым ресурсам в сфере культуры, млн ед.
		2.6.2.3. Число посещений культурных мероприятий иных организаций (детскими школами искусств, профессиональными образовательными организациями и образовательными организациями высшего образования), млн ед.
Уровень мероприятий	Мероприятия, направленные на достижение целевого показателя указа №474	1. Реализация гастрольной и выставочной деятельности федеральных, региональных, муниципальных и частных театров и музеев в субъектах Российской Федерации
		2. Поддержка творческих проектов в области музыкального, театрального, изобразительного и циркового искусства
		3. Развитие цифровых сервисов в сфере культуры (виртуальные концертные залы, мультимедиа-гиды, оцифровка фильмовых материалов), в том числе создание цифровой платформы «Культурная карта 360»
		4. Укрепление лидерской позиции России как культурной державы (перекрестные года культуры и дни духовной культуры с зарубежными странами)
		5. Поддержка создания российской кинопродукции
		6. Поддержка постановок и спектаклей по отечественной и зарубежной классике и по произведениям современных авторов
		7. Поддержка проведения концертов с исполнением лучших произведений российских и зарубежных композиторов
		8. Привлечение детей и молодежи к изучению классических произведений культуры, формирование привычки к регулярному посещению культурных мероприятий

Источники: разработано автором по: Указ Президента РФ № 474; Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года.

целями» [12, с. 39], ввиду чего пункт 2.6.2. плана мы относим к зоне D1 нашей матрицы²⁵.

Стратегическая цель 2.6.3. «Кадровое обеспечение сферы культуры» формулирует единственную операционную цель – «Количество специалистов сферы культуры, повысивших квалификацию». Мероприятия, включающие развитие системы повышения квалификации, поддержку сельских учреждений культуры и их работников, а также переход на отраслевую систему оплаты труда, в целом *соответствуют стратегической и операционной целям*, но также имеют опосредованную связь с верхнеуровневым показателем.

Двухуровневая структура целей Единого плана обуславливает необходимость расширять анализ согласованности целей и мероприятий на оба уровня. В связи с этим пункты 2.6.1. и 2.6.3. можно отнести к зоне A2 матрицы согласованности, так как их операционные цели и мероприятия лишь косвенно способствуют достижению верхнеуровневой цели – «увеличению числа посещений культурных мероприятий в три раза».

Выводы

Анализ целей в документах стратегического планирования в области культуры на примере отдельных показателей, заложенных в Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г., выявил комплекс проблем, связанных с несогласованностью стратегических и операционных целей, а также мероприятий, направленных на достижение этих целей. Данные проблемы носят системный характер и не ограничиваются сферой культуры, что нашло отражение в характере сделанных выводов.

Особая структура отличает Единый план от других документов стратегического планирования и программно-целевого управления: указание на национальные цели развития и целевые показатели, которые характеризуют их достижение, требует расширения подхода к анализу согласованности стратегических и операционных целей на два уровня (верхний и нижний). Приведение государственных программ, национальных, федеральных и ведомственных проектов в соответствие с целями национального развития создало предпосылки для преодоления разрозненности этих инструментов программно-целевого управления, и как следствие, для интеграции в Единый план их отдельных структурных элементов. В результате в структуре Еди-

²⁵ Основой для отнесения мероприятий к процессным, и соответственно, к зоне матрицы D1 служат положения Основ законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (с изменениями и дополнениями). <https://base.garant.ru/104540> (дата обращения: 18.02.2025).

ного плана они заняли место мероприятий и операционных целей нижнего уровня, а на место стратегических целей этого уровня были поставлены цели, которые ранее не фигурировали в отраслевых документах стратегического планирования. Это ведет к несоответствию между национальными и отраслевыми приоритетами, подрывая возможность достижения последних, в частности, в области культуры.

Национальные цели развития и целевые показатели, характеризующие их достижение, были поставлены на верхний уровень стратегических и операционных целей Единого плана. Его двухуровневая структура заметно усложнила систему согласования целей. В некоторых случаях стратегические и операционные цели нижнего уровня формально согласованы, однако их влияние на достижение целей верхнего уровня остается лишь косвенным: они могут не противоречить целям верхнего уровня, но и не способствовать их достижению. Чем чаще возникает такая коллизия, тем выше риск недостижения целей верхнего уровня – национальных целей развития.

Кроме того, в двухуровневой системе целей Единого плана возникает нарушение логики стратегического планирования: стратегические цели нижнего уровня фактически подчиняются достижению оперативных целей верхнего уровня, хотя их взаимосвязь должна быть обратной. В результате «Развитие инфраструктуры культуры» (стратегическая цель нижнего уровня) рассматривается не как средство улучшения качества предложения культурных благ, а лишь как способ «Увеличения числа посещений культурных мероприятий» (операционная цель верхнего уровня). Однако посещаемость способна расти и без улучшения качественных характеристик культурного предложения — например, за счет изменения ценовой политики учреждений культуры. В итоге значимый отраслевой приоритет — повышение качества культурных благ — подменяется удобным для измерения количественным показателем, ориентированным на операционные задачи, а не на стратегические ориентиры развития отрасли.

То, что избирается в качестве целей различного уровня, в какой степени эти цели оказываются согласованными друг с другом, насколько конкретные действия (мероприятия) способствуют достижению поставленных целей — все это оказывает влияние на качество госуправления. Совершенствование документов стратегического планирования и программно-целевого управления в области культуры требует системного подхода, обеспечивающего согласование целей и мероприятий, необходимого для их достижения. Сохранение текущих методологических разрывов и несогласованности целей создает риски недостижения национальных приоритетов в сфере культуры. Решение этих проблем предполагает переосмысление структуры Единого плана, обновление подходов к выбору и формированию целей, а также создание более устой-

чивой системы мониторинга, способной адекватно отражать реальную динамику и стимулировать дальнейшее развитие отрасли.

Чем меньше цели и мероприятия документов стратегического планирования в области культуры соответствуют действительным потребностям этой сферы, тем меньше их влияние на изменение качества предложения культурных благ, а также и их вклад в развитие культурной составляющей человеческого потенциала граждан. Формальное отношение к целеполаганию в области культуры ведет к смещению вектора государственной культурной политики и усугублению существующих отраслевых проблем, заставляя учреждения культуры подчинять свою деятельность достижению заданных «сверху» показателей, которые порой искажают смысловую и социальную миссию организаций культуры, подменяя реальные ценности формальными индикаторами успеха.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Музычук В.Ю.* Государственная поддержка культуры: ресурсы, механизмы, институты. М., СПб.: Нестор-История, 2013. ISBN 978-5-4469-0022-0. EDN: QOUZXX.
2. *Андреианов В.Д.* Совершенствование системы стратегического управления и планирования для реализации национальных целей развития России до 2030 г. // Россия: тенденции и перспективы развития. 2022. № 17–1. С. 16–30.
3. *Братченко С.А.* Несогласованность целей в государственном управлении // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 78–108. EDN: KDNKXU. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_78_108.
4. *Братченко С.А.* Целеполагание в государственных программах в зеркале российской научной литературы // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2023. № 3. С. 55–64. DOI: 10.33983/2075-1826-2023-3-55-64.
5. *Хотулев Е.Л., Наумов С.Н.* Государственные программы как инструмент реализации новой экономической политики // Новая экономическая политика для России и мира: сборник научных трудов участников Международной научной конференции XXVII Кондратьевские чтения / Под ред. В.М. Бондаренко. М.: Международная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева, 2019. С. 214–221. EDN: WHRJJR.
6. *Ленчук Е.Б.* Стратегическое планирование в России: проблемы и пути решения // Инновации. 2020. № 2. С. 24–28. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.256.2.003.
7. *Афиногенов Д.А., Кочемасова Е.Ю., Сильвестров С.Н.* Стратегическое планирование: проблемы и решения // Мир новой экономики. 2019. № 13 (2). С. 23–31. EDN: FNHFQ. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-2-23-31.
8. *Петров А.Н., Куракова Н.Г.* Проблемы достижения системности целевых показателей национального проекта «Наука» // Экономика науки. 2019. № 1. С. 4–18. DOI: 10.22394/2410-132X-2019-5-1-4-18.
9. *Хотулев Е.Л., Наумов С.Н., Блохин А.А.* Новые вызовы программно-целевого управления: поиск ответов и решений. М.: ВАРТ, 2019. EDN: FVMORJ.
10. *Куделич М.И.* Система нормативных требований к оценке эффективности национальных проектов: актуальные проблемы // Финансовый журнал. 2019. № 4. С. 36–49. EDN: MTGFFJ. DOI: 10.31107/2075-1990-2019-4-36-49.

11. Блохин А.А., Адамян Э.А., Китаев А.Е., Миронова И. И. Сравнительные оценки параметров целей государства и других субъектов управления российской экономикой // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2019. № 2. С. 3–25. EDN: CDIDPT.
12. Братченко С.А. Несогласованность целей при разработке государственных программ: обзор практики и анализ ситуаций // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 1. С. 28–46. EDN: FXOLFG. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_1_28_46.
13. Козлова С.В., Братченко С.А., Свирина Л.Н., Грибанова О.М. Эффективность и качество управления государственным имуществом в контексте национальных целей // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 5. С. 31–56. DOI: 10.52180/2073-6487_2021_5_31_56.

REFERENCES

1. *Muzychuk V.Yu.* State support of culture: resources, mechanisms, institutions. Moscow, SPb.: Nestor-History; 2013. ISBN: 978-5-4469-0022-0. EDN: QOUZHK. (In Russ.).
2. *Andrianov V.D.* Improvement of the Strategic Management and Planning System for the Implementation of Russia's National Development Goals until 2030 // Russia: Trends and Development Prospects. 2022. No. 17–1. Pp. 16–30. (In Russ.).
3. *Bratchenko S.A.* Goal Inconsistencies in Public Administration // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 6. Pp. 78–108. DOI: https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_6_78_108. EDN: KDHKXU. (In Russ.).
4. *Bratchenko S.A.* Goal Setting in State Programs in the Mirror of Russian Scientific Literature // Management and Business Administration. 2023. No. 3. Pp. 55–64. DOI: 10.33983/2075-1826-2023-3-55-64. (In Russ.).
5. *Khotulev E.L., Naumov S.N.* State Programs as a Tool for Implementing a New Economic Policy // New Economic Policy for Russia and the World: Collection of Scientific Papers of Participants of the International Scientific Conference. XXVII Kondratiev Readings / Ed. by V. M. Bondarenko. Moscow: International Public Organization for the Promotion of the Study and Promotion of the Scientific Heritage of N. D. Kondratiev. 2019. Pp. 214–221. EDN: WHRJJR. (In Russ.).
6. *Lenchuk E.B.* Strategic Planning in Russia: Problems and Solutions // Innovations. 2020. No. 2. Pp. 24–28. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.256.2.003. (In Russ.).
7. *Afinogenov D.A., Kochemasova E.Yu., Silvestrov S.N.* Strategic Planning: Problems and Solutions // World of the New Economy. 2019. No. 13 (2). Pp. 23–31. EDN: FNHFQI. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-2-23-31. (In Russ.).
8. *Petrov A.N., Kurakova N.G.* Problems of Achieving Systematic Targets of the National Project “Science” // Economics of Science. 2019. No. 1. Pp. 4–18. DOI: 10.22394/2410-132X-2019-5-1-4-18. (In Russ.).
9. *Khotulev E.L., Naumov S.N., Blokhin A.A.* New Challenges of Program-Target Management: Searching for Answers and Solutions. Moscow: VAVT, 2019. EDN: FVMORJ. (In Russ.).
10. *Kudelych M.I.* System of Regulatory Requirements for Evaluating the Effectiveness of National Projects: Current Issues // Financial Journal. 2019. No. 4. Pp. 36–49. EDN: MTGFPJ. DOI: 10.31107/2075-1990-2019-4-36-49. (In Russ.).
11. *Blokhin A.A., Adamyan E.A., Kitaev A.E., Mironova I.I.* Comparative Assessments of the Goal Parameters of the State and Other Subjects of Management of the Russian

- Economy // Moscow University Bulletin. Series 6. Economics. 2019. No. 2. Pp. 3–25. EDN: CDIDPT. (In Russ.).
12. *Bratchenko S.A.* Inconsistency of Goals in the Development of State Programs: Review of Practice and Situation Analysis // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2024. No. 1. Pp. 28–46. EDN: FXOLFG. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_1_28_46. (In Russ.).
13. *Kozlova S.V., Bratchenko S.A., Svirina L.N., Gribanova O.M.* Efficiency and Quality of State Property Management in the Context of National Goals // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2021. No. 5. Pp. 31–56. DOI: 10.52180/2073-6487_2021_5_31_56. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 15.01.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Коновалов Дмитрий Евгеньевич – младший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
dkpik@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dmitri E. Kononov – Junior Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
dkpik@mail.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF OBJECTIVES IN STRATEGIC PLANNING DOCUMENTS IN THE CULTURAL DOMAIN

The article explores the objectives outlined in strategic planning documents and program-based management frameworks within the cultural sector. It examines inconsistencies between the national development objectives, the Integrated action plan, and the objectives of government programs related to culture. With regard to the Integrated action plan, the article substantiates the existence of a two-tiered objective structure, distinguishing between strategic and operational objectives, and investigates how these objectives are aligned. The author introduces an *alignment matrix for objectives and activities*, which enables an assessment of consistency at different levels. The study identifies cases where strategic planning logic in the cultural sector is disrupted, such as replacing strategic objectives with operational ones or incorporating new strategic objectives into the Integrated action plan that were not previously included in sectoral strategic documents. The misalignment of objectives in the cultural sector creates risks for achieving both sectoral development priorities and national objectives. These inconsistencies negatively impact public administration performance metrics and highlight the need to reconsider the structure of the Integrated action plan and update approaches to objective-setting. The quality of objective-setting, the realism of the defined objectives, and the degree of their alignment directly affect the actual implementation of public cultural policy and the overall functioning of the cultural sector.

Keywords: *strategic planning, program-based management, cultural sector, national development objectives, government programs, strategic objectives, alignment matrix, performance metrics, cultural economics, objective alignment.*

JEL: Z1, Z11, E61, I38, O20.

Р.А. ДОЛЖЕНКО

доктор экономических наук, доцент, руководитель Отраслевого центра компетенций в сфере производительности труда ФГАНУ «Социоцентр»

С.Б. ДОЛЖЕНКО

кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ ЧИСЛЕННОСТЬЮ ПЕРСОНАЛА В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ¹

Бизнесу необходимо искать и использовать лучшие практики в области повышения организационной эффективности, одной из которых является управление численностью персонала. Цель исследования – разработка методических подходов к управлению численностью, обеспечивающих оптимальную и эффективную работу персонала с учетом целей и задач, стоящих перед компанией. Основным методом исследования является анализ и обобщение передовых практик в области управления численностью персонала, изучение опыта успешных компаний, проводящих оптимизацию. Анализ показал, что наилучший вариант оценки оптимальности численности с учетом текущих условий на рынке, стратегии развития и перспективных планов – использование долгосрочных нормативов. Предложенные методические подходы могут быть использованы для приведения численности персонала в оптимальное состояние, сокращения издержек, повышения организационной эффективности в любой коммерческой организации при условии их адаптации под особенности компании, отрасли, ситуации на рынке.

Ключевые слова: численность персонала, оптимизация численности, производительность труда, нормативы численности, модель численности.

УДК: 331.108.22, 331.101.6

EDN: HALDBM

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_1_66_91

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20469 (<https://rscf.ru/project/24-28-20469>) и Правительства Свердловской области.

Введение

Общепринятыми инструментами повышения эффективности и производительности труда является оптимизация фонда оплаты труда (далее – ФОТ) без изменения численности персонала, сокращение численности сотрудников на фиксированный процент, оценка загрузки разных подразделений и сокращения наименее загруженных, анализ бизнес-процессов для снижения трудозатрат и выработка оптимизационных инициатив (отказ от процессов, изменение структуры управления, замена методов работы и т. п.). Одна из наиболее популярных и простых, на первый взгляд, мер в условиях экономического кризиса – сокращение издержек за счет экономии на персонале. По разным оценкам до трети отечественных компаний уже оптимизировали фонд оплаты труда, многие – неоднократно. В условиях кадрового дефицита бизнес вынужден повышать заработную плату работникам, резервы для этого он может взять либо в использовании прибыли, либо в сокращении численности. Оптимизация численности персонала – одна из основных мер по снижению расходов в период неопределенности. В 2022 г. 33% российских компаний зафиксировали сокращение количества сотрудников, в наибольшей степени – крупные компании, при том, что за последние несколько десятилетий они делали это неоднократно в условиях кризисов, санкционного давления, ухудшения экономической ситуации. Практика показывает, что непродуманное сокращение штата в кризисные периоды приводит к потерям в качестве производственных процессов, обостряет сложности поиска и обратного найма квалифицированных сотрудников в будущем, ухудшает HR-бренд компании. В этих условиях очень важно проводить подобные оптимизации продуманно, обоснованно, с учетом лучшего опыта на рынке. В связи с этим цель статьи – обобщить и представить методические подходы к управлению численностью персонала компании, направленные на оптимизацию, повышение организационной эффективности и производительности труда. Для этого рассматриваются теоретические аспекты темы, исследуются кейсы компаний, которые системно управляют численностью персонала, предложены методические подходы к реализации этого вида деятельности.

Методы исследования

Настоящему исследованию предшествовали мероприятия по анализу производственной ситуации в конкретных промышленных организациях. Для формирования набора первичных аналитических данных применены:

- экспертные интервью с руководителями (руководство высшего и среднего звена) с выборкой в 10 ед.;
- проведение фотографии рабочего дня в отдельных структурах и на ряде участков, отмеченных по результатам экспертного интервью как приоритетных, а также в контрольной группе иных участков с выборкой в 15 ед.;
- исследования бизнес-процессов на участках и в отдельных структурах с составлением карт процессов с выборкой в 15 ед.

На основе анализа рекомендаций по повышению производительности труда были сформулированы методические рекомендации по использованию базовых инструментов, была разработана система оптимизационных процедур. Рекомендации отобраны по критериям эффективности, легкости и скорости внедрения с учетом специфики конкретного предприятия. Инструменты определены на основании изучения аналогичного опыта, в т. ч. отраженного в научной литературе.

В качестве методологической базы использованы анализ документов, обобщение опыта предприятий. Информационной базой выступили корпус научных источников в базе РИНЦ и данные конкретных предприятий.

Теоретические аспекты управления численностью персонала

Следует подчеркнуть, что целью управления численностью персонала выступает прежде всего повышение производительности труда (далее – ПТ) как за счет прямого уменьшения непроизводительных трудозатрат, так и повышения результативности управления людьми.

Под ростом производительности труда подразумевается экономия затрат труда (рабочего времени) на изготовление единицы продукции или дополнительное количество произведенной продукции в единицу времени.

Существует два основных метода определения ПТ и оценки ее роста:

- условно-натуральный – по количеству (объему) выпуска продукции за период времени;
- стоимостной – по стоимости продукции, произведенной за период времени.

ПТ является одним из ключевых факторов снижения себестоимости продукции и повышения конкурентоспособности предприятия. Навык реализации комплексных проектов повышения ПТ является одним из принципиально значимых для каждого руководителя. От уровня производительности труда на предприятии зависит уровень дохода каждого сотрудника.

Актуальность темы роста производительности труда будет только возрастать в трудodeфицитных условиях. Однако при проведении оптимизации численности компании желательно принимать во внимание следующие возможные сложности, способные минимизировать положительные эффекты:

- усталость от «бесконечных оптимизаций»;
- негативный опыт проектов по сокращению численности;
- потеря специализированных знаний и наработок в связи с сокращением важных сотрудников, являющихся их носителями;
- некачественные расчеты, которые приводят к неэффективности оптимизации;
- зависимость от служб поддержки (службы персонала, юридической службы, финансов в отношении бюджетирования расходов на компенсации) в части правильного оформления сокращений по ТК РФ;
- возвращение к предыдущим значениям численности после смены команды руководителей, кураторов проектов оптимизации и др.

Нами проведен контент-анализ основных научных работ на тему ПТ и оптимизации численности. Обзор литературы показал значительное количество источников на темы, связанные с ПТ, и сохранение интереса к этим вопросам со стороны ученых и практиков. Анализ динамики публикационной активности в отечественных журналах по данным базы Elibrary подтверждает многократный рост интереса к данной теме. Так, ежегодное количество научных публикаций на тему ПТ за последние 12 лет с 2010 по 2022 г. увеличилось почти в четыре раза – с 499 до 1 938 публикаций. Отбор публикаций осуществлялся авторами исследования по ключевому слову – «производительность труда», встречающемуся в названиях публикаций (тип публикации – статьи в журналах), аннотации, ключевых словах. Также были проанализированы 66 диссертаций, которые в той или иной мере затрагивали тему производительности и эффективности труда.

Из всего многообразия научных работ лишь малая часть посвящена вопросам оптимизации численности персонала, при том, что это один из самых простых и быстрых инструментов повышения организационной эффективности (в короткий период времени). По нашим оценкам, доля таких публикаций в общем объеме работ на тему ПТ составляет менее 1–2%.

Качественный анализ статей позволил выделить наиболее важные в этом предметном поле. Стоит отметить работу В. Коптеловой, которая обосновывает необходимость оптимизации численности в условиях кризисов, приводит конкретные инструменты оптимизации на примере торговых подразделений ритейла [11]. Уже в 2011 г. она делает вывод о том, что отвечать за управление численностью должна

HR-функция, координируя подобные трансформационные процессы и сотрудничая с различными организационными структурами, которые будут подвержены оптимизации, и будут получать ключевые эффекты (производственники, технологи, специалисты по управлению бизнес-процессами и др.). Для HR-службы – это новая функция, связанная с реализацией сотрудничества, коммуникации, ведения переговоров, отслеживания эффектов и отработки обратной связи. Во многом этот функционал уже оформляется в новой роли – HR-бизнес-партнер, которая получает развитие на рынке труда.

Тема производительности труда, в том числе оптимизации численности персонала, актуализируется в условиях глобальных и страновых кризисов в экономике. Так, в период финансового кризиса, начавшегося в 2007 г., в течение нескольких лет интерес ученых в области управления фокусировался на оптимизации и сокращении численности в первую очередь за счет аутсорсинга [4; 7; 14]. В ближайшие годы мы ожидаем бум темы организационной эффективности за счет использования современных отечественных наработок в области научной организации труда, экономики труда, драйверов численности. Интересной прикладной работой, основанной на анализе практики вопроса, с описанием авторской методики, полезной для бизнеса, является статья А. Ефремова [8]. В ней описана и обоснована модель оценки эффективности от реструктуризации организации с передачей определенных функций в управляющую компанию. Она позволяет оперировать как численностью, так и экономическим эффектом от ее сокращения. Еще одна публикация, заслуживающая внимание, это работа А. Разумова и И. Цыганковой, в которой ученые рассматривают вопросы эффективного нормирования труда с использованием современных ИТ-технологий в отраслях торговли и сервиса [16]. Несколько прикладных кейсов оптимизации расходов на персонал разобраны в публикации Ж. Горностаевой и О. Сверчковой. Выводы авторов однозначны: ключевой источник затрат компании – фонд оплаты труда, поэтому его оптимизация с помощью управления численностью – это один из основных инструментов, который нужно использовать в первую очередь [3]. Транслировать выводы исследования, сделанные по нескольким предприятиям, на всю отрасль нельзя, необходимо учитывать их особенности. Несколько прикладных работ, ранее опубликованных авторами данной статьи, затрагивают вопросы оптимизации численности на основе использования драйверов в отношении ряда функциональных подразделений и внедрения новых практик [5; 6]. Внимание исследователей привлекают различные аспекты оптимизации численности [1; 2; 10; 15; 17; 18; 19; 20; 21], в т. ч. психологические, т. к. подобные проекты всегда негативны по восприятию и эмоциям как для оптимизируемых работников, так и для оптимизи-

рующих руководителей. Выделим работу В. Музыченко [12], в которой подчеркивается необходимость не только кадрового аудита со стороны руководителя, но и оценки им своих представлений о необходимости и возможности сокращения численности. Вместе с тем присутствуют работы по тематике оптимизации численности, которые излагают отдельные теоретические аспекты, но без систематизации или построения общей архитектуры, без анализа актуальных запросов и инструментария, не подкрепляются расчетными данными, не опираются на практику, что минимизирует их значимость (например: [9; 13]).

Среди зарубежных научных источников имеются работы, устанавливающие сквозные взаимосвязи по тематике ПТ [23; 25; 26; 29; 30; 31; 32; 33; 39; 41]. Особый блок представляют работы, посвященные развитию и росту производительности труда в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза [22; 27; 37; 40]. При этом лишь небольшая часть исследователей данных проблем рассматривает новые сектора деятельности либо влияние новых технологий [24; 28; 34], и столь же небольшая часть основывает свои работы на факторном анализе [35; 36; 38]. В отмеченных исследованиях заметно влияние концепций российских ученых.

Основные аспекты и инструменты повышения производительности труда за счет оптимизации численности

С учетом обобщения выводов, изложенных в научных работах, диссертационных исследованиях, аналитических материалах консалтинговых агентств, а также опыта оптимизации численности персонала представим базовые аспекты повышения производительности труда за счет оптимизации численности. Обычно компании проходят три фазы подобных мероприятий по достижению оптимальной производительности труда «от простого к комплексному» (см. рис. 1).

У большинства отечественных компаний впереди – самая сложная фаза (фаза 3) повышения производительности труда, требующая «сложных» компетенций и специализированных методов, т.к. все другие «простые» варианты (фаза 1 и 2) уже были реализованы в бизнес-практике.

Тема оптимизации численности занимает важное место в общей стратегии и операционной модели бизнеса компании, архитектура которой складывается из:

- распределения полномочий и ответственности;
- системы бизнес-процессов;
- организационной культуры;
- организационной структуры и численности;
- системы мотивации и KPI.

Источник: составлено авторами.

Рис. 1. Типичные фазы процесса управления численностью персонала

Для управления численностью персонала нужна оперативная оценка трудозатрат и поиск путей для их снижения. Можно выделить пять ключевых составляющих оценки потенциала снижения трудозатрат (см. табл. 1).

Оценка потенциала снижения трудозатрат охватывает целый ряд компонент, в каждой из которых скрыты возможности оптимизации численности. Одним из эффективных инструментов управления является использование нормативов. Почти все компоненты могут учитываться при нормировании численности производственного персонала. Однако по отношению к административно-управленческому персоналу этот перечень ограничен и должен использоваться с учетом специфики работы. Примерное описание подходов к использованию нормативов и варианты их реализации представлены в табл. 2.

Каждый из подходов обладает особенностями и используется неравномерно. Так, проведенные нами интервью с экспертами и бизнес-практиками показывают, что управление численностью с помощью актуальных нормативов с учетом временной перспективы редко попадает в поле интересов и практики системного управления организациями.

Таблица 1

Ключевые составляющие оценки потенциала снижения трудозатрат

Компонент	Содержание
Персонал	<ul style="list-style-type: none"> – квалификация; – мотивация; – профессиональный и количественный состав бригад или смен
Система управления	<ul style="list-style-type: none"> – перераспределение полномочий и ответственности; – постановка целей, планирование и контроль; – оптимизация процесса операций; – схема работы с подрядчиками и партнерами
Автоматизация и цифровизация	<ul style="list-style-type: none"> – автоматизированные и роботизированные процессы; – замена оборудования, предполагающего ручной труд на новые автоматизированные системы; – интеллектуальные модели, системы мониторинга; – эффективное воздействие человек-компьютер
Инфраструктура	<ul style="list-style-type: none"> – транспорт; – расположение объектов; – организация производственных площадок
Инструменты	<ul style="list-style-type: none"> – количество техники или инструментария; – техническая оснащенность, позволяющая отказаться от ручного труда; – новые версии программного обеспечения для сервисных управленческих функций; – оптимизация рабочих мест через проекты внедрения 5S

Источник: составлено авторами.

Таблица 2

Возможная классификация подходов к использованию нормативов и примеры их реализации

Подход	Содержание
Управление <i>ad hoc</i>	<ul style="list-style-type: none"> – нормативы численности не используются; – отсутствует текущий мониторинг численности; – обосновывается увеличение численности, но контролировать снижение невозможно
Использование неадаптированных нормативов	<ul style="list-style-type: none"> – например, применение отраслевых нормативов
Периодическая оценка численности	<ul style="list-style-type: none"> – проведение бенчмаркинга раз в 2–3 года с целью оптимизации численности по мере необходимости
Использование адаптированных нормативов	<ul style="list-style-type: none"> – нормативы разработаны под конкретную компанию
Использование нормативов во временной перспективе	<ul style="list-style-type: none"> – долгосрочное планирование численности с учетом развития компании и изменения ее потребностей в персонале

Источник: составлено авторами.

Не все требует нормирования, существуют направления работы и должности, по которым нет смысла проводить оценку и оптимизацию, в том числе потому, что трудозатраты на проработку нормативов могут быть очень высокими, особенно если используется работа сторонних экспертов. Согласно нашим оценкам, детальной разработки нормативов требуют только те должности, где потенциальный эффект превосходит затраты. Это, как правило, случаи с большим штатом сотрудников (>20 чел.) и высокой степенью неэффективности (предварительная оценка снижения трудозатрат свыше 20%). Как показывает опыт, в ряде случаев можно провести оптимизацию и нормирование численности без значительных финансовых вложений, однако важно применить корректные методы анализа трудозатрат. Основные методы и их содержание приведены в табл. 3.

Таблица 3

Базовые методы анализа трудозатрат и их содержание

Группа методов	Методы	Суть метода
Оценочные методы	Оценка руководителями (защита функций)	Численность по процессам оценивается руководителями подразделений экспертно. Оценка защищается перед вышестоящим руководителем
	Группа опросных методов	Самофотография рабочего дня, анализ активности (структурированное интервью с экспертной оценкой основных трудозатрат), парное сравнение и т.д.
	Оценка внешними экспертами	Численность по процессам оценивается приглашенными экспертами. Сбор мнений осуществляется независимо
Методы верхнеуровневой статистики (факторное нормирование)	Нормирование на основе справочников	Использование типовых отраслевых норм
	Внешний бенчмаркинг	Сравнение численности с другими компаниями
	Ретроспективный бенчмаркинг	Сравнение численности одного подразделения за несколько периодов времени
	Внутренний бенчмаркинг	Сравнение численности аналогичных подразделений внутри компании за один период времени
Методы наблюдения	Моментные наблюдения	Наблюдение за работниками каждые пять минут во время работы для выявления простоев и резервов
	Хронометраж (микроэлементное нормирование)	Замеры длительности операций. Оценка количества необходимых операций и расчет фонда рабочего времени для их выполнения

Группа методов	Методы	Суть метода
Методы цифрового наблюдения	Process Mining	Анализ процесса на основе цифровых следов
	Регистраторы (видео, датчики)	Настройка систем мониторинга – видео, RFID-метки (от англ. Radio Frequency Identification – радиочастотная идентификация), GPS (от англ. Global Positioning System – глобальная позиционирующая система), тех. датчики и пр.
	Моделирование операций сотрудников	Цифровое микроэлементное нормирование – оцифровка всех движений сотрудника на основе датчиков в спецодежде, носимых гаджетов

Источник: составлено авторами.

Этот перечень методов анализа трудозатрат далеко не исчерпывающий, бизнес постоянно ищет новые способы и подходы, способные повысить производительность труда. На выбор метода нормирования, как правило, влияют:

- цель нормирования, которую преследует руководство,
- уровень детальности решений,
- специфика процесса, деятельности должностей,
- стратегические задачи, стоящие перед бизнесом.

Зачастую используются наборы методов, в том числе целесообразно использовать разные методы для разных категорий персонала или разных функций, так как внутри них могут существовать кардинально разные по характеру процессы:

- ручной процесс;
- повторяемый процесс;
- процесс условно рутинного характера;
- процесс, имеющий фиксированные начало и конец, попадающие в контур фотографии рабочего дня.

Авторские выводы, подкрепленные результатами интервью с опрошенными экспертами и бизнес-практиками, о возможностях и результатах применения типовых инструментов (методов) разработки нормативов в зависимости от функции приведены в табл. 4.

Как видно из табл. 4, наиболее эффективный инструмент, подходящий для любой бизнес-функции, – бенчмаркинг (как внутренний, так и внешний). Цифровые сервисы, современные подходы и классический хронометраж результативнее всего использовать по отношению к рабочим (основным и вспомогательным). Очень сложно нормировать работу руководителей.

Таблица 4

Возможности и результаты применения типовых методов разработки нормативов в зависимости от бизнес-функции

Методы	Административно-управленческий персонал (АУП)		Производственный персонал (ПП)	
	руководители (линейные, функциональных служб)	специалисты и служащие (бухгалтерия, орг. развитие, аудит, HR, продажи, безопасность и др.)	основные рабочие	вспомогательные рабочие
Оценка руководителями	результат с искажениями	результат с искажениями	не рекомендуется	не рекомендуется
Группа опросных методов	результат с искажениями	результат с искажениями	не применимо	не применимо
Оценка внешними экспертами	результат с искажениями	результат с искажениями	не применимо	не применимо
Нормирование на основе справочников	не применимо	не применимо	результат с искажениями	результат с искажениями
Внешний бенчмаркинг	результат с искажениями	результат с искажениями	результат с искажениями	результат с искажениями
Ретроспективный бенчмаркинг	точный результат	точный результат	точный результат	точный результат
Внутренний бенчмаркинг	точный результат	точный результат	точный результат	точный результат
Моментные наблюдения	не применимо	не рекомендуется	не применимо	не применимо
Хронометраж	не применимо	не рекомендуется	точный результат	точный результат
Process Mining	не применимо	точный результат	точный результат	не применимо
Регистраторы (видео, датчики)	не применимо	не применимо	точный результат	точный результат
Моделирование операций	не применимо	не применимо	точный результат	точный результат

Источник: составлено авторами.

Вид деятельности в рамках профессии тоже значительно влияет на возможности нормирования деятельности. Примерные параметры рабочего процесса (функции) для определения подходящих инструментов представлены на рис. 2.

Чем больше рабочий процесс в рамках должности соответствует критериям, представленным в правой части рис. 2, тем больше оправдана экспертная оценка, требуется комбинировать несколько методов нормирования и проводить больший объем наблюдений для точного

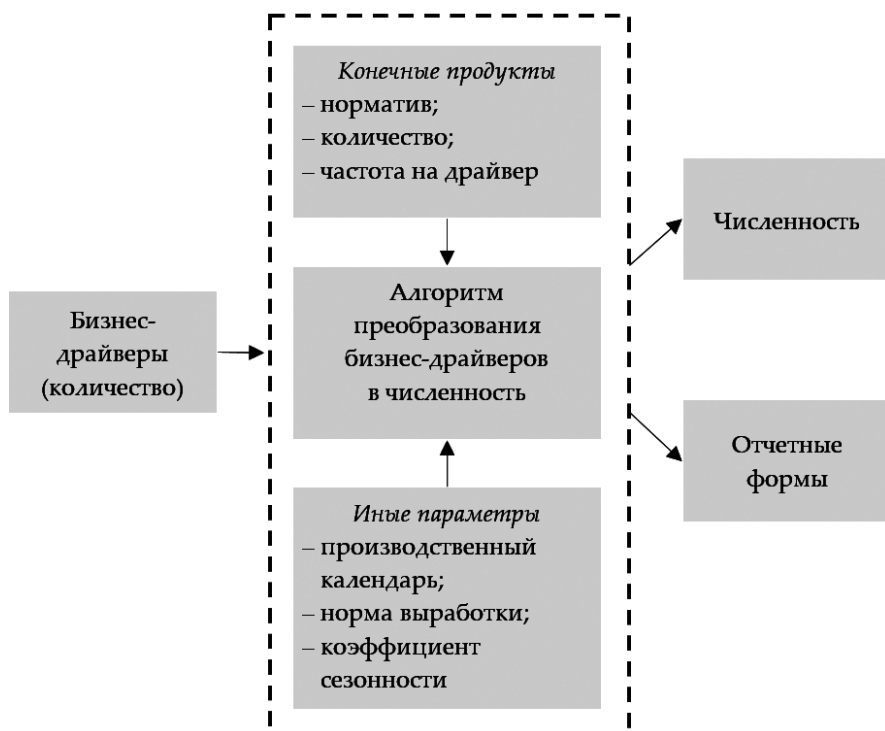
Источник: составлено авторами.

Рис. 2. Примерные параметры для определения подходящих инструментов для конкретного рабочего процесса

анализа и учитывать больший набор факторов; чем ближе должностные функции (рабочие процессы) к критериям в левой части, тем точнее и на меньших выборках работают статистические методы, короче становится период исследования функционала должности (можно уменьшить требуемое количество наблюдений, хронометражей, фотографий рабочего дня и т. д.).

Анализ практики управления численностью в крупных компаниях показывает, что все большее распространение получают калькуляторы численности как инструмент планирования персонала, что обусловлено несколькими тенденциями. Во-первых, заметно изменилась функция HR – обычные менеджеры по персоналу превратились в HR-бизнес-партнеров, их функционал очень сильно расширился, к подбору и оценке персонала добавились новые обязанности: развитие персонала, формирование корпоративной культуры и т. д. Во-вторых, произошло ключевое изменение – управление персоналом вместо сервисной роли перешло в разряд основных бизнес-функций организации, т. к. напрямую влияет на результативность ее деятельности. В связи с этим управление персоналом начали оценивать по количественным показателям, влияющим на бизнес. В результате был разработан такой инструмент, как модель численности в виде системы, преобразующей бизнес-драйверы в численность сотрудников. Эта модель помогает эффективно управлять человеческими ресурсами, обеспечивая оптимальный баланс между результатами работы и численностью персонала.

Ежегодно при составлении бюджета, исходя из целей компании, определяется необходимое количество сотрудников, выявляются дублирующие функции и оценивается эффективность работы персонала. Алгоритм расчета бизнес-драйверов и их перевода в численность представлен на рис. 3.

Источник: составлено авторами.

Рис. 3. Алгоритм расчета бизнес-драйверов в компании

Бизнес-драйвер – это количественный показатель, фиксируемый в организации и отслеживаемый руководством, который прямо или косвенно влияет на доходы/расходы организации или определяет численность подразделения/функции. Конечный продукт – результат работы, значимый для заказчика, состоящий из множества операций, ценность которых для заказчика определяется их совокупностью. Для построения модели численности необходимо определить категории персонала: счетная и несчетная численность. Счетная численность зависит от бизнес-драйверов, включая численность руководителей, зависящую от количества подчиненных. К счетной категории относятся, например, менеджеры по продажам, операторы колл-центра, операционисты, специалисты поддержки и руководители. Несчетная численность не имеет прямой взаимосвязи с бизнес-драйверами, например, проект-

ные менеджеры, аналитики, методологи и эксперты. Использование модели численности включает этапы, представленные на рис. 4.

Источник: составлено авторами.

Рис. 4. Последовательность этапов использования модели численности

Модель численности является ключевым элементом калькулятора численности, одного из наиболее востребованных инструментов нормирования. Калькулятор численности представляет собой инструмент нормирования персонала, основанный на установленных нормативах и плановых объемах трудозатрат. Использование актуальных и корректных нормативов, правильная модель и объективный расчет позволяют точно определить необходимую численность для выполнения заданного объема трудозатрат. Калькулятор позволяет рассчитывать и прогнозировать численность персонала в зависимости от объемов производства. В простейшем варианте он представляет собой таблицу, в которую вносятся факторы трудозатрат и нормативы трудозатрат по должности с соответствующими формулами и плановыми значениями для сравнения. В некоторых случаях могут быть указаны минимальные значения, например: «Норматив численности = норматив трудозатрат × плановое значение фактора трудозатрат».

Примерный перечень параметров калькулятора численности по должностям может быть сведен к следующему списку:

- структурное подразделение;
- должность;
- факторы трудозатрат;
- норматив трудозатрат;
- плановое значение факторов трудозатрат;
- минимально необходимая численность (если норматив трудозатрат меньше минимально необходимой численности, то за основу принимается минимально необходимая численность);
- норматив численности.

По итогам использования калькулятора численности:

- формируются значения рекомендуемой численности;
- указывается разница рекомендуемой и текущей численности;
- прописываются выявленные в ходе диагностики проблемы;
- прописываются предлагаемые решения (как продемонстрировано в табл. 5).

Таблица 5

Пример результатов использования калькулятора численности и решений по их итогам

Должность	Юрист	Начальник управления	Слесарь-ремонтник
Текущая численность	10	2	11
Рекомендуемая численность	8	1	8
Разница рекомендуемой и текущей численности	-2	-1	-3
Выявленные в ходе диагностики проблемы	Бумажная Форма № 2 и ее электронная копия дублируют друг друга. На заполнение бумажной формы еженедельно уходит до 5% рабочего времени	В структуре представлена ставка заместителя начальника управления при том, что в подразделении шесть человек	Трата времени на передвижения за инструментами в центральный склад достигает 20% рабочего времени
Предлагаемые решения	Отменить заполнение бумажной формы и перевести Форму №2 полностью в ЭДО (эл. документооборот)	Привести структуру в соответствии с нормами управляемости	Рассмотреть возможность организации мини-складов рабочих инструментов вблизи каждого цеха

Источник: составлено авторами.

При необходимости прорабатывается план приведения численности в оптимальное состояние с помощью анализа процессов, поиска причин трудопотерь, разработки решений по оптимизации. Если действующих ставок меньше, чем нужно по расчетам, анализируются причины создавшегося положения, создаются ставки, они наполняются функционалом, запускается подбор персонала.

Важно помнить, что нормативы разнятся в зависимости от фактора трудозатрат, однако должны соответствовать ряду требований. Норматив должен быть неманипулируемым, а именно привязан к фактору трудозатрат, удобному для планирования (плановому объему выработки, устоявшимся регулярным операциям, отмеченным заказчиком). Варианты типов нормативов и факторов трудозатрат в зависимости от типа персонала приведены в табл. 6.

Таблица 6

Типы нормативов, факторы трудозатрат

Тип норматива	Фактор трудозатрат	Описание норматива	Тип персонала
Норматив от операции	Количество запланированных операций: количество ремонтов, количество совещаний и т. д. (ед.)	Время на выполнение одной базовой операции одним сотрудником (ремонта определенного типа, заполнение договора, проведение совещания и т. д.)	Производственный ремонтный АУП (сервисный)
Норматив от объема продукции	Объем совокупной плановой выработки подразделения, бригады и т.д. (т, кг)	Время на реализацию единицы объема продукции (время на 1 тонну, на 1 кг и т. д.)	Производственный логистический
Норматив от оборудования	Количество оборудования в зоне обслуживания (шт.)	Время на обслуживание единицы оборудования (как правило, считается от количества оборудования, закрепленного за одним сотрудником)	Обслуживающий производственный ремонтный
Норматив от количества подчиненных	Количество прямых подчиненных (чел.)	Время на одного подчиненного (как правило, рассчитывается от оптимального количества подчиненных на одного руководителя)	АУП (руководители)

Источник: составлено авторами.

Тем самым в калькулятор включаются:

- общая информация о должности (по штатному расписанию): структурное подразделение, наименование должности, текущая численность, график работы должности;

- информация для расчетов (с учетом абсентеизма, длительности отпуска): фонд рабочего времени, наименование факторов трудозатрат (с указанием единиц измерения), нормативное время на единицу фактора трудозатрат, плановый объем факторов трудозатрат, период планирования;
- результат расчетов: рекомендуемая численность, разница с текущей численностью, примечания к расчетам (при необходимости), источник исходных данных, метод расчета норматива.

Рассмотрим в табл. 7 примеры результатов использования калькулятора численности по отношению к ряду профессий на предприятии. Таблица носит демонстрационный характер, не отражает, ввиду ограничений на объем материала, всего комплекса имеющихся результатов.

Таблица 7

Примеры результатов использования калькуляторов численности

Водитель погрузчика	
Имеющаяся информация	Запись с видеорегистратора нескольких типовых рабочих дней водителя; Хронометраж отдельных операций, не являющихся регулярными, но входящими в обязанности водителя; Экспертная оценка продолжительности сезонных работ
Предложенная модель	Строится дерево рабочего процесса, где начальной точкой является объем продукции. Рассматривается последовательность операций, приводящих к выработке (перевозке) данного объема (включая доп. операции: уборка и т.д.), на каждую операцию устанавливается частота (сколько раз за период) и нормативное время. Итоговый норматив формируется как сумма трудозатрат на выделенные операции. Объем перевозимой продукции в данном случае является оптимальным фактором трудозатрат. При привязке норматива к отдельным операциям водителя (например, к количеству рейсов) возникнут сложности задания плановых объемов фактора, норматив будет достаточно манипулируемым.
Итог	Фактор трудозатрат – объем продукции (тонн); Норматив – время на одну тонну продукции (ч.)
Альтернативные модели	–
Специалист по подбору персонала	
Имеющаяся информация	Несколько фотографий рабочего дня; Должностная инструкция с перечнем обязанностей должности; Аналитика по КПЭ («time-to-offer», кол-во закрытых вакансий и пр.); Данные программы, отслеживающей количество задач, их описание и статус выполнения.

Предложенная модель	Ретроспективный бенчмаркинг: – разбиение 100% рабочего времени между основными задачами; – отслеживание средней длительности выполнения типовых задач на основе базы данных системы (воронка конверсии, кол-во закрытых заявок за период, сроки закрытия вакансии).
Итог	Фактор трудозатрат – количество заявок на подбор (шт.); Норматив – время на закрытие одной вакансии (дней).
Альтернативные модели	Внешний бенчмаркинг, который включает в себя сравнение количества сотрудников аналогичной должности с сопоставимыми фирмами на рынке, при необходимости проведение более детального бенчмаркинг-исследования по таким направлениям, как: затраты на привлечение одного специалиста, уровень автоматизации процессов в аналогичных фирмах и т. д.
Начальник департамента	
Имеющаяся информация	Количество прямых подчиненных руководителя; Бенчмаркинг по количеству подчиненных руководителей сопоставимых уровней, подразделений и компаний для приведения к разрабатываемой норме управляемости
Предложенная модель	Проводится сравнение количества подчиненных у руководителей одного уровня с компаниями схожей отрасли. Оценивается положение исследуемой компании относительно аналогичных предприятий. В качестве эталонного показателя берется среднее значение подчиненных на одного руководителя по рынку
Итог	Фактор трудозатрат – количество подчиненных (чел); Норматив – время на одного подчиненного (ч.)
Альтернативные модели	При отсутствии сопоставимых фирм (высокая уникальность компании) через анализ активности / опросы формируется перечень выполняемых руководителем рабочих процессов. Данный перечень группируется по категориям: – стандартная управленческая работа по отношению к подчиненным; – исполнительская работа; – работа по отношению к своему непосредственному руководителю; – нестандартная управленческая работа; – прочее

Источник: составлено авторами.

Недостатком обычно применяемых нормативов является то, что они не учитывают текущие проекты по развитию производства и стратегические инициативы топ-менеджмента. По этой причине они предполагают периодическую переоценку функций и трудозатрат на их реализацию. Например, для руководителя оптимизация функции контроля за счет сокращения численности и использования норм

управляемости может привести к росту значения функции развития сотрудников, что должно отражаться в новых версиях нормативов.

В связи с этим необходимо широкое введение в практику управления персоналом перспективных (долгосрочных) нормативов – нормативов трудозатрат с оценкой потенциала их изменения в горизонте 3–5 лет. Эти нормативы учитывают текущие проекты по развитию производства и стратегические инициативы топ-менеджмента. Методика расчета: производится оценка уровня эффективности показателей, непосредственно влияющих (сейчас или в будущем) на длительность рабочего процесса, затем определяются показатели, обладающие наибольшим потенциалом улучшения и, наконец, оценивается степень влияния изменения показателей на текущий норматив. Например, для должности юриста основной фактор трудозатрат – это количество договоров, с которыми он работает, поэтому в будущем планируется проведение программ повышения квалификации и внедрение электронного документооборота с целью частичной автоматизации заполнения отчетности в целях снижения трудоемкости бизнес-операций.

Долгосрочный норматив считается обоснованным и корректным, если учитывает, в том числе производственную стратегию: планируемое изменение функционала сотрудников, инфраструктурные изменения, модернизацию оборудования и технического оснащения, проведение программ повышения квалификации, цифровизацию и автоматизацию производства или изменение организационной структуры.

Заключение

Управление численностью персонала играет ключевую роль в повышении производительности труда, что в свою очередь способствует снижению себестоимости продукции и повышению конкурентоспособности предприятия. При этом актуальность темы роста производительности труда возрастает в условиях дефицита трудовых ресурсов, однако при проведении оптимизации численности персонала компании сталкиваются с рядом проблем, таких как усталость от бесконечных оптимизаций, негативный опыт предыдущих проектов, потеря экспертизы и некачественные расчеты. Анализ научных работ и публикаций показывает значительный интерес ученых и практиков к вопросам производительности труда, особенно в последние годы. Однако лишь малая часть этих исследований посвящена оптимизации численности персонала, при том, что она является одним из наиболее простых и быстрых инструментов повышения организационной эффективности. Качественный анализ статей выявляет работы, обосновывающие необходимость оптимизации численности в условиях кризисов, и предлагает конкретные инструменты, подчеркивая важность роли HR-функции

в управлении этими процессами; ученые активно исследуют и разрабатывают методики оптимизации численности, включая аутсорсинг и использование современных ИТ-технологий. Несколько прикладных работ подчеркивают необходимость оптимизации численности на основе использования драйверов и внедрения новых практик.

Тема оптимизации численности занимает все более значимое место в стратегии и операционной модели бизнеса, включая распределение полномочий, систему бизнес-процессов, организационную культуру, структуру и численность, а также систему мотивации и KPI. При этом компании проходят три фазы оптимизации численности: от простых к более комплексным методам. Большинство отечественных компаний находятся на фазе, требующей специализированных методов. Для управления численностью персонала необходима оперативная оценка затрат и поиск способов их снижения. Это включает использование нормативов, которые могут быть применены к производственному персоналу, но ограничены по отношению к административно-управленческому персоналу. Не все должности требуют нормирования, и, кроме того, существуют направления работы, где это нецелесообразно. Детальная разработка нормативов требуется только для должностей организаций с большим штатом (более 20 человек) и высокой степенью неэффективности.

Наиболее эффективными инструментами нормирования являются бенчмаркинг, цифровые сервисы, современные подходы и классический хронометраж для рабочих должностей. Работу руководителей нормировать сложнее. В крупных компаниях все большее распространение получают калькуляторы численности как инструмент планирования персонала. Это связано с изменением функции HR – подхода к управлению персоналом как к основной бизнес-функции и оценке ее эффективности по количественным показателям. Также отмечается внедрение модели численности, т.е. системы, преобразующей бизнес-драйверы в численность сотрудников, что помогает оптимально управлять человеческими ресурсами и обеспечивать баланс между результатами работы и численностью персонала.

Ключевой инструмент повышения организационной эффективности – это проектные инициативы, которые могут инициироваться как на уровне генерального директора, директора по персоналу, так и на локальном уровне в конкретных подразделениях. В каждом случае нужно учитывать специфику деятельности компании, ее подразделений и сотрудников. Одним из самых простых и понятных инструментов оценки численности являются калькуляторы численности персонала, в основе которых лежат обоснованные нормативы и драйверы численности. При их наличии в компании возможно автоматизировать расчет потребности в персонале. Опыт оптимизации численности и экспертные заключения говорят о том, что современные нормативы должны учитывать стратегические инициативы компании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башутина И.А. Нормы численности персонала. Как сформировать оптимальное штатноеписание? // Управление человеческим потенциалом. 2014. № 4. С. 266–278. EDN: SYTBFH.
2. Бижиштова Л.Т. Развитие методов оценки труда в современных условиях // Статистика, учет и аудит. 2017. № 1 (64). С. 154–157. EDN: YMFQMV.
3. Горностаева Ж.В., Сверчкова О.Ф. Управление расходами на персонал в коммерческих организациях // Управленческий учет. 2021. № 7–2. С. 497–503. EDN: QRDDQA.
4. Гиниева С.Б., Долженко Р.А. Перспективы использования аутсорсинга в деятельности промышленных предприятий // Экономика Профессия Бизнес. 2016. № 4. С. 14–26. EDN: YSZJBR.
5. Долженко Р.А., Илюшников К.К. Возможности совершенствования организации труда персонала за счет оптимизации трудовых процессов в банке // Управленец. 2014. № 1 (47). С. 41–45. EDN: RZLUGF.
6. Долженко Р.А., Малышев Д.С. Цифровизация подходов к организации и нормированию труда на промышленном предприятии // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2021. № 4. С. 54–66. EDN: WOJYRX.
7. Дорожкина Е.Е. Эффективность управления рисками аутсорсинга // Управленческое консультирование. 2017. № 10 (106). С. 96–101. DOI: 10.22394/1726-1139-2017-10-96-101. EDN: ZWOXJL.
8. Ефремов А.А. Модель оценки экономического эффекта от реструктуризации организации с передачей части функций управляющей компании // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2020. № 14. С. 50–54. EDN: KMOVBA.
9. Жулябин Д.Ю., Коркин П.С., Комаристый Д.П., Липинский А.В. Методы и подходы оптимизации численности персонала // Вестник Воронежского института высоких технологий. 2017. № 4 (23). С. 124–127. EDN: YMOTMS.
10. Кокуева Ж.М., Яценко В.В., Суходровский А.Д. Оптимизация численности персонала в условиях интеграции // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2010. № 12 (74). С. 25–28. EDN: NDXBHR.
11. Коттелова В.М. Формирование системы аудита оптимальности численности персонала // Управленец. 2011. № 3–4 (19–20). С. 56–58. EDN: NTQDUX.
12. Музыченко В.В. Оптимизация численности персонала как доминирующая тенденция в условиях кризиса // Фотинские чтения. 2015. № 1 (3). С. 280–290. EDN: XXZUQH.
13. Мурашкин Н.В., Юрочкин А.Г. Методы оптимизации численности персонала в компании // Вестник Воронежского института высоких технологий. 2016. № 3 (18). С. 105–108. EDN: XHODHP.
14. Набоков А.Б. Кризис: что делать с бизнесом, что делать с персоналом? // Финансовый менеджмент. 2015. № 2. С. 32–36. EDN: TQUYCX.
15. Половинко В.С. Оптимизация численности персонала на основе принципов аутсорсинга и управления по целям // Кадровик. 2011. № 1. С. 108–115. EDN: ROPLPH.
16. Разумов А.А., Цыганкова И.В. Современные подходы к применению IT-технологий при разработке обоснованных норм труда на предприятиях торговли и сервиса //

- Социально-трудовые исследования. 2021. № 1 (42). С. 45–53. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-42-1-45-53. EDN: OWEABK.
17. Розанова Е. Сокращение штата (численности) работников: анализ ошибок на основе судебных споров // Трудовое право. 2012. № 7. С. 7–23. EDN: QCXUTT.
 18. Сидоркина С.В. Бенчмаркинг как один из методов оптимизации численности персонала // Управление развитием персонала. 2016. № 4. С. 302–308. EDN: XGOEWF.
 19. Слободняк И.А., Антипина П.В. Решение задач по оптимизации численности персонала // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 1. № 7 (127). С. 25–33. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2022.07.01.003. EDN: MXWZMV.
 20. Фомина Н.Н. Оптимизация численности персонала // Автоматика, связь, информатика. 2014. № 7. С. 32–33. EDN: SGEPOR.
 21. Язенков Е.И. Применение различных методик в определении оптимальной численности персонала предприятия // Российское предпринимательство. 2012. № 17 (115). С. 79–84. EDN: PBQROB.
 22. Alam A. Unleashing prosperity: productivity growth in Eastern Europe and the Former Soviet Union. World Bank Publications, 2008.
 23. Azhimuratova A., Tulekbayeva A., Sabyrhanov D. et al. Optimization of labour potential as a decisive factor for the strategy of improving productivity // International Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 1. No 2. Pp. 91–99. EDN: YBHPDV.
 24. Bogoviz A.V., Lobova S.V., Ragulina J.V. Perspectives of growth of labor efficiency in the conditions of the digital economy // International Conference Project «The future of the Global Financial System: Downfall of Harmony». Cham: Springer International Publishing, 2018. Pp. 1208–1215.
 25. Cobet A.E., Wilson G.A. Comparing 50 years of labor productivity in US and foreign manufacturing // Monthly Lab. Rev. 2002. Vol. 125. P. 51.
 26. De Vries G.J. et al. Deconstructing the BRICs: Structural transformation and aggregate productivity growth // Journal of comparative economics. 2012. Vol. 40. No. 2. Pp. 211–227.
 27. Dunford M., Smith A. Catching up or falling behind? Economic performance and regional trajectories in the “New Europe” // Economic Geography. 2000. Vol. 76. No. 2. Pp. 169–195.
 28. Golabchi A., Han S.U., Abourizk S. A simulation and visualization-based framework of labor efficiency and safety analysis for prevention through design and planning // Automation in Construction. 2018. Vol. 96. Pp. 310–323.
 29. Harris R.I.D., Trainor M. Productivity growth in the UK regions, 1968–1991 // Oxford Bulletin of Economics and Statistics. 1997. Vol. 59. №. 4. Pp. 485–509.
 30. Inklaar R., Timmer M.P. GGDC productivity level database: International comparisons of output, inputs and productivity at the industry level. 2008.
 31. Jiang D. et al. Threat or opportunity? Unveiling the impact of population aging on corporate labor investment efficiency // Pacific-Basin Finance Journal. 2024. Vol. 85. Pp. 102–322.
 32. Langemeier M.R. Labor efficiency and productivity benchmarks // Journal of ASFMRA. 2018. Pp. 17–28.
 33. Liu G. et al. Measuring the stock of human capital for comparative analysis. 2011.
 34. Neziraj E. et al. The Impact of Information Systems on Labor Efficiency in SEE Countries // TWIST. 2024. Vol. 19. No. 3. Pp. 27–34.

35. Sapand G.N. et al. Investigating the Affecting Factors of Labor Efficiency Improvement // International Journal of Humanities Education and Social Sciences. 2023. Vol. 2. No. 4.
36. Sharpe A., Harrison P., Arsenault J.F. The relationship between labour productivity and real wage growth in Canada and OECD countries. Ottawa, Ontario: Centre for the study of living standards, 2008.
37. Timmer M.P., Voskoboynikov I.B. Is Mining Fuelling Long-Run Growth in Russia? Industry Productivity Growth Trends Since 1995 // Review of Income and Wealth. 2014. Vol. 60. Pp. S398–S422.
38. Vanchukhina L.I., Leybert T.B., Khalikova E.A. Methodological approaches to evaluation and analysis of labor efficiency in the spheres of fuel and energy complex // Journal of Environmental Management & Tourism. 2016. Vol. 7. No. 4 (16). P. 585. DOI: 10.14505/jemt.v7.4 (16).04.
39. Voskoboynikov I.B. New measures of output, labour and capital in industries of the Russian economy // GGDC Research Memorandum GD-123. 2012.
40. Voskoboynikov I. Sources of productivity growth in Eastern Europe and Russia after transition // IARIW-UNSW Special Conference on Productivity Measurement, Drivers and Trends (Sydney), 2013.
41. Vries G.J., Los B., Castellacci F. Sectoral Productivity Trends: Convergence Islands in Oceans of Divergence // Groningen Growth and Development Centre, University of Groningen, 2010. №. GD–118.

REFERENCES

1. Bashutina I.A. Norms of the number of personnel. How to create an optimal staffing table? // Human potential management. 2014. No. 4. Pp. 266–278. EDN: SYTBFH. (In Russ.)
2. Bizhigitova L.T. Development of labor assessment methods in modern conditions // Statistics, accounting and auditing. 2017. No. 1 (64). Pp. 154–157. EDN: YMFQMV. (In Russ.)
3. Gornostaeva Zh.V., Sverchkova O.F. Management of personnel costs in commercial organizations // Managerial accounting. 2021. No. 7–2. Pp. 497–503. EDN: QRDDQA. (In Russ.)
4. Ginieva S.B., Dolzhenko R.A. Prospects for the use of outsourcing in the activities of industrial enterprises // Economics Profession Business. 2016. No. 4. Pp. 14–26. EDN: YSZJBR. (In Russ.)
5. Dolzhenko R.A., Ilyushnikov K.K. Possibilities of improving the organization of personnel work by optimizing labor processes in the bank // The manager. 2014. No. 1 (47). Pp. 41–45. EDN: RZLUGF. (In Russ.)
6. Dolzhenko R.A., Malyshev D.S. Digitalization of approaches to the organization and rationing of labor at an industrial enterprise // Bulletin of Omsk University. The series “Economics”. 2021. No. 4. Pp. 54–66. EDN: WOJYRX. (In Russ.)
7. Dorozhkina E.E. The effectiveness of outsourcing risk management // Management consulting. 2017. No. 10 (106). Pp. 96–101. DOI: 10.22394/1726-1139-2017-10-96-101. EDN: ZWOXJL. (In Russ.)
8. Efremov A.A. A model for assessing the economic effect of restructuring an organization with the transfer of part of the functions of a management company // Bulletin of the Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences. 2020. No. 14. Pp. 50–54. EDN: KMOVBA. (In Russ.)

9. Zhulyabin D.Yu., Korkin P.S., Komaristy D.P., Lipinsky A.V. Methods and approaches for optimizing the number of personnel Bulletin of the Voronezh Institute of High Technologies. 2017. No. 4 (23). Pp. 124-127. EDN: YMOTMS. (In Russ.)
10. Kokueva J.M., Yatsenko V.V., Sukhodrovsky A.D. Optimization of the number of personnel in conditions of integration // Bulletin of the Samara State University of Economics. 2010. No. 12 (74). Pp. 25-28. EDN: NDXBHR. (In Russ.)
11. Koptelova V.M. Formation of an audit system for the optimality of the number of personnel // The manager. 2011. No. 3-4 (19-20). Pp. 56-58. EDN: NTQDUX. (In Russ.)
12. Muzychenko V.V. Optimization of the number of personnel as the dominant trend in a crisis // Fotinsky readings. 2015. No. 1(3). Pp. 280-290. EDN: XXZUQH. (In Russ.)
13. Murashkin N.V., Yurochkin A.G. Methods of optimizing the number of personnel in the company // Bulletin of the Voronezh Institute of High Technologies. 2016. No. 3(18). Pp. 105-108. EDN: XHODHP. (In Russ.)
14. Nabokov A.B. Crisis: what to do with business, what to do with personnel? // Financial management. 2015. No. 2. Pp. 32-36. EDN: TQUYCX. (In Russ.)
15. Polovinko V.S. Optimization of the number of personnel based on the principles of outsourcing and goal management // HR specialist. 2011. No. 1. Pp. 108-115. EDN: ROPLPH. (In Russ.)
16. Razumov A.A., Tsygankova I.V. Modern approaches to the use of IT technologies in the development of sound labor standards at trade and service enterprises // Social and labor research. 2021. No. 1 (42). Pp. 45-53. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-42-1-45-53. EDN: OWEABK. (In Russ.)
17. Rozanova E. Reduction of staff (number) of employees: error analysis based on litigation // Labor law. 2012. No. 7. Pp. 7-23. EDN: QCXUTT. (In Russ.)
18. Sidorkina S.V. Benchmarking as one of the methods of optimizing the number of personnel // Personnel development management. 2016. No. 4. Pp. 302-308. EDN: XGOEWF. (In Russ.)
19. Slobodnyak I.A., Antipina P.V. Solving problems to optimize the number of personnel // Economics and management: problems, solutions. 2022. Vol. 1, No. 7 (127). Pp. 25-33. DOI: 10.36871/ek.up.p.r. 2022.07.01.003. EDN: MXWZMV. (In Russ.)
20. Fomina N.N. Optimization of the number of personnel // Automation, communications, informatics. 2014. No. 7. Pp. 32-33. EDN: SGEPOR. (In Russ.)
21. Yazenkov E.I. Application of various methods in determining the optimal number of personnel of an enterprise // Russian entrepreneurship. 2012. No. 17 (115). Pp. 79-84. EDN: PBQROB. (In Russ.)
22. Alam A. Unleashing prosperity: productivity growth in Eastern Europe and the Former Soviet Union. World Bank Publications, 2008.
23. Azhimuratova A., Tulekbayeva A., Sabyrhanov D. et al. Optimization of labour potential as a decisive factor for the strategy of improving productivity // International Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 1. No. 2. Pp. 91-99. EDN: YBHPDV.
24. Bogoviz A.V., Lobova S.V., Ragulina J.V. Perspectives of growth of labor efficiency in the conditions of the digital economy // International Conference Project «The future of the Global Financial System: Downfall of Harmony». Cham: Springer International Publishing. 2018. Pp. 1208-1215.
25. Cobet A.E., Wilson G.A. Comparing 50 years of labor productivity in US and foreign manufacturing // Monthly Lab. Rev. 2002. Vol. 125. Pp. 51.

26. *De Vries G.J. et al.* Deconstructing the BRICs: Structural transformation and aggregate productivity growth // *Journal of comparative economics*. 2012. Vol. 40. No. 2. Pp. 211–227.
27. *Dunford M., Smith A.* Catching up or falling behind? Economic performance and regional trajectories in the “New Europe” // *Economic Geography*. 2000. Vol. 76. No. 2. Pp. 169–195.
28. *Golabchi A., Han S.U., Abourizk S.* A simulation and visualization-based framework of labor efficiency and safety analysis for prevention through design and planning // *Automation in Construction*. 2018. Vol. 96. Pp. 310–323.
29. *Harris R.I.D., Trainor M.* Productivity growth in the UK regions, 1968–1991 // *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 1997. Vol. 59. No. 4. Pp. 485–509.
30. *Inklaar R., Timmer M.P.* GGDC productivity level database: International comparisons of output, inputs and productivity at the industry level. 2008.
31. *Jiang D. et al.* Threat or opportunity? Unveiling the impact of population aging on corporate labor investment efficiency // *Pacific-Basin Finance Journal*. 2024. Vol. 85. Pp. 102322.
32. *Langemeier M.R.* Labor efficiency and productivity benchmarks // *Journal of ASFMRA*. 2018. Pp. 17–28.
33. *Liu G. et al.* Measuring the stock of human capital for comparative analysis. 2011.
34. *Neziraj E. et al.* The Impact of Information Systems on Labor Efficiency in SEE Countries // *TWIST*. 2024. Vol. 19. No. 3. Pp. 27–34.
35. *Sapand G.N. et al.* Investigating the Affecting Factors of Labor Efficiency Improvement // *International Journal of Humanities Education and Social Sciences*. 2023. Vol. 2. No. 4.
36. *Sharpe A., Harrison P., Arsenault J.F.* The relationship between labour productivity and real wage growth in Canada and OECD countries. Ottawa, Ontario: Centre for the study of living standards, 2008.
37. *Timmer M.P., Voskoboynikov I.B.* Is Mining Fuelling Long-Run Growth in Russia? Industry Productivity Growth Trends Since 1995 // *Review of Income and Wealth*. 2014. Vol. 60. Pp. S398–S422.
38. *Vanchukhina L.I., Leybert T.B., Khalikova E.A.* Methodological approaches to evaluation and analysis of labor efficiency in the spheres of fuel and energy complex // *Journal of Environmental Management & Tourism*. 2016. Vol. 7. No. 4 (16). P. 585. DOI: 10.14505/jemt.v7.4 (16).04.
39. *Voskoboynikov I.B.* New measures of output, labour and capital in industries of the Russian economy // *GGDC Research Memorandum GD-123*. 2012.
40. *Voskoboynikov I.* Sources of productivity growth in Eastern Europe and Russia after transition // *IARIW-UNSW Special Conference on Productivity Measurement, Drivers and Trends (Sydney)*, 2013.
41. *Vries G.J., Los B., Castellacci F.* Sectoral Productivity Trends: Convergence Islands in Oceans of Divergence // *Groningen Growth and Development Centre, University of Groningen*, 2010. GD-118.

Дата поступления рукописи: 28.12.2024 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Долженко Руслан Алексеевич – доктор экономических наук, доцент, руководитель Отраслевого центра компетенций в сфере производительности труда ФГАНУ «Социоцентр», Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3524-3005
dolzhenkora@sociocenter.info

Долженко Светлана Борисовна – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-2575-9588
ginsb@usue.ru

ABOUT THE AUTHORS

Ruslan A. Dolzhenko – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Industry Competence Center in the Sphere of Labor Productivity of the Center for Sociological Research "Sociocenter", Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3524-3005
dolzhenkora@sociocenter.info

Svetlana B. Dolzhenko – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Labor Economics and Human Resources Management, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-2575-9588
ginsb@usue.ru

METHODOLOGICAL APPROACHES TO PERSONNEL MANAGEMENT IN ORDER TO INCREASE LABOR PRODUCTIVITY AND ORGANIZATIONAL EFFICIENCY²

Business needs to seek and use best practices in the field of improving organizational efficiency, one of which is the headcount management. The purpose of the study is to develop methodological approaches to headcount management that ensure optimal and efficient work of personnel, taking into account the goals and objectives facing the company. The main research method is the analysis and generalization of best practices in the field of personnel management, the study of the experience of successful companies conducting optimization. The analysis showed that the best option for assessing the optimal number of employees, taking into account current market conditions, development strategy and long-term plans, is the use of long-term standards. The proposed methodological approaches can be used to bring the number of personnel to an optimal state, reduce costs, and increase organizational efficiency in any commercial organization on condition that they are adapted to the specific features of the company, industry, and market situation.

Keywords: *headcount, headcount optimization, labor productivity, headcount standards, headcount model.*

JEL: D24, J24.

² The reported study was funded by RSF grant according to the research project No 24-28-20469 and the Government of Sverdlovsk region.

О.А. КИСЛИЦЫНА

доктор экономических наук,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РОССИЯН О ВЛИЯНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ЗДОРОВЬЕ

Цель исследования – выявить восприятие россиянами факторов, влияющих на здоровье, и оценить связь индивидуальных характеристик с этим восприятием. Информационная основа – Международная программа социальных исследований (ISSP), модуль «Здоровье и здравоохранение», 2021 г. В работе построены модели логистической регрессии, где зависимые переменные представляли собой восприятие людьми в качестве детерминант здоровья условия окружающей среды, бедности, генов, поведения. Установлено, что на первом месте по важности для россиян стоят условия окружающей среды, в то время как восприятие других факторов в качестве причин плохого здоровья признается менее значимым. Люди с разным социально-демографическим и экономическим положением имеют разные представления о факторах здоровья, что отчасти объясняется личным опытом, например, люди с низкими доходами чаще признают бедность как фактор здоровья.

Ключевые слова: общественное мнение, представление о здоровье, социальные детерминанты здоровья, Международная программа социальных исследований (ISSP), Россия.

УДК: 314.17, 316.65, 364.1

EDN: LNKAQ

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_1_92_105

Введение

Ранее считалось, что возникновение заболеваний можно объяснить с помощью «биомедицинской модели», согласно которой болезнь вызывается конкретным этиологическим агентом внутри организма, таким как вирус или бактерия. Однако в последней четверти XX в. ученые обратили внимание на роль различных факторов, таких как окружающая среда, образ жизни, социально-экономические и психологические факторы, под воздействием которых возникают заболевания. Они выдвинули концепцию «социальных детерминант здоровья» [1, с. 8], представляющих обстоятельства, в которых люди растут, живут, работают и стареют [24].

Этот переход к детерминантам здоровья повысил интерес исследователей к изучению общественного мнения о том, что формирует здоровье

[21]. Тем не менее, исследования, оценивающие представление населения о детерминантах здоровья и факторов, влияющих на него, крайне немногочисленны. Удалось найти всего несколько. Исследователи оценивали общественные убеждения относительно одного конкретного заболевания, игнорируя факторы, влияющие на эти убеждения [6; 11]; рассматривали осведомленность общественности только об одном факторе как детерминанте здоровья [19; 23]; изучали влияние конкретного фактора на представление населения о детерминантах плохого здоровья [7]. Анализ общественного восприятия детерминант здоровья и выявление влияния различных социальных и демографических факторов на общественные убеждения проводились как на национальном [16], так и на страновом уровне [27]. В России данная проблема не изучалась.

Таким образом, цель исследования заключалась в том, чтобы восполнить пробел в литературе, оценить восприятие россиянами факторов, детерминирующих здоровье, и выявить связь различных социально-демографических индивидуальных характеристик с этим восприятием.

Данные и методы

Информационной основой исследования являются данные Международной программы социальных исследований (ISSP) за 2021 г. ISSP [22] – продолжающаяся ежегодная программа межнационального сотрудничества, основанная на добровольном участии стран, и охватывающая темы, важные для исследований в области социальных наук с 1984 г. Тема исследования 2021 г. – «Здоровье и здравоохранение». В опросе приняли участие 1597 россиян в возрасте 18 лет и старше.

Зависимая переменная

Респондентам задан вопрос: «Тяжелые проблемы со здоровьем могут иметь множество причин. Насколько вы согласны или не согласны со следующими утверждениями? Люди страдают от серьезных проблем со здоровьем, (i) потому, что они вели себя так, что нанесли ущерб их здоровью, (ii) из-за окружающей среды, которой они подвергаются на работе или там, где они живут, (iii) из-за их генов, (iv) потому, что они бедны». По каждому из четырех пунктов возможные ответы включали: «полностью согласны», «согласны», «ни согласны, ни не согласны», «не согласны», «категорически не согласны». Для дальнейшего анализа респонденты разделены на тех, кто согласен (полностью согласен, согласен) и тех, кто не согласен (ни согласен, ни не согласен, не согласен, категорически не согласен).

Независимые переменные

Независимые переменные были отобраны на основе предыдущих исследований [7; 13; 27]. Они включали пол (мужчины / женщины);

возраст (18–29, 30–39, 40–49, 50–59, 60 и старше); семейное положение (состоящие в браке (зарегистрированном и незарегистрированном) / (одиноким (никогда не состоявшим в браке, вдовы, разведенные))); тип поселения (большой город и его пригороды / небольшой город и поселки городского типа / село, деревня, хутор); тип занятости (занятые / незанятые); уровень образования (низкое (среднее общее или ниже) / среднее (начальное, среднее профессиональное или неполное высшее) / высокое (высшее или выше)); душевой денежный доход домохозяйства ((Q1 – самая бедная 25% группа, Q2, Q3, Q4 – самая богатая 25% группа). Рассмотрено несколько переменных, связанных со здоровьем и поведением, оказывающих влияние на здоровье: самооценка состояния здоровья по пятибалльной шкале (1 – плохое, 5 – отличное), преобразованная в двоичную переменную (неплохое (оценки 5, 4, 3) и плохое (оценки 1, 2) здоровье); наличие хронических заболеваний, хронических состояний или инвалидности (да / нет); индекс массы тела ¹ (ИМТ) равный 1, если респондент имеет избыточный вес или ожирение, 0 – в противном случае; курение (не курит / курил, но бросил / курит); употребление алкоголя (да / нет).

Статистический анализ проведен с помощью моделей логистической регрессии, включающих все независимые переменные, отдельно для четырех зависимых переменных.

Результаты

Факторы окружающей среды имеют самый высокий процент согласия в качестве детерминант здоровья: 78,8% респондентов согласны с тем, что люди страдают от серьезных проблем со здоровьем из-за окружающей среды, которой они подвергаются на работе или там, где они живут. Затем следуют бедность (58%), гены (56,6%) и поведение (52,7%) (см. табл. 1). Полученные результаты соответствуют выводам других исследований в разных странах [7; 13; 18; 27]. Необходимо отметить, что с 2011 г., когда проводилось предыдущее обследование Международной программы социальных исследований по теме «Здоровье и здравоохранение», ранжирование россиянами детерминант здоровья практически не изменилось: на первом месте по значимости для здоровья участники опроса также называли окружающую среду, далее с небольшой разницей следовали гены, бедность и поведение. Очевидно, что за десятилетний период наблюдается снижение поддержки социальных детерминант здоровья среди россиян (см. табл. 1). Аналогичный результат был получен в США [17], где признание важ-

¹ Индекс массы тела (ИМТ) представляет собой отношение веса к квадрату роста. ИМТ выше 25 – избыточный вес или ожирение.

ности социальных детерминант за 15 лет снизилось, что, по мнению исследователей, свидетельствует о «сохраняющихся препятствиях для распространения знаний».

Таблица 1

Процент согласия с детерминантами здоровья (%)

	2011 г.				2021 г.			
	Поведение	Среда	Гены	Бедность	Поведение	Среда	Гены	Бедность
Согласны	62,7	84,3	65,3	63,9	52,7	78,8	56,6	58,0
Не согласны	37,3	15,7	34,7	36,1	47,3	21,2	43,4	42,0
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100

Источник: рассчитано автором.

Восприятие окружающей среды как важнейшего фактора здоровья может быть обусловлено сочетанием экологических реалий и информационного контекста. С одной стороны, Россия сталкивается с серьезными экологическими вызовами (загрязнение воздуха и воды, бытовые отходы, вырубка лесов), которые могут прямо влиять на здоровье населения, вызывая острые заболевания или ухудшение состояния здоровья как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе, в то время как влияние бедности, генетики или поведения может проявляться медленнее и не так явно, что делает их менее заметными и актуальными для граждан. С другой стороны, последние годы в медиа и общественном дискурсе значительно увеличилось внимание к вопросам экологии и здоровья. Это может повлиять на восприятие людей, заставляя их связывать свои проблемы со здоровьем с состоянием окружающей среды.

Мнение экспертного сообщества экономистов, более осведомленного о социальных детерминантах здоровья, заметно отличается от мнения граждан. В рамках опроса [2], проведенного Новой экономической ассоциацией совместно с Институтом экономики РАН, Экономическим факультетом МГУ, Государственным институтом искусствознания, Институтом национальных проектов и Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ в 2023 г., экспертам предложили из перечня причин, которые могут вызвать проблемы со здоровьем, выбрать наиболее важные (можно выбрать несколько). Из 680 участников, ответивших на этот вопрос, подавляющее большинство выбрали нездоровый образ жизни (79,9%) и недоступность качественной медицинской помощи (77,4%). 70,6% экспертов считают, что в плохом здоровье виновны низкие доходы

и бедность. Чуть больше половины (57,5%) указывают на негативное воздействие окружающей среды. Далее с большим отрывом следуют опасные условия труда (36,2%) и плохое жилье (23,5%).

В табл. 2 представлены модели согласия россиян с каждым фактором, объясняющим состояние здоровья в 2021 г.

Очевидно, что люди с разными социально-демографическими характеристиками имеют разные представления о детерминантах здоровья.

Мужчины, по сравнению с женщинами, с меньшей вероятностью ($OR = 0,58$ $CI:0,44-0,75$) соглашались с тем, что здоровье тесно связано с генами, что соответствует результатам других исследователей, установивших, что женщины в большей степени согласны с генетическими причинами, чем мужчины [7; 27]. Возможно, это связано с большей осведомленностью женщин о генетических нарушениях, часто диагностирующихся во время беременности или сразу после нее. При этом мужчины, напротив, чаще женщин винят в плохом здоровье бедность ($OR = 1,35$ $CI:1,03-1,77$), вероятно, потому что традиционные гендерные роли накладывают на мужчин определенные ожидания, касающиеся успеха и финансового благополучия, что может усугублять их восприятие бедности как фактора, влияющего на здоровье.

Молодежь, по сравнению со старшей возрастной группой (60 лет и старше), с меньшей вероятностью считает бедность детерминантой здоровья (например, для самой молодой группы $OR = 0,31$ $CI:0,20-0,49$), что согласуется с выводами, полученными в других исследованиях [10; 21; 27]. Возможное объяснение заключается в том, что с возрастом увеличивается вероятность возникновения хронических заболеваний, что приводит к росту медицинских расходов [5]. Люди старше 60 лет часто завершают свою профессиональную деятельность и не могут позволить себе высокие расходы на лечение, что делает их более уязвимыми перед бедностью как фактором, влияющим на здоровье. Кроме того, молодые люди могут не иметь достаточной информации о том, как бедность влияет на здоровье, не иметь личного опыта бедности или заболеваний, вызванных бедностью, могут негативно относиться к бедным и считать, что бедность является следствием лени и безответственности.

По сравнению с низкообразованными, люди с более высоким уровнем образования с меньшей вероятностью соглашались с тем, что гены ($OR = 0,55$ $CI:0,40-0,76$ для среднего) и поведение ($OR = 0,63$ $CI:0,46-0,86$ для среднего и $OR = 0,67$ $CI:0,47-0,96$ для высшего) являются детерминантами здоровья. Предыдущие исследования показали, что высокообразованные люди реже рассматривают поведение как определяющий фактор здоровья [27]. Это может быть связано с тем, что люди с низким уровнем образования могут склоняться к принятию упро-

щенных общепринятых представлений о здоровье и верить в «народные мудрости», включая связь между поведением, генами и здоровьем. Исследователи [27] указывают на то, что по мере повышения уровня образования людей, их знания расширяются, и они понимают, что здоровье больше не ограничивается только индивидуальным поведением и генами, а скорее связано с другими социальными, экономическими и экологическими факторами [20].

Семейное положение и тип поселения редко рассматриваются в исследованиях восприятия людьми факторов, детерминирующих здоровье. Установлено, что одинокие, по сравнению с состоящими в браке, с большей вероятностью считают поведение ($OR = 1,33$ $CI:1,03-1,71$) и гены ($OR = 1,42$ $CI:1,09-1,84$) причинами плохого здоровья. Можно привести несколько объяснений разницы в восприятии факторов здоровья между одинокими и состоящими в браке людьми. Состоящие в браке имеют более стабильную и поддерживающую социальную среду, лучшее психическое и эмоциональное благополучие, более высокое качество жизни [4; 8; 10; 25], что влияет на их восприятие детерминант здоровья. Имеющие семейного партнера больше заботятся о своем физическом состоянии, что может привести к более позитивному восприятию здоровья и меньшему акценту на генетических или поведенческих факторах, как причинах проблем. Одинокие люди могут иметь более пессимистичное отношение к своему здоровью, что может привести к тому, что они чаще будут приписывать свои проблемы генетическим факторам или плохому поведению. Наконец, люди, которые пережили разрыв отношений, могут связывать плохое здоровье с поведением или генетическими факторами, особенно если их бывшие партнеры имели вредные привычки.

По сравнению с проживающими в сельской местности, жители больших городов чаще соглашались с тем, что окружающая среда является фактором здоровья ($OR = 1,72$ $CI:1,17-2,53$), что, вероятно, объясняется тем, что в городах чаще встречаются проблемы загрязнения воздуха, воды, почвы и шумовое воздействие. Кроме того, современные городские условия жизни часто ставят перед горожанами новые вызовы для здоровья, такие как стресс, недостаточная физическая активность, неправильное питание, ограниченный доступ к зеленым зонам и т. д. Поэтому жители городов чувствительнее к влиянию окружающей среды на свое здоровье.

Согласно полученным результатам, чем ниже уровень дохода, тем с большей вероятностью респонденты выбирают бедность в качестве важной детерминанты здоровья (например, для самой бедной группы Q1 $OR = 2,19$ $CI:1,46-3,30$). Этот вывод соответствует предыдущим исследованиям [7; 23; 27] и объясняется тем, что люди с низкими доходами

больше подвержены неблагоприятным жизненным обстоятельствам, таким как плохие условия жилья, ограниченный доступ к медицинским услугам, плохое питание и стрессовые условия труда, что негативно отражается на состоянии здоровья [13]. В результате они могут более остро осознавать влияние бедности на здоровье и благополучие. Исследователи высказывают беспокойство относительно более низкого признания фактором здоровья бедности среди групп с высокими социальным статусом или доходом, учитывая роль, которую эти люди могут играть в политике в целом и в социальной политике в частности [7; 17; 23].

Лица с плохим здоровьем по сравнению с теми, кто имеет хорошее здоровье, реже соглашаются с тем, что поведение является определяющим фактором здоровья ($OR = 0,63$ $CI:0,49-0,82$), в то время как в плохом здоровье они чаще винят бедность ($OR = 1,29$ $CI:1,00-1,68$). Это соответствует предыдущим выводам исследователей [27], которые объясняют это тем, что лица, сообщающие о хорошем здоровье, часто ведут здоровый образ жизни, что позволяет предположить, что они хорошо осведомлены о влиянии своего поведения на здоровье, в то время как люди с плохим здоровьем, возможно, не придерживаются здорового поведения и будут объяснять причину своих заболеваний другими факторами. Кроме того, хорошо известно, что люди с плохим здоровьем с большей вероятностью являются бедными, что делает их более чувствительными к бедности как детерминанте здоровья [9].

Некурящие, по сравнению с курящими, с меньшей вероятностью считают гены важным фактором здоровья ($OR = 0,68$ $CI:0,51-0,92$ для некурящих и $OR = 0,48$ $CI:0,33-0,71$ для куривших в прошлом). Некурящие люди часто более осведомлены о вреде курения и других вредных привычках [26], стремятся к более здоровому образу жизни в целом [12] и менее подвержены заболеваниям, связанным с курением, что может привести к убеждению, что здоровье в значительной степени зависит от образа жизни, а не от генетики. При этом бывшие курильщики винят в плохом здоровье окружающую среду ($OR = 1,86$ $CI:1,11-3,11$). Вероятно, признавая, что их здоровье пострадало от курения, некоторые бывшие курильщики могут испытывать чувство сожаления. Обвинение окружающей среды позволяет им избежать личной ответственности за свое состояние.

Люди, имеющие избыточный вес, с меньшей вероятностью рассматривают поведение ($OR = 0,80$ $CI:0,62-1,02$) и бедность ($OR = 0,76$ $CI:0,59-0,98$) в качестве детерминант здоровья, несмотря на то, что связь лишнего веса с нездоровым поведением и бедностью подтверждена во многих исследованиях (например, [3; 15]). Возможно, это объясняется недостатком информации.

Таблица 2

Логистическая регрессия согласия населения с детерминантами здоровья (коэффициенты шансов (OR) с 95%-ми доверительными интервалами (CI))

	Поведение	Среда	Гены	Бедность
Пол (Мужчины vs Женщины)	1,05 (0,80–1,36)	0,95 (0,69–1,30)	0,58*** (0,44–0,75)	1,35** (1,03–1,77)
Возраст				
18–29 vs 60 и старше	1,40 (0,91–2,15)	1,22 (0,71–2,09)	0,83 (0,53–1,29)	0,31*** (0,20–0,49)
30–39 vs 60 и старше	1,18 (0,78–1,79)	0,90 (0,54–1,48)	0,70 (0,46–1,07)	0,42*** (0,27–0,64)
40–49 vs 60 и старше	1,41 (0,93–2,14)	1,08 (0,64–1,80)	0,98 (0,64–1,50)	0,60** (0,39–0,93)
50–59 vs 60 и старше	1,17 (0,80–1,71)	0,99 (0,62–1,59)	1,17 (0,78–1,74)	0,66* (0,44–0,99)
Семейное положение (Одинокие vs В браке)	1,33** (1,03–1,71)	0,98 (0,72–1,34)	1,42** (1,09–1,84)	1,13 (0,87–1,47)
Тип поселения				
Большой город vs Село	1,33 (0,96–1,86)	1,72** (1,17–2,53)	0,78 (0,56–1,10)	1,05 (0,75–1,47)
Маленький город vs Село	1,23 (0,86–1,75)	1,37 (0,91–2,05)	1,00 (0,69–1,44)	1,06 (0,73–1,52)
Занятость (Незанятые vs Занятые)	1,15 (0,86–1,53)	1,05 (0,74–1,48)	1,24 (0,93–1,66)	0,96 (0,72–1,29)
Образование				
Среднее vs Низкое	0,63*** (0,46–0,86)	0,80 (0,55–1,17)	0,55*** (0,40–0,76)	0,90 (0,66–1,23)
Высокое vs Низкое	0,67*** (0,47–0,96)	0,71 (0,46–1,11)	0,77 (0,53–1,13)	0,76 (0,53–1,10)
Доход				
Q1 vs Q4	1,03 (0,69–1,53)	1,04 (0,64–1,70)	1,11 (0,74–1,68)	2,19*** (1,46–3,30)
Q2 vs Q4	1,00 (0,71–1,41)	0,94 (0,62–1,42)	0,80 (0,56–1,13)	1,61** (1,14–2,26)
Q3 vs Q4	0,90 (0,64–1,27)	1,01 (0,67–1,53)	0,99 (0,70–1,40)	1,44* (1,03–2,03)
Самооценка здоровья (Плохое vs Хорошее)	0,63*** (0,49–0,82)	0,98 (0,72–1,34)	0,95 (0,73–1,24)	1,29* (1,00–1,68)

	Поведение	Среда	Гены	Бедность
Хронические заболевания (Есть vs Нет)	1,25 (0,94–1,66)	1,18 (0,83–1,67)	1,10 (0,82–1,47)	0,86 (0,65–1,16)
Употребление алкоголя (Нет vs Да)	1,04 (0,77–1,39)	0,93 (0,65–1,33)	0,86 (0,64–1,17)	1,17 (0,87–1,58)
ИМТ (Избыточный vs Нормальный вес)	0,80** (0,62–1,02)	1,16 (0,86–1,55)	0,91 (0,71–1,17)	0,76* (0,59–0,98)
Курение				
Не курит vs Курит	0,83 (0,62–1,10)	1,02 (0,72–1,43)	0,68** (0,51–0,92)	0,94 (0,70–1,26)
Курил, но бросил vs Курит	0,82 (0,56–1,19)	1,86** (1,11–3,11)	0,48*** (0,33–0,71)	0,77 (0,52–1,13)

Значимость *** – $P < 0,001$; ** – $P < 0,01$; * – $P < 0,05$.

Источник: рассчитано автором.

Существует ряд ограничений проведенного исследования. Во-первых, в нем рассматривается общее представление людей о детерминантах здоровья, но у них могут быть разные представления о происхождении конкретных заболеваний. Однако по примеру аналогичных исследований в работе контролировались некоторые переменные, связанные со здоровьем, такие как хронические заболевания и самооценка здоровья [27]. Во-вторых, перекрестный характер данных не позволяет выявить причинно-следственные связи. В-третьих, могут существовать другие индивидуальные характеристики, важные для понимания различий в осведомленности о детерминантах здоровья, но не учтенные в этом исследовании по причине отсутствия в опросе. Несмотря на эти ограничения, полученные результаты позволяют сделать важные выводы.

Выводы

Установлено, что значительное число людей осознают, что на здоровье может оказывать влияние широкий спектр факторов. На первом месте по важности среди детерминант здоровья для россиян стоит окружающая среда, в то время как понимание других факторов, таких как бедность, гены и поведение, остается менее распространенным. Однако вызывает тревогу то, что за последнее десятилетие наблюдается снижение согласия со значимостью социальных детерминант для здоровья среди россиян, что может свидетельствовать о недостаточном распространении знаний.

Люди, принадлежащие к разным социальным, демографическим и экономическим группам, имеют разные представления о детерминантах здоровья. Отчасти этим различиям способствует личный опыт участников опроса [19; 23]: например, проживающие в городах винят в плохом здоровье окружающую среду; подверженные бедности (пожилые, имеющие плохое здоровье, низкие доходы) чаще соглашались с тем, что бедность является определяющим фактором здоровья.

Результаты подчеркивают важность повышения знаний населения о негативных последствиях социальных детерминант здоровья, что позволит людям лучше понимать свои риски и принимать более обоснованные решения относительно своего поведения. Особое внимание следует уделить менее осведомленным группам, которые могут быть в большей степени подвержены рискам.

Повышение осведомленности общественности о важности социальных детерминант здоровья считается важным направлением действий по сокращению неравенства в отношении здоровья [19; 23], поскольку общественное мнение может быть важным фактором политической воли для внедрения соответствующих изменений в политике [14].

Возможные направления действий, которые могут помочь повысить осведомленность населения о социальных детерминантах здоровья и, как следствие, улучшить здоровье и благополучие общества в целом, включают: разработку и внедрение образовательных программ в учебных заведениях, которые бы охватывали темы социальных детерминант здоровья; массовые информационные кампании в СМИ, социальных сетях и на общественных мероприятиях; создание информационных ресурсов (буклеты, видеоролики, инфографика, разработка мобильных приложений и онлайн-платформ); обучение специалистов (медицинских, социальных работников и педагогов), чтобы они могли лучше информировать своих пациентов и клиентов о социальных детерминантах здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вилкинсон Р., Мармот М. Социальные условия и здоровье: убедительные факты. 2-й вып. Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро, 2004. <https://iris.who.int/handle/10665/345475> (дата обращения: 12.12.2024).
2. Новая экономическая ассоциация. Социологический мониторинг, 2023. <https://www.econorus.org/socmon.phtml> (дата обращения: 12.12.2024).
3. Anekwe C.V., Jarrell A.R., Townsend M.J., Gaudier G.I., Hiserodt J.M., Stanford F.C. Socioeconomics of obesity // Current obesity reports. 2020. Vol. 9. No. 3. Pp. 272–279. DOI:10.1007/s13679-020-00398-7.
4. Archuleta A. Marriage continues to protect: social support, stress, and perceptions of health just prior to the COVID-19 pandemic using cross-sectional data from

- a crowdsourced survey in the United States // *Journal of Health and Social Sciences*. 2023. Vol. 8. No. 4. Pp. 323–336. DOI: 10.19204/2023/MRRG6.
5. *Atella V., Piano Mortari A., Kopinska J., Belotti F., Lapi F., Cricelli C., Fontana L.* Trends in age-related disease burden and healthcare utilization // *Aging Cell*. 2019. Vol. 18. No. 1. Pp. e12861. DOI: 10.1111/accel.12861.
 6. *Barry C.L., Brescoll V.L., Brownell K.D., Schlesinger M.* Obesity metaphors: how beliefs about the causes of obesity affect support for public policy // *Milbank Q*. 2009. Vol. 87. No. 1. Pp. 7–47. DOI: 10.1111/j.1468-0009.2009.00546.x.
 7. *Bridger E.K.* Subjective socioeconomic status and agreement that health is determined by distal and proximal factors // *Int J Psychol*. 2023. Vol. 58. No. 6. Pp. 536–544. DOI: 10.1002/ijop.12928.
 8. *Evans M.D.R., Kelley J.* Effects of family structure on life satisfaction: Australian evidence // *Soc Indic Res*. 2004. Vol. 69. No. 3. Pp. 303–349. DOI: 10.1007/s11205-004-5578-9.
 9. *Habibov N., Auchynnikava A., Luo R.* Poverty Does Make Us Sick // *Ann Glob Health*. 2019. Vol. 85. No. 1. P. 33. DOI: 10.5334/aogh.2357.
 10. *Han K.T., Park E.C., Kim J.H., Kim S.J., Park S.* Is marital status associated with quality of life? // *Health Qual Life Outcomes*. 2014. Vol. 12. P. 109. DOI: 10.1186/s12955-014-0109-0.
 11. *King J.B.* The impact of patients' perceptions of high blood pressure on attendance at screening // *Soc Sci Med*. 1982. Vol. 16. No. 10. Pp. 1079–1091.
 12. *Kitagawa Y., Nakaji S., Shimoyama T., Umeda T., Sugawara K., Liu Q., Sakamoto J.* Differences in Lifestyle of a Smoking and Non-smoking Population in Japan // *Asian Pac J Cancer Prev*. 2000. Vol. 1. No. 3. Pp. 245–249.
 13. *Mackenbach J.P.* Socioeconomic inequalities in health in high-income countries: the facts and the options/ *Oxford Textbook of Global Public Health*. Ed. by R. Detels et al. 6 edn. Oxford: Oxford University Press. 2015. <https://doi.org/10.1093/med/9780199661756.003.0008> (дата обращения: 12.12.2024).
 14. *Marmot M., Friel S., Bell R., Houweling T.A., Taylor S.* Commission on Social Determinants of Health. Closing the gap in a generation: health equity through action on the social determinants of health // *Lancet*. 2008. Vol. 372. No. 9650. Pp. 1661–1669. DOI: 10.1016/S0140-6736(08)61690-6.
 15. *Moschonis G., Trakman G.L.* Overweight and Obesity: The Interplay of Eating Habits and Physical Activity // *Nutrients*. 2023. Vol. 15. No. 13. P. 2896. DOI: 10.3390/nu15132896.
 16. *Robert S.A., Booske B.C.* US opinions on health determinants and social policy as health policy // *Am J Public Health*. 2011. Vol. 101. No. 9. Pp. 1655–1663. DOI: 10.2105/AJPH.2011.300217.
 17. *Robert A.S., Liu A. Y.* Changes in public awareness of the social determinants of health over 15 years in Wisconsin, United States // *Preventive Medicine Reports*. 2025. Vol. 50. P. 102965. DOI: 10.1016/j.pmedr.2025.102965.
 18. *Schnittker J.* The Politics of Health Beliefs: Cross-National Evidence // *Research in the Sociology of Health Care*. 2015. Vol. 33. Pp. 17–42. DOI: 10.1108/S0275-495920150000033002.
 19. *Shankardass K., Lofters A., Kirst M., Quiñonez C.* Public awareness of income-related health inequalities in Ontario, Canada // *Int J Equity Health*. 2012. Vol. 11. Pp. 26. DOI: 10.1186/1475-9276-11-26.
 20. *Sudarmadi S., Suzuki S., Kawada T., Netti H., Soemantri S., Tri Tugawati F.* A survey of perception, knowledge, awareness, and attitude in regard to environmental problems

- in a sample of two different social groups in Social Groups in Jakarta, Indonesia // Environment, Development and Sustainability. 2001. Vol. 3. No. 2. Pp. 169–183. DOI: 10.1023/A:1011633729185.
21. *Sullivan M.* The new subjective medicine: taking the patient's point of view on health care and health // *Soc Sci Med.* 2003. Vol. 56. No. 7. Pp. 1595–1604. DOI: 10.1016/s0277-9536(02)00159-4.
 22. *The International Social Survey Programme.* <http://www.issp.org/> (дата обращения: 12.12.2024).
 23. *Von dem Knesebeck O., Vonneilich N., Kim T.J.* Public awareness of poverty as a determinant of health: survey results from 23 countries // *Int J Public Health.* 2018. Vol. 63. No. 2. Pp. 165–172. DOI: 10.1007/s00038-017-1035-9.
 24. World Health Organization. Social determinants of health. https://www.who.int/health-topics/social-determinants-of-health#tab=tab_1 (дата обращения: 12.12.2024).
 25. *Williams K., Umberson D.* Marital status, marital transition, and health: A gendered life course perspective // *J Health Soc Behav.* 2004. Vol. 45. No. 1. Pp. 81–98. DOI: 10.1177/002214650404500106.
 26. *Yang Y., Wang J.J., Wang C.X., Li Q., Yang G.H.* Awareness of tobacco-related health hazards among adults in China // *Biomed Environ Sci.* 2010. Vol. 23. No. 6. Pp. 437–444. DOI: 10.1016/S0895-3988(11)60004-4.
 27. *Zahra A., Lee E.W., Sun L.Y., Park J.H.* Perception of Lay People Regarding Determinants of Health and Factors Affecting It: An Aggregated Analysis from 29 Countries // *Iran J Public Health.* 2015. Vol. 44. No. 12. Pp. 1620–1631.

REFERENCES

1. *Wilkinson R., Marmot M.* Social determinants of health: the solid facts. 2nd ed. World Health Organization. Regional Office for Europe, 2004. Available at: <https://iris.who.int/handle/10665/345475> (accessed: 12.12.2024). (In Russ.).
2. New Economic Association. Sociological monitoring, 2023. Available at: <https://www.econorus.org/socmon.phtml> (accessed: 12.12.2024). (In Russ.).
3. *Anekwe C.V., Jarrell A.R., Townsend M.J., Gaudier G.L., Hiserodt J.M., Stanford F.C.* Socioeconomics of obesity // *Current obesity reports.* 2020. Vol. 9. No. 3. Pp. 272–279. DOI: 10.1007/s13679-020-00398-7.
4. *Archuleta A.* Marriage continues to protect: social support, stress, and perceptions of health just prior to the COVID-19 pandemic using cross-sectional data from a crowdsourced survey in the United States // *Journal of Health and Social Sciences.* 2023. Vol. 8. No. 4. Pp. 323–336. DOI: 10.19204/2023/MRRG6.
5. *Atella V., Piano Mortari A., Kopinska J., Belotti E., Lapi F., Cricelli C., Fontana L.* Trends in age-related disease burden and healthcare utilization // *Aging Cell.* 2019. Vol. 18. No. 1. Pp. e12861. DOI: 10.1111/accel.12861.
6. *Barry C.L., Brescoll V.L., Brownell K.D., Schlesinger M.* Obesity metaphors: how beliefs about the causes of obesity affect support for public policy // *Milbank Q.* 2009. Vol. 87. No. 1. Pp. 7–47. DOI: 10.1111/j.1468-0009.2009.00546.x.
7. *Bridger E.K.* Subjective socioeconomic status and agreement that health is determined by distal and proximal factors // *Int J Psychol.* 2023. Vol. 58. No. 6. Pp. 536–544. DOI: 10.1002/ijop.12928.

8. *Evans M.D.R., Kelley J.* Effects of family structure on life satisfaction: Australian evidence // *Soc Indic Res.* 2004. Vol. 69. No. 3. Pp. 303–349. DOI: 10.1007/s11205-004-5578-9.
9. *Habibov N., Auchynnika A., Luo R.* Poverty Does Make Us Sick // *Ann Glob Health.* 2019. Vol. 85. No. 1. P. 33. DOI: 10.5334/aogh.2357.
10. *Han K.T., Park E.C., Kim J.H., Kim S.J., Park S.* Is marital status associated with quality of life? // *Health Qual Life Outcomes.* 2014. Vol. 12. P. 109. DOI: 10.1186/s12955-014-0109-0.
11. *King J.B.* The impact of patients' perceptions of high blood pressure on attendance at screening // *Soc Sci Med.* 1982. Vol. 16. No. 10. Pp. 1079–1091.
12. *Kitagawa Y., Nakaji S., Shimoyama T., Umeda T., Sugawara K., Liu Q., Sakamoto J.* Differences in Lifestyle of a Smoking and Non-smoking Population in Japan // *Asian Pac J Cancer Prev.* 2000. Vol. 1. No. 3. Pp. 245–249.
13. *Mackenbach J.P.* Socioeconomic inequalities in health in high-income countries: the facts and the options/ *Oxford Textbook of Global Public Health.* Ed. by *R. Detels et al.* 6 edn. Oxford: Oxford University Press. 2015. <https://doi.org/10.1093/med/9780199661756.003.0008> (accessed: 12.12.2024).
14. *Marmot M., Friel S., Bell R., Houweling T.A., Taylor S.* Commission on Social Determinants of Health. Closing the gap in a generation: health equity through action on the social determinants of health // *Lancet.* 2008. Vol. 372. No. 9650. Pp. 1661–1669. DOI: 10.1016/S0140-6736(08)61690-6.
15. *Moschonis G., Trakman G.L.* Overweight and Obesity: The Interplay of Eating Habits and Physical Activity // *Nutrients.* 2023. Vol. 15. No. 13. P. 2896. DOI: 10.3390/nu15132896.
16. *Robert S.A., Booske B.C.* US opinions on health determinants and social policy as health policy // *Am J Public Health.* 2011. Vol. 101. No. 9. Pp. 1655–1663. DOI: 10.2105/AJPH.2011.300217.
17. *Robert A.S., Liu A. Y.* Changes in public awareness of the social determinants of health over 15 years in Wisconsin, United States // *Preventive Medicine Reports.* 2025. Vol. 50. P. 102965. DOI: 10.1016/j.pmedr.2025.102965.
18. *Schnittker J.* The Politics of Health Beliefs: Cross-National Evidence // *Research in the Sociology of Health Care.* 2015. Vol. 33. Pp. 17–42. DOI: 10.1108/S0275-495920150000033002.
19. *Shankardass K., Lofters A., Kirst M., Quiñonez C.* Public awareness of income-related health inequalities in Ontario, Canada // *Int J Equity Health.* 2012. Vol. 11. P. 26. DOI: 10.1186/1475-9276-11-26.
20. *Sudarmadi S., Suzuki S., Kawada T., Netti H., Soemantri S., Tri Tugawati F.* A survey of perception, knowledge, awareness, and attitude in regard to environmental problems in a sample of two different social groups in Social Groups in Jakarta, Indonesia // *Environment, Development and Sustainability.* 2001. Vol. 3. No. 2. Pp. 169–183. DOI: 10.1023/A:1011633729185.
21. *Sullivan M.* The new subjective medicine: taking the patient's point of view on health care and health // *Soc Sci Med.* 2003. Vol. 56. No. 7. Pp. 1595–1604. DOI: 10.1016/s0277-9536(02)00159-4.
22. *The International Social Survey Programme.* Available at: <http://www.issp.org> (accessed: 12.12.2024).

23. Von dem Knesebeck O., Vonneilich N., Kim T.J. Public awareness of poverty as a determinant of health: survey results from 23 countries // *Int J Public Health*. 2018. Vol. 63. No. 2. Pp. 165–172. DOI: 10.1007/s00038-017-1035-9.
24. World Health Organization. Social determinants of health. Available at: https://www.who.int/health-topics/social-determinants-of-health#tab=tab_1 (accessed: 12.12.2024).
25. Williams K., Umberson D. Marital status, marital transition, and health: A gendered life course perspective // *J Health Soc Behav*. 2004. Vol. 45. No. 1. Pp. 81–98. DOI: 10.1177/002214650404500106.
26. Yang Y., Wang J.J., Wang C.X., Li Q., Yang G.H. Awareness of tobacco-related health hazards among adults in China // *Biomed Environ Sci*. 2010. Vol. 23. No. 6. Pp. 437–444. DOI: 10.1016/S0895-3988(11)60004-4.
27. Zahra A., Lee E.W., Sun L.Y., Park J.H. Perception of Lay People Regarding Determinants of Health and Factors Affecting It: An Aggregated Analysis from 29 Countries // *Iran J Public Health*. 2015. Vol. 44. No. 12. Pp. 1620–1631.

Дата поступления рукописи: 09.01.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кислицына Ольга Анатольевна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
olga.kislitsyna@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Kislitsyna – Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
olga.kislitsyna@gmail.com

RUSSIANS' PERCEPTION OF THE INFLUENCE OF SOCIAL FACTORS ON HEALTH

The aim of the study is to identify the perception of Russians regarding the factors that determine health and to assess the relationship between individual characteristics and this perception. The research is based on the International Social Survey Program (ISSP), Health and Health Care module, 2021. Logistic regression models were constructed, where the dependent variables included people's perception of environmental conditions, poverty, genetics, and behavior as determinants of health. It has been established that the environment is perceived as the most important factor for Russians, while the perception of other factors as causes of poor health is recognized as less significant. People with different socio-demographic and economic characteristics have different views on health factors, which is partly explained by personal experience; for example, people with low incomes are more likely to recognize poverty as a health factor.

Keywords: *public opinion, health perception, social health determinants, International Social Survey Program (ISSP), Russia.*

JEL: C21, I10, D80.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Б.А. ХЕЙФЕЦ

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

В.Ю. ЧЕРНОВА

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ФРАГМЕНТАЦИЯ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В статье рассматриваются особенности геополитической фрагментации в агропродовольственном секторе. Геополитические события и вооруженные конфликты, сопровождаемые широким использованием экономических санкций и ростом протекционизма в международной торговле, особенно сильно влияют на агропродовольственный сектор и продовольственную безопасность. Из-за низкой эластичности спроса и предложения, а также высокой концентрации производства и источников экспорта продовольственных товаров, сырьевые сельскохозяйственные товары, и прежде всего зерновые, на мировых рынках которых Россия занимает ведущие позиции, обладают высокой восприимчивостью к геополитическим рискам. Показано, что Россия, в условиях геополитической фрагментации, может укрепить свои позиции на региональных продовольственных рынках. Определены основные риски для устойчивости и стабильности продовольственной безопасности России из-за концентрации направлений экспорта сельскохозяйственной продукции. Отмечено, что Индия и страны Юго-Восточной Азии, у которых в ближайшее десятилетие ожидается рост потребления продовольственных товаров, открывают новые возможности для развития российского экспорта агропродукции с высоким нереализованным потенциалом. Для минимизации рисков чрезмерной концентрации направлений экспорта России необходимо разработать сбалансированную стратегию, которая позволит развивать экспорт, не ставя под угрозу внутренний рынок.

Ключевые слова: геополитическая фрагментация, геополитическая напряженность, агропродовольственный сектор, санкционная политика, продовольственная безопасность, экспорт сельскохозяйственной продукции.

УДК: 339.5, 339.9

EDN: LSCPCL

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_1_106_128

Введение

По мере усиления глобальной напряженности, распространения и углубления геополитических конфликтов с вовлечением в них все большего числа стран в мире нарастает новая регионализация (фрагментация) глобального экономического пространства, в развитии которой первостепенную роль стали играть политические основания и приоритеты экономической безопасности. Разрушающее воздействие на мировую хозяйственную систему оказывают санкционные войны, которые побуждают страны повышать тарифы и усиливать протекционистские меры, возрождать использование промышленной политики для стимулирования экономического развития и повышения конкурентоспособности своей экономики. Результатом этого становится распад экономических связей, перекраивание торговых путей¹.

Торговая война США и Китая только в период с января 2018 г. по январь 2020 г. привела к росту средневзвешенных тарифов США на китайские товары в 6,25 раз (с 3,1 до 19,3%), а средневзвешенных тарифов Китая на американские товары – в 2,5 раза (с 8 до 20,3%)². С начала вооруженного конфликта на территории Украины Европейский союз (ЕС), США и многие другие страны ввели санкции в отношении российской экономики, а компании из Европы, Японии и США прекратили или значительно сократили свою производственную и торговую деятельность в России. Резкое обострение политической обстановки на Ближнем Востоке повлекло изменение маршрутов судоходства в Красном море, что сопровождается дополнительными расходами, задержками с доставкой грузов и необходимостью принимать дополнительные меры по обеспечению безопасности грузов. Если в 2009 г. количество новых глобальных торговых ограничений составило 3 075 в год, то в 2020 г. оно достигло 6 055 в год, и снизилось до 3 534 в 2024 г.³

Геополитические факторы стали важнейшим риском продовольственной безопасности. Такие события, как китайско-американская торговая война, противостояние России со странами Запада, включая военный конфликт на территории Украины и израильско-палестинский конфликт, а также экономические санкции и протекционистская торговая политика, вызванные этими событиями, не только представ-

¹ Feingold S. Economic fragmentation is rising as global tensions intensify, experts say // World Economic Forum. Jun 26, 2024. <https://www.weforum.org/agenda/2024/06/economic-fragmentation-global-tensions-experts> (дата обращения: 24.09.2024).

² Zhou Y. The US-China Trade War and Global Value Chains // The World Bank. March 15, 2023. <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/3e5537ac17a795823a3e3c46b12c0351-0050022023/related/54-The-US-China-Trade-War-and-Global-Value-Chains.pdf> (дата обращения: 27.11.2024).

³ Global Trade Alert. Global Dynamics (дата обращения: 10.02.2025).

ляют угрозу для международной системы безопасности, но и кардинально меняют глобальный политический и экономический ландшафт. Среди многих факторов, влияющих на глобальную продовольственную безопасность, геополитические конфликты являются ключевым фактором, обуславливающим обострение текущего мирового продовольственного кризиса. В Глобальном отчете о продовольственных кризисах 2023 г. [1] подчеркивается, что, несмотря на то, что экономические кризисы оказывают значительное влияние на продовольственную безопасность, а экстремальные погодные явления наносят ущерб сельскому хозяйству, основной причиной серьезной нехватки продовольствия в большинстве стран становятся вооруженные конфликты.

Процесс сворачивания глобальных связей и изменения конфигурации сложившихся глобальных цепочек стоимости под влиянием политических решений, на фоне ослабления системы международного регулирования, получил название геополитической фрагментации. Особенно уязвимыми в условиях геополитической фрагментации становятся сырьевые товары, в том числе многие сельскохозяйственные товары и удобрения, по причине высокой концентрации их производства, низкой эластичности спроса и предложения, а также высокой чувствительности к геополитике [2].

Количественные оценки совокупных потерь производства от воздействия геополитической фрагментации различаются по странам и варьируются от незначительного влияния до нескольких процентов мирового объема производства. Основные экономические потери понесут страны с низким уровнем дохода, нестабильной экономикой [3] и высокой зависимостью от импорта продовольствия. Из-за сбоев в импорте их потери могут достигать 1–2% ВВП и более [4; 5].

Целью данной статьи стало исследование особенностей геополитической фрагментации в агропродовольственном секторе, а также определение угроз и возможностей для российского агропродовольственного сектора в современных условиях резкого обострения геополитической ситуации.

Влияние геополитической фрагментации на мировой агропродовольственный сектор

Неблагоприятные геополитические события оказывают влияние на рынок продовольствия по нескольким каналам:

1) геополитические конфликты напрямую нарушают сельскохозяйственное производство в вовлеченных странах и наносят серьезный ущерб пахотным землям, сельскохозяйственному оборудованию и рабочей силе, что ведет к значительному снижению производительности сельского хозяйства, объема производства и экспорта;

2) конфликты и санкции, наряду с контрсанкциями, сокращают мировые поставки удобрений и энергии, ведут к росту цен на них, тем самым увеличивая затраты на производство и транспортировку сельскохозяйственной продукции;

3) преграды для международной торговли и сбои в транспортировке ограничивают межстрановой поток продовольствия и нарушают цепочки поставок продовольствия, что усиливает напряженность между глобальным предложением и спросом на продовольствие. Из-за геополитической напряженности увеличивается количество ограничений на экспорт сельскохозяйственной продукции, направленных на борьбу с внутренней инфляцией, что усиливает протекционизм в торговле продуктами питания и дальнейшее снижение глобальной продовольственной безопасности;

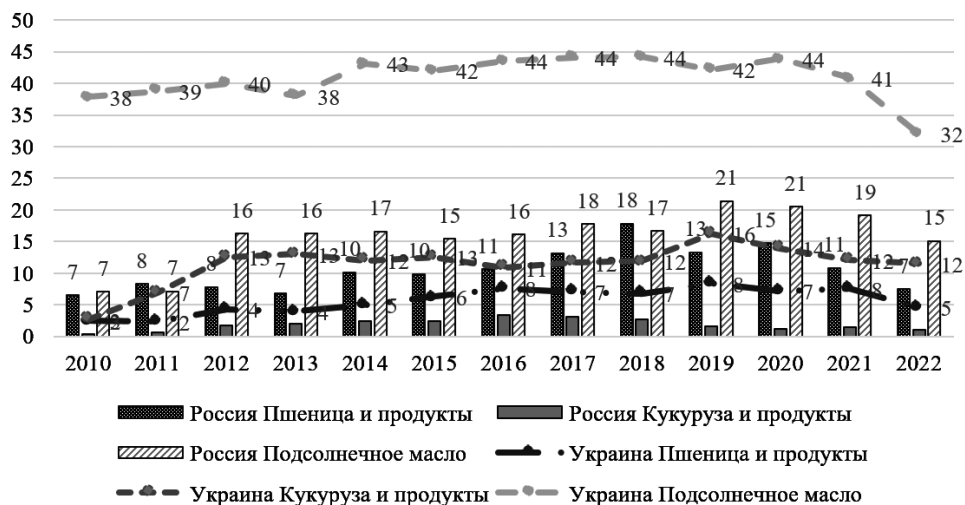
4) геополитические события провоцируют потрясения на финансовом рынке, эскалацию спекуляций капиталом, сопровождаемую ростом настроений неприятия риска, что ведет к росту спекулятивного поведения на рынке фьючерсов на продукты питания [2].

Болхуис и соавторы [6], используя многострановую, многосекторальную модель общего равновесия в торговле сырьевыми товарами, построенную с учетом характеристик этих товаров в ситуации геоэкономической фрагментации, оценили потери стран от фрагментации в краткосрочной и долгосрочной перспективе в нескольких вариантах.

В сценарии *стратегической фрагментации* отсутствует торговля между блоком США–ЕС и Россией, а также отсутствует торговля в высокотехнологичных секторах между блоком США–ЕС и Китаем, но остальные страны могут свободно торговать со всеми странами. В сценарии *геоэкономической фрагментации* отсутствует торговля между блоком ЕС–США и блоком Россия–Китай, а остальные страны присоединяются к одному из двух блоков, что приводит к нулевой торговле с другим блоком стран.

В сценарии стратегической фрагментации рост торговых барьеров между блоками стран США–ЕС и Россия–Китай снижает производство для стран с развитой экономикой и стран с формирующимся рынком на 0,7 и 0,8% соответственно в краткосрочной перспективе и на 0,3% в долгосрочной перспективе. В сценарии геоэкономической фрагментации, когда остальные страны вынуждены вступать в исключительные торговые отношения с одним из блоков, а торговые барьеры применяются ко всем секторам экономики, негативное воздействие на все группы стран резко возрастает. В совокупности наблюдается сокращение реального ВВП на 2,3% в долгосрочном периоде и на 4,8% в краткосрочном. Потери для стран с развитой экономикой и стран с формирующимся рынком в краткосрочном периоде составляют 4,2 и 5,2% соответственно и 2,1 и 2,5% – в долгосрочном периоде. Потери

(2019 г.). Для обеспечения глобальной продовольственной безопасности гораздо более важное значение имеет торговля пшеницей, где Россия является крупнейшим экспортером в мире, а ее доля в отдельные периоды достигала 18% от мирового экспорта (2018 г.).

Источник: рассчитано авторами по: данные FAOSTAT 2024. Trade. Crops and livestock products. <https://www.fao.org/faostat/en/#data/TCL> (дата обращения: 04.09.2024).

Рис. 2. Доля России и Украины в мировом экспорте зерновых и продуктов их переработки, % от объема экспорта в натуральных величинах (т)

Зерновые продукты, в первую очередь пшеница, кукуруза и рис, являются основой мирового рациона питания, на которые приходится почти половина потребляемых калорий, причем только на рис и пшеницу приходится 19% и 18% соответственно, что делает их важнейшими продуктами в международной торговле, а масличные культуры являются главными источниками растительного масла и кормов для животных.

Около 60% мирового производства продовольствия приходится всего на пять стран: Китай, США, Индию, Бразилию и Аргентину. Но и в этих странах только определенные районы являются основными производителями сельскохозяйственных культур. Например, 88% всей пшеницы Индии производится в пяти ее штатах, а 61% кукурузы в США производится пятью штатами на Среднем Западе [9]. Такая географическая концентрация делает значительную часть мирового продовольственного рынка восприимчивой к факторам, которые могут нарушить производство и поставки продовольствия.

Цены на зерновые оказывают самое серьезное влияние на мировую экономику, являются критически значимыми факторами стабильности цен на продовольствие, и их волатильность приводит к дефициту

продовольствия и влияет на продовольственную безопасность во многих странах мира [10].

Наиболее восприимчивы к геополитическим рискам цены на такие товары, как пшеница, рапс, сахар, подсолнечное масло [11; 12; 13]. Геополитические риски ведут к более фрагментированному физическому рынку и перераспределению международной торговли зерном, повышают уровень неустойчивости поставок в некоторых частях мира.

Эскалация российско-украинского конфликта в 2022 г. привела к снижению экспорта продукции АПК из России.

По данным ФАО, в 2021 г. доля России на европейском рынке удобрений превышала 30%⁴. И хотя против поставок российских удобрений не было введено прямых санкций, косвенные санкционные ограничения, в том числе проблемы с заходом российских судов в порты ЕС (особенно Прибалтийских стран, через порты которых экспортировалось 20% удобрений), сложности проведения торговых операций и ограничения против иностранных компаний, в активах которых есть российский капитал, а также санкции в отношении российских компаний, производящих удобрения, привели к тому, что доля России на европейском рынке удобрений сократилась до 8–9%⁵. Однако из-за сокращения поставок газа из России и роста цен на него, производство удобрений в Евросоюзе стало нерентабельным, и крупные европейские производители удобрений вынуждены были остановить производство. В результате этого европейский агросектор стал испытывать острый дефицит удобрений, и уже в 2023 г. поставки российских удобрений в ЕС (в Германию, Польшу, Нидерланды, Францию) стали расти, а по данным за первые пять месяцев 2024 г., поставки азотных удобрений в страны ЕС увеличились на 39%, калийных удобрений – в четыре раза, комплексной подкормки для растений – в два раза⁶.

В 2022 г. потеря важных логистических маршрутов сильно сказалась на деятельности российских производителей удобрений. Перераспределение торговых потоков через российские порты (+17% за первое полугодие 2022 г.) существенно повысило нагрузку на портовую инфраструктуру. Зависимость российских экспортеров удобрений от перевалочной инфраструктуры недружественных стран начала снижаться с конца 2022 г. Этому способствовало использование Северного морского пути для транспортировки удобрений в Китай, переориен-

⁴ Минералы вместо газа // Коммерсантъ. 17.07.2024. <https://www.kommersant.ru/doc/6836843> (дата обращения: 24.09.2024).

⁵ Смирнова С. Зри в корень: Евросоюз увеличил импорт удобрений из России на 70% // Известия. 23 июля 2024. <https://iz.ru/1731749/sofia-smirnova/zri-v-koren-evrosioiuz-uvlichil-import-udobrenii-iz-rossii-na-70> (дата обращения: 24.09.2024).

⁶ Там же.

тация торговых потоков в страны Латинской Америки – в Бразилию, Мексику, Колумбию и др. страны [14].

Геополитические риски напрямую влияют на сельскохозяйственные экспортные потоки за счет увеличения экспортных издержек и роста расходов на страхование и меры безопасности [15].

Обострение вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке повысило риски как для морских, так и для воздушных грузовых перевозок в регионе, привело к изменению логистических маршрутов и к задержкам поставок продукции. Например, альтернативный маршрут вокруг мыса Доброй Надежды взамен перевозок по Красному морю, на которые до начала конфликта приходилось около 12% мировой торговли, увеличивает время транспортировки до 10 дней, что ведет к повышению расходов на топливо на 40%, тем самым увеличивая общие расходы на логистику, что находит отражение в цене на сельскохозяйственную продукцию. Кроме того, к октябрю 2024 г. по сравнению с декабрем 2023 г. цены на 40-футовые контейнеры для перевозки между Восточной Азией и Северной Европой выросли на 468%⁷, что также находит отражение в цене продукции.

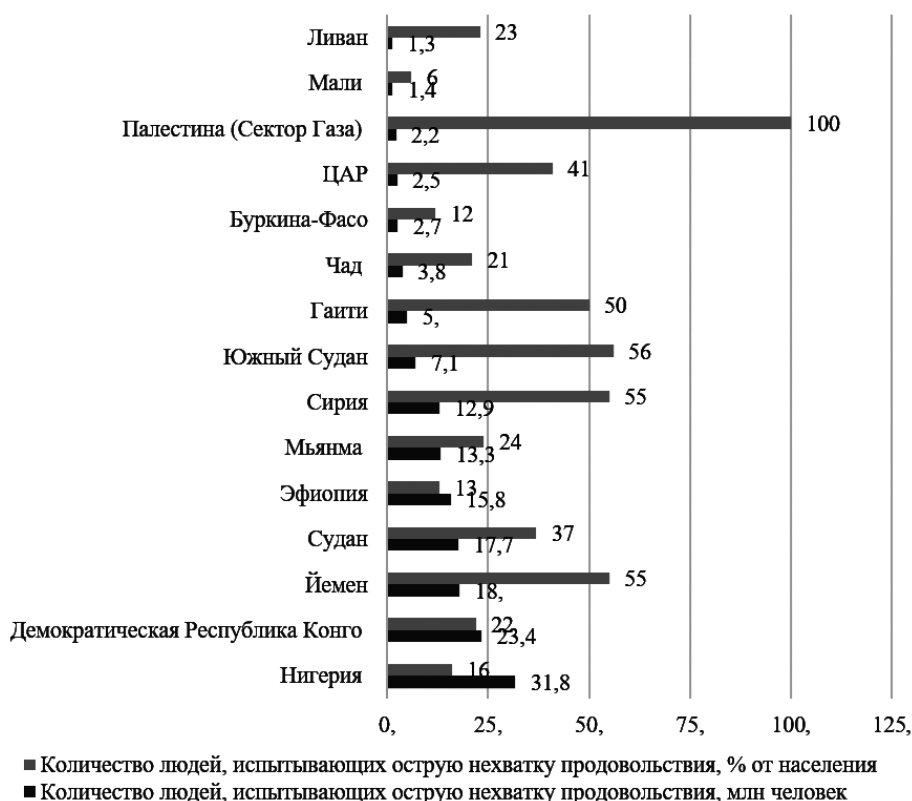
Нестабильность на Ближнем Востоке имеет серьезные последствия для продовольственной безопасности в этом регионе. Конфликты разрушают продовольственные системы, прерывают торговые потоки, сокращают доступ к рынкам и ведут к перемещению населения в другие страны, что обуславливает региональные последствия, обостряя продовольственную ситуацию в соседних странах.

В странах, затронутых конфликтом, растет число людей, испытывающих острую нехватку продовольствия. Так, по данным на июнь 2024 г., в Секторе Газа острую нехватку продовольствия испытывали 100% населения, в Йемене и Сирии – 55%, в Ливане – 23% (см. рис. 3).

Существенным вызовом продовольственной безопасности стали торговые войны, сопровождающиеся усилением протекционизма и санкционным давлением. С конца февраля 2022 г. страны – члены ВТО ввели 140 мер (экспортные запреты, квоты, пошлины, требования лицензирования и другие ограничения экспорта) в отношении сельскохозяйственных товаров, включая продукты питания, корма и удобрения. Однако к середине июня 2024 г. 70 экспортных ограничений были поэтапно отменены⁸.

⁷ Simpson J., Inman P., Ambrose J. Global supply chains are under pressure again. Will inflation start rising? // The Guardian. Wed 2 Oct 2024. <https://www.theguardian.com/business/2024/oct/02/global-supply-chains-are-under-pressure-again-will-inflation-start-rising> (дата обращения: 02.10.2024).

⁸ WTO Trade Monitoring: Latest Trends // WTO. 08/07/2024. (дата обращения: 14.09.2024).

Источник: составлено авторами по: [16].

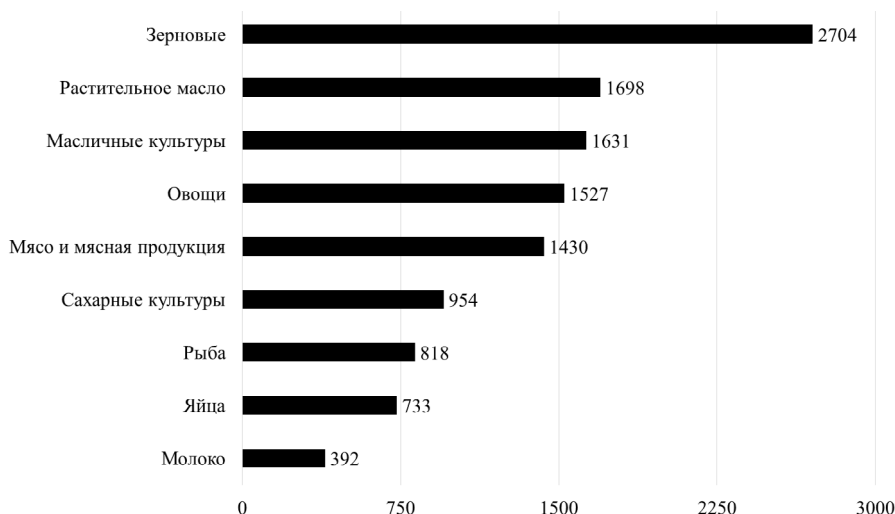
Рис. 3. Число людей, испытывающих острую нехватку продовольствия в странах, вовлеченных в конфликты

Самым регулируемым сельскохозяйственным рынком во всех странах является рынок зерна. Всего в отношении зерновых в мире с ноября 2008 г. по октябрь 2024 г. были введены 2 704 ограничительные меры (см. рис. 4), из которых 15,8% (728) введены США, 4% (182) – Россией, 3,5% (163) – Францией, 3,4% (155) – Италией, 3% (136) – Бразилией.

С февраля 2022 г. количество мер, ограничивающих торговлю зерновыми, выросло почти в три раза, в том числе пшеницей – более чем в четыре раза, удобрениями – более чем в два раза (см. рис. 5). При этом 20% мер, нарушающих условия торговли зерновыми, введены США, 7% – Россией, 3,5% – Китаем и Францией, 2,9% – Бразилией, 2,8% – Италией⁹.

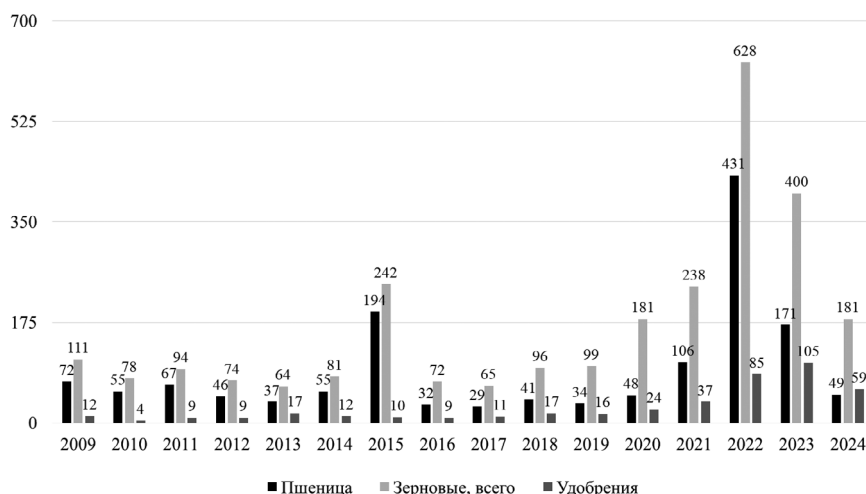
В отношении удобрений, играющих ключевую роль в повышении производительности в сельском хозяйстве, также были использованы протекционистские меры. С 1 января 2022 г. 9,7% таких мер были вве-

⁹ Global Trade Alert. <https://www.globaltradealert.org/sector/011> (дата обращения: 02.10.2024).

Источник: составлено авторами по: данные Global Trade Alert. <https://www.globaltradealert.org/sectors> (дата обращения: 27.10.2024).

Рис. 4. Меры, ограничивающие торговлю продовольственными товарами, введенные в период с 1 января 2009 г. по 27 октября 2024 г.

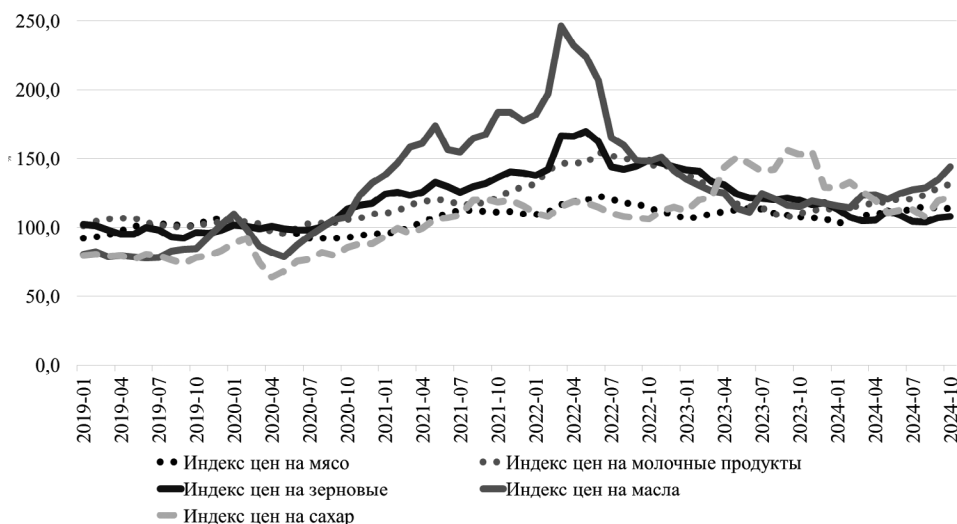

Источник: составлено авторами по: данные Global Trade Alert. <https://www.globaltradealert.org/sectors> (дата обращения: 16.10.2024).

Рис. 5. Меры, ограничивающие торговлю зерновыми, пшеницей и удобрениями, введенные в период с 1 января 2009 г. по 27 октября 2024 г.

дены Китаем, 7,5% – Италией, 6,3% – США, 4,9% – Испанией, 4,7% – Францией.

Более высокие цены и более низкая доступность удобрений в 2021–2022 гг., по данным Международной ассоциации производителей удобрений (IFA), обусловили сокращение объемов внесения удобрений

Источник: FAO Food Price Index. <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/en/> (дата обращения: 24.10.2024).

Рис. 6. Ежемесячные реальные индексы цен ФАО на некоторые продовольственные товары, % (2014–2016=100)

в 2022–2023 гг.: азотных удобрений – на 1,8%, фосфорных удобрений – на 3,5%, калийных удобрений – на 10%. При этом отмечалось, что более низкие уровни применения азотных удобрений приведут к снижению объемов производства и качества продуктов питания, особенно в странах Африки¹⁰.

В отличие от ситуации в бедных странах, фермеры в развитых странах нечувствительны к росту цен на азотные удобрения и, как правило, при росте цен сохраняют высокие уровни их использования. Кроме того, переориентация торговых потоков смягчает влияние санкций и ограничений. Например, Европа заменила импорт фосфата из Китая и аммиака из России поставками из других стран: из Египта (аммиак), Марокко (фосфат), Саудовской Аравии, США и Канады. Что касается калия, то, несмотря на санкции, введенные против Беларуси и России, вместе поставляющие на мировой рынок почти половину мирового экспорта калия, эксперты Международной ассоциации производителей удобрений, основываясь на зеркальной статистике, пришли к выводу, что экспорт удобрений из России не показал существенного сокращения объемов поставок¹¹.

¹⁰ Global Fertilizer Markets and Policies: a Joint FAO/WTO Mapping Exercise // FAO/WTO. 14/11/2022. <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/0dcf3461-409d-43d4-adc8-10aaa45d1ff5/content> (дата обращения: 14.10.2024).

¹¹ Там же.

Несмотря на стабилизацию рынка удобрений в конце 2023 – начале 2024 г., мировая торговля удобрениями по-прежнему находится под влиянием глобальных геополитических и экономических рисков, включая сбои в мировой торговле и судоходстве, вызванные обострением ситуации на Ближнем Востоке и событиями в Красном море, изменением экспортных маршрутов из России и Беларуси, низким уровнем воды в Панамском канале, затрудняющих мировую торговлю удобрениями¹².

Рост цен на удобрения, в совокупности с ростом цен на энергоносители, в период 2021–2022 гг. оказал давление на мировые цены на продовольствие, которые в марте 2022 г. достигли самого высокого значения с 1990 г. (см. рис. 6), что имело негативные последствия для глобальной продовольственной безопасности.

Геополитическая фрагментация и продовольственный сектор России

Резкое усиление санкционного давления на российскую экономику с февраля 2022 г. обнажило и обострило проблемы, существовавшие в российском АПК, среди которых: зависимость растениеводства от импорта некоторых видов семян (сахарная свекла, подсолнечник, картофель), биологических средств защиты растений; животноводства – от импорта племенного материала (гибридных пород домашней птицы), кормовых витаминов и витаминно-минеральных добавок, фармацевтических препаратов для животных; молочной отрасли – от заквасок и упаковки; и других отраслей сельского хозяйства и пищевой промышленности – от некоторых важных компонентов производства.

Замена поставщиков недружественных стран на поставщиков из нейтральных или дружественных стран, переориентация поставок российского продовольственного экспорта на дружественные страны и замена источников импорта сопровождалась ростом затрат на логистику, что оказало влияние на рост стоимости продукции сельского хозяйства и на повышение цен конечной продукции. Затраты производителей сельскохозяйственной продукции в 2023 г. выросли на 15–30%. Не последнюю роль в увеличении затрат сыграл рост стоимости логистики как для экспортеров, так и для импортеров. В частности, в период с 2021–2023 гг. вдвое выросли цены на сельскохозяйственные машины и технику зарубежного

¹² Summary Report Medium-Term Fertilizer Outlook 2024 – 2028 // IFA. July 2024. <https://www.ifastat.org/market-outlooks> (дата обращения: 14.10.2024).

производства, доля которой у российских аграриев сохраняется в среднем на уровне 30–40%¹³.

Следует отметить, что российский АПК достаточно быстро адаптировался к изменившимся условиям. В одних случаях замена импортных поставок из недружественных стран была решена заменой поставщика (например, в производстве витаминов и витаминно-минеральных добавок), в других случаях ставка была сделана на ускорение импортозамещения (например, в семеноводстве) и наращивание собственного производства [17].

Несмотря на возникшие сложности, российский агропродовольственный сектор обеспечивает высокий уровень продовольственной безопасности и наращивает экспорт продукции на мировой рынок. По данным ФАО, экспорт агропродовольственной продукции в 2022 г. вырос на 16,89% по сравнению с 2021 г.¹⁴ В 2023 г. агроэкспорт из России увеличился на 17,2% по сравнению с 2022 г.¹⁵, а по состоянию на август 2024 г. экспорт АПК в физическом выражении вырос на 10–11%¹⁶.

Для снижения затрат на транспортировку продукции АПК на зарубежные рынки в 2025–2027 гг., в рамках Федерального проекта «Экспорт продукции агропромышленного комплекса» российским экспортерам планируется выделить 1,5 млрд руб. Всего на финансирование этого Федерального проекта в 2025–2027 гг. предлагается направить 14,7 млрд руб., 15,7 млрд руб. и 16,8 млрд руб. соответственно¹⁷.

Столкнувшись с западными санкциями, российский агропродовольственный сектор стремится диверсифицировать свою торговлю и переориентировать торговые потоки на страны Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки. Крупнейшим потребителем продукции российского АПК является Китай с долей около 18% от всего объема экспорта российского АПК (12,3% в 2022 г.), Турция –

¹³ Красникова Д. Логистика как стресс-фактор для агропроизводства // Агроинвестор. 17 апреля 2024. <https://www.agroinvestor.ru/column/darya-krasnikova/42171-logistika-kak-stress-faktor-dlya-agroproduzvodstva> (дата обращения: 24.09.2024).

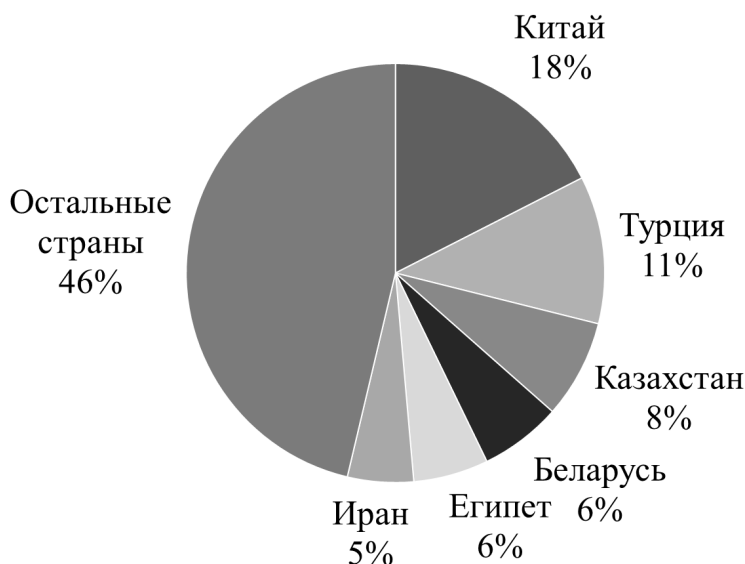
¹⁴ Trade Indices // FAOSTAT. <https://www.fao.org/faostat/en/#data/TP> (дата обращения: 28.11.2024).

¹⁵ Российским агроэкспортерам в 2025–2027 гг. могут выделить 1,5 млрд руб. для снижения логистических затрат // «ПортНьюс». 2 октября 2024. (дата обращения: 01.10.2024).

¹⁶ Россия на 10–11% увеличила экспорт агропродукции в 2024 году в физическом выражении // «ПортНьюс». 23 августа 2024. <https://portnews.ru/news/366977/> (дата обращения: 01.10.2024).

¹⁷ Российским агроэкспортерам в 2025–2027 гг. могут выделить 1,5 млрд руб. для снижения логистических затрат // «ПортНьюс». 2 октября 2024. <https://portnews.ru/news/368580/> (дата обращения: 02.10.2024).

11,4% (12,1% в 2022 г.), страны ЕАЭС – Казахстан и Беларусь, а также Египет и Иран (рис. 7). На поставки в «дружественные страны» в 2023 г. пришлось 87% поставок¹⁸, в 2024 г. – уже более 90%¹⁹.

Источник: составлено авторами по данным Федерального центра развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России. <https://aemcx.ru/export/rusexport/> (дата обращения: 05.09.2024).

Рис. 7. Крупнейшие страны – импортеры российского продовольствия в 2023 г., %

Роль сотрудничества с Китаем

Главным торговым партнером России в продовольственном секторе в условиях геополитической фрагментации стал Китай.

Уже в 2022 г. российский экспорт продовольствия в Китай вырос на 41,4%²⁰ относительно показателей 2021 г. В 2023 г. экспорт продукции агропродовольственного сектора вырос более чем в два раза в натуральном выражении, а в денежном выражении поставки российской агропродукции составляют около 7% от всего объема импорта КНР. За десять месяцев (июль – апрель) 2023/2024 сельскохозяйственного года Россия экспортировала в Китай около 7 млн т различных сельско-

¹⁸ Экспорт продукции АПК РФ в дружественные страны в 2023 г. вырос на 20% // ТАСС. 5 февраля 2024. <https://tass.ru/ekonomika/19903221> (дата обращения: 02.10.2024).

¹⁹ Минсельхоз: Поставки в дружественные страны сегодня превышают 90% агроэкспорта РФ // «ПортНьюс». 4 октября 2024. <https://portnews.ru/news/367409/> (дата обращения: 02.10.2024).

²⁰ Россия в 2022 г. увеличила экспорт продукции АПК в Китай на 41% // Интерфакс. 21 марта 2023. <https://www.interfax.ru/business/892172>.

хозяйственных культур, тогда как за весь предыдущий сельскохозяйственный год (2022/2023 г.) было поставлено около 6 млн т²¹.

Если сравнивать с доковидным 2019 г., то за пять лет (с 2019 по 2023 г.) экспорт российской сельскохозяйственной продукции увеличился в 4 раза, экспорт рапсового масла – в 11 раз, мяса птицы – в 4,7 раз, семян льна – в 4,6 раз, подсолнечного масла – в 4 раза, соевых бобов – в 3 раза, муки из рыбы – в 2,6 раз, пшеницы – в 3,5 раза, кукурузы – в 8 раз, а ячменя – в 93 раза (см. табл.).

Таблица

Динамика импорта основных видов российской сельскохозяйственной продукции в Китай в период с 2019 по 2023 г.

	Импорт, млн долл.					Темп роста 2023 / 2019, %
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	
Сельскохозяйственная продукция, всего	1408,6	2240,1	2427,6	3356,7	5911,8	420
Масло рапса	126,9	193,3	393,8	840,4	1492,5	1176
Масло подсолнечника	232,9	567,0	374,8	329,4	910,3	391
Соевые бобы	236,5	240,5	234,6	383,6	686,3	290
Мясо птицы замороженное	90,5	308,2	256,9	380,7	431,5	477
Семена льна	85,0	43,5	129,7	286,1	393,7	463
Мука из рыбы, ракообразных, моллюсков и пр.	97,4	115,5	156,9	196,0	250,6	257
Ячмень (кроме семян для посева)	0,0	1,2	19,3	18,2	110,3	9362
Кукуруза (кроме семян для посева)	10,6	21,7	21,3	29,7	91,7	863
Пшеничная или меслиновая мука	23,8	16,2	4,7	13,3	56,5	238
Пшеница и меслин (кроме семян для посева и твердой пшеницы)	6,5	7,5	14,0	2,7	23,3	359

Источник: составлено авторами по: данные Trade Map. Existing and potential trade between China and Russian Federation. Agricultural products. [https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c156%7c%7c643%7c%7c%7c211794%7c%7c6%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c%7c1](https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c156%7c%7c643%7c%7c%7c211794%7c%7c6%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c%7c1) (дата обращения: 02.02.2025).

²¹ Agricultural product exports from Russia to China over ten months of current season exceed volume of entire previous agricultural year // Interfax. 30 May 2024. <https://interfax.com/newsroom/top-stories/102820/> (дата обращения: 21.09.2024).

Главными сельскохозяйственными и продовольственными товарами, экспортируемыми в Китай, являются: растительные масла (рапсовое, подсолнечное, соевое), замороженная рыба и морепродукты, зерновые культуры (пшеница, ячмень, горох) и продукция их переработки, мясная продукция (мясо птицы, говядина, свинина).

Большая часть китайского импорта российской продукции приходится на рыбу и морепродукты, а также на продукцию масложировой отрасли. В 2022 г. экспорт мороженой рыбы в физическом измерении вырос на 46%, ракообразных – на 30%, растительного шрота и жмыха – в 16 раз, мяса птицы – на 11%²².

В 2023 г. поставки в Китай российского растительного масла выросли вдвое относительно показателей 2022 г.²³. А за первое полугодие 2024 г. суммарный российский экспорт растительных масел в Китай вырос на 36,6% по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. В частности, поставки подсолнечного масла возросли в 6,2 раза, соевого масла – в 2,1 раза²⁴.

По данным ФАО, в 2022 г. экспорт российской пшеницы в Китай в физическом измерении вырос в 2,54 раза²⁵ по сравнению с показателями 2021 г., а за первые пять месяцев 2024 г. в 4,6 раза превысил показатель аналогичного периода 2023 г. Суммарно в указанный период Россия экспортировала в Китай 377 тыс. т ячменя, 125 тыс. т пшеницы и меслина, 103 тыс. т овса, 32 тыс. т муки и 17 тыс. т круп и муки грубого помола, что превысило 2/3 суммарного объема экспорта 2023 г.²⁶

По итогам первого полугодия 2024 г. Россия заняла лидирующую позицию среди основных поставщиков муки в Китай, с долей более 60%²⁷.

В сельскохозяйственном сезоне 2023/2024 г. Россия стала крупнейшим экспортером гороха в Китай, обеспечив почти половину всего

²² Россия в 2022 г. увеличила экспорт продукции АПК в Китай на 41% // Интерфакс. 21 марта 2023. <https://www.interfax.ru/business/892172>.

²³ Ковалева А. Экспорт российских товаров в Китай с начала года превысил \$65 млрд // Ведомости. Аналитика. 29 июля 2024. <https://www.vedomosti.ru/analytics/trends/articles/2024/07/28/1052509-eksport-rossiiskih-tovarov-v-kitai-s-nachala-goda-previsil-65-mlrd> (дата обращения: 21.09.2024).

²⁴ В первом полугодии 2024 года РФ увеличила экспорт растительных масел в Китай более чем на треть // АПКИнформ. 16 авг. 2024. <https://www.apk-inform.com/ru/news/1543222> (дата обращения: 24.09.2024).

²⁵ Detailed trade matrix // FAOSTAT. <https://www.fao.org/faostat/en/#data/TM>

²⁶ Китай наращивает импорт российского зерна // АПКИнформ. 25 июн. 2024. <https://www.apk-inform.com/ru/news/1542257> (дата обращения: 24.09.2024).

²⁷ Экспорт российской муки в 2024 году увеличился почти на 40% // АПКИнформ. 27 авг. 2024. <https://www.apk-inform.com/ru/news/1543420> (дата обращения: 24.09.2024).

импорта страны, заняв 49,1% доли рынка и обогнав Канаду менее чем за два года после получения доступа к китайскому рынку²⁸.

Агропродовольственный рынок Китая, в силу его размера, является привлекательным для российских экспортеров продукции сельского хозяйства. Для наращивания агроэкспорта, прежде всего зерновых, на рынок КНР, стран АТР, Ближнего Востока и Средней Азии, при поддержке российского государства реализуется программа «Новый Сухопутный Зерновой Коридор» (НСЗК). Проект НСЗК является частью концепции сопряжения ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути» и направлен на создание высокотехнологичной инфраструктуры в ряде регионов России (Урале, Сибири и Дальнем востоке) и в странах Средней Азии²⁹. Российский агропродовольственный сектор заинтересован не только в совместных инвестиционных проектах в логистику, но и в создании предприятий по глубокой переработке сельскохозяйственного сырья, высокотехнологичных животноводческих производств, в расширении производства экологически чистой продукции³⁰. Например, Россия, из-за отсутствия в стране собственных производственных мощностей для производства горохового белка, с 2022 г. увеличила экспорт гороха в Китай, который является крупным производителем горохового белка, вместо того чтобы развивать собственное производство на территории России³¹.

Новые возможности для развития экспорта сельскохозяйственной продукции открывают Индия и страны Юго-Восточной Азии, которые, как ожидается, увеличат свою долю мирового потребления за счет роста городского населения и повышения благосостояния и на которые к 2033 г., по прогнозу, будет приходиться 31% роста потребления продовольствия в глобальном масштабе [18].

Нереализованный потенциал российского экспорта агропродукции на рынки крупнейших нейтральных и дружественных по отношению к России стран составляет 5,89 млрд долл. [19, с. 49–52, см.

²⁸ Russia overtakes Canada as top peas exporter to China // Reuters. July 9, 2024. <https://www.reuters.com/markets/commodities/russia-overtakes-canada-top-peas-exporter-china-2024-07-09/> (дата обращения: 22.08.2024).

²⁹ НСЗК. Официальный сайт. <http://www.nlgc.ru/about/profile/> (дата обращения: 03.02.2025).

³⁰ РФ с начала года экспортировала в Китай более 2 млн т зерновой продукции // ФГБУ «Центр Агроаналитики». 26 июня 2024. <https://specagro.ru/news/202406/ru-s-nachala-goda-eksportirovala-v-kitay-bolee-2-mln-t-zernovoy-produkcii#> (дата обращения: 24.09.2024).

³¹ Russia overtakes Canada as top peas exporter to China // Reuters. July 9, 2024. <https://www.reuters.com/markets/commodities/russia-overtakes-canada-top-peas-exporter-china-2024-07-09/> (дата обращения: 21.08.2024).

табл. 5], в том числе на рынок Китая в размере 2 млрд долл. за счет экспорта удобрений, жиров растительного и животного происхождения, зерновых и готовых продовольственных товаров; на рынок Индии в размере 1,4 млрд долл. за счет экспорта удобрений и жиров растительного и животного происхождения; на рынок Египта в размере 0,32 млрд долл. за счет экспорта зерновых и морепродуктов, а также на рынки Вьетнама (0,32 млрд долл.), Узбекистана (0,3 млрд долл.), Бразилии (0,4 млрд долл.), Индонезии (0,275 млрд долл.), Алжира (0,4 млрд долл.), Саудовской Аравии (0,04 млрд долл.), Таиланда (0,06 млрд долл.), Ирана (0,05 млрд долл.), Филиппин (0,32 млрд долл.).

Улучшению доступа на рынки других стран, в частности на китайский рынок, может способствовать Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР, вступившее в силу в 2019 г. Однако, несмотря на общие интересы, между странами ЕАЭС существует конкуренция как на внутреннем рынке ЕАЭС, так и за доступ к китайскому рынку, что ведет к конфликтам интересов. На рынке сельскохозяйственной продукции Казахстан конкурирует с сельхозпроизводителями из России на рынке зерна, мясной продукции и масличных культур. Казахстан активно развивает проекты в агропродовольственной сфере, в том числе и с привлечением китайских инвестиций, и, по результатам 2023 г., уже увеличил экспорт продовольствия в Китай в два раза³².

Заключение

Ключевым фактором обострения мирового продовольственного кризиса и снижения глобальной продовольственной безопасности является геополитическая фрагментация, обусловившая нарушение глобальных продовольственных цепочек под влиянием политических решений.

Продукция агропродовольственного сектора, включая удобрения, оказалась особенно уязвимой в условиях геополитических конфликтов. Причины высокой чувствительности продовольственных товаров и удобрений к геополитике кроются в высокой концентрации их производства и низкой эластичности спроса и предложения.

Основными каналами влияния геополитической фрагментации на рынок продовольствия являются: нанесение прямого разрушительного ущерба сельскохозяйственному производству конфликтующих

³² Токаев предложил Китаю 2 млн т зерна в год // ElDala. 03 июля 2024. <https://eldala.kz/novosti/zerno/19614-tokaev-predlozhil-kitayu-2-mln-tonn-zerna-v-god> (дата обращения: 14.10.2024).

стран; сокращение мировых поставок продовольствия, удобрений, энергии из-за санкций, роста торговых ограничений, сбоев в транспортировке. Все эти факторы в совокупности весьма заметно повлияли на мировой рынок сельскохозяйственной продукции, на котором произошли разрывы цепочек поставок, началось перераспределение товаропотоков и рост цен.

Самое серьезное влияние на стабильность цен, устойчивость поставок и наличие продовольствия оказывает рынок зерновых культур. Наиболее восприимчивыми к геополитическим рискам оказались цены на такие товары, как пшеница, рапс, сахар, подсолнечное масло.

Эскалация российско-украинского конфликта в 2022–2024 гг. усилила опасность сокращения экспорта продукции АПК из России. Особенно сильно рост напряженности и последовавшие за ним санкции западных стран ударили по рынку удобрений, экспорт которых из страны Европы сократился в 3–4 раза.

Рост напряженности на Ближнем Востоке существенно повысил риски грузовых перевозок, привел к изменению логистических маршрутов и задержкам поставок продукции, а также вызвал рост затрат на транспортировку и страхование, что имеет серьезные последствия для глобальной продовольственной безопасности. Это усиливает геополитическую фрагментацию мировой экономики, которая разрушает продовольственные системы, обескровливает торговые потоки, сокращает доступ менее развитых стран к рынкам сельскохозяйственной продукции, ведет к перемещению населения в другие страны.

Геополитическая фрагментация, санкции и торговые ограничения обострили проблемы, существовавшие в российском агропродовольственном секторе, в том числе и зависимость сельскохозяйственного производства от некоторых важных его компонентов, что стало препятствием для экспортно-импортных потоков продовольствия, удобрений, сельскохозяйственной техники, химических препаратов, упаковки и других компонентов производства.

Переориентация экспортных потоков и замена поставщиков недружественных стран на поставщиков из нейтральных или дружественных стран потребовали некоторого времени и сопровождались ростом затрат российских сельхозпроизводителей. В то же время российский АПК получил новые возможности в реализации своего потенциала. Это касается Китая, Индии и других стран Азии, государств Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки, которые в ближайшие годы будут во многом определять мировой спрос на продовольствие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Global Report on Food Crises 2024. FSIN and Global Network Against Food Crises // GRFC. Rome, 2024.
2. *Dai Y.S., Dai P.F., Zhou W.X.* 2024. The impact of geopolitical risk on the international agricultural market: Empirical analysis based on the GJR-GARCH-MIDAS model // Papers 2404.01641, arXiv.org. <https://arxiv.org/pdf/2404.01641>.
3. *Brugora A.* How Fragmentation Is Threatening the Globalized Economy // Italian Institute for International Studies. 2023. <https://www.ispionline.it/en/publication/how-fragmentation-is-threatening-the-globalized-economy-137971>.
4. *Alvarez J., Andaloussi M.B., Stuermer M.* Geoeconomic Fragmentation Threatens Food Security and Clean Energy Transition // IMF. 2023. <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2023/10/03/geoeconomic-fragmentation-threatens-food-security-and-clean-energy-transition>.
5. *Norring A.* Geoeconomic fragmentation, globalization, and multilateralism // BoF Economics Review. No. 2/2024. Bank of Finland. Helsinki. <https://nbn-resolving.de/urn:nbn:fi-fe2024031811700>.
6. *Bolhuis A., Chen M.J., Kett B.* Fragmentation in Global Trade: Accounting for Commodities // IMF Working Paper. 2023. No. WP 23/73.
7. Implications of the war in Ukraine for the global economy // Washington, DC: World Bank, 2023.
8. The importance of Ukraine and the Russian Federation for global agricultural markets and the risks associated with the current conflict // Food and Agriculture Organization, 2022.
9. *Masoura M.* The Fragile Link: Supply Chain Disruptions and Global Food Security // Food Science and Technology. 2024. No. 38. Issue 3. Pp. 36–39. https://ifst.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/fsat.3803_9.x
10. *Polat O., Basar B., Torun E. et al.* Dynamic interlinkages between geopolitical stress and agricultural commodity market: Novel findings in the wake of the Russian Ukrainian conflict // Borsa Istanbul Review. 2023. No. 23-S1. S74–S83. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2214845023000686>
11. *Hudecová K., Rajčániová M.* The impact of geopolitical risk on agricultural commodity prices // Agric. Econ. Czech. 2023. No. 69(4). Pp. 129–139. <https://agricecon.agriculturejournals.cz/pdfs/age/2023/04/02.pdf>
12. *Aizenman J., Lindahl R., Stenvall D., Uddin G. S.* Geopolitical Shocks and Commodity Market Dynamics: New Evidence From The Russian-Ukraine Conflict // European Journal of Political Economy. 2024. Vol. 85. 102574. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0176268024000764>
13. *Eirini K., Siatis N., Zafeiriou E.* Resource Price Interconnections and the Impact of Geopolitical Shocks Using Granger Causality: A Case Study of Ukraine–Russia Unrest // JRFM, MDPI. 2024. Vol. 17(6). Pp. 1–20. <https://www.mdpi.com/1911-8074/17/6/240/pdf..>
14. *Королев Г. М.* Развитие российской отрасли минеральных удобрений в период санкций // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. Т. 7. С. 122–134. DOI: 10.24412/2072-8042-2024-7-122-134.
15. *Liu K., Fu Q.* Does Geopolitical Risk Affect Agricultural Exports? Chinese Evidence from the Perspective of Agricultural Land // Land. 2024. No. 13(3). P. 371. <https://www.mdpi.com/2073-445x/13/3/371>
16. Hunger Hotspots. FAO–WFP early warnings on acute food insecurity: June to October 2024 // WFP, FAO. 2024. DOI: 10.4060/cd0979en.

17. Хейфец Б. А., Чернова В.Ю. Адаптация российского агропродовольственного комплекса к новым геополитическим реалиям // Проблемы прогнозирования. 2024. 5(206). С. 165–175. <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2024/09/adaptatsiya-rossijskogo-ark-k-novym-geopoliticheskim-realiyam.pdf>. DOI: 10.47711/0868-6351-206-165-175.
18. OECD-FAO Agricultural Outlook 2024–2033 // OECD, FAO. 2024. DOI: [org/10.1787/4c5d2cfb-en](https://doi.org/10.1787/4c5d2cfb-en).
19. Развитие ЕАЭС 2022+: стратегические задачи и требования времени: доклад No 84 / 2023 / А.В. Точин, Т.М. Алиев, Е.С. Чимириш, А.Э. Безруков, К.С. Кузьмичев, Н.С. Пыжиков, Е.В. Стоянова; под ред. Е.О. Карпинской, Ю.Ю. Мельниковой, А.П. Александрова, С.М. Гавриловой // Российский совет по международным делам (РСМД). 2023.

REFERENCES

1. Global Report on Food Crises 2024. FSIN and Global Network Against Food Crises // GRFC. Rome, 2024.
2. Dai Y.S., Dai P.F., Zhou W.X. 2024. The impact of geopolitical risk on the international agricultural market: Empirical analysis based on the GJR-GARCH-MIDAS model // Papers 2404.01641, arXiv.org. <https://arxiv.org/pdf/2404.01641>.
3. Brugora A. How Fragmentation Is Threatening the Globalized Economy // Italian Institute for International Studies. 2023. <https://www.ispionline.it/en/publication/how-fragmentation-is-threatening-the-globalized-economy-137971>.
4. Alvarez J., Andaloussi M.B., Stuermer M. Geoeconomic Fragmentation Threatens Food Security and Clean Energy Transition // IMF. 2023. <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2023/10/03/geoeconomic-fragmentation-threatens-food-security-and-clean-energy-transition>.
5. Norring A. Geoeconomic fragmentation, globalization, and multilateralism // BoF Economics Review. No. 2/2024. Bank of Finland. Helsinki. <https://nbn-resolving.de/urn:nbn:fi-fe2024031811700>.
6. Bolhuis A., Chen M.J., Kett B. Fragmentation in Global Trade: Accounting for Commodities // IMF Working Paper, No. WP 23/73. 2023.
7. Implications of the war in Ukraine for the global economy // Washington, DC: World Bank. 2023.
8. The importance of Ukraine and the Russian Federation for global agricultural markets and the risks associated with the current conflict // Food and Agriculture Organization, 2022.
9. Masoura M. The Fragile Link: Supply Chain Disruptions and Global Food Security // Food Science and Technology. 2024. No. 38. Issue 3. Pp. 36–39. https://ifst.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/fsat.3803_9.x
10. Polat O., Basar B., Torun E. et al. Dynamic interlinkages between geopolitical stress and agricultural commodity market: Novel findings in the wake of the Russian Ukrainian conflict // Borsa Istanbul Review. 2023. 23–51. S74–S83. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2214845023000686>
11. Hudcová K., Rajčániová M. The impact of geopolitical risk on agricultural commodity prices // Agric. Econ. Czech. 2023. No. 69(4). Pp. 129–139. <https://agricecon.agriculturejournals.cz/pdfs/age/2023/04/02.pdf>
12. Aizenman J., Lindahl R., Stenvall D., Uddin G. S. Geopolitical Shocks and Commodity Market Dynamics: New Evidence From The Russian-Ukraine Conflict // European

- Journal of Political Economy. 2024. Vol. 85. 102574. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0176268024000764>.
13. *Eirini K., Siatis N., Zafeiriou E.* Resource Price Interconnections and the Impact of Geopolitical Shocks Using Granger Causality: A Case Study of Ukraine–Russia Unrest // *JRFM*, MDPI. 2024. Vol. 17(6). Pp. 1–20. <https://www.mdpi.com/1911-8074/17/6/240/pdf>.
 14. *Korolev G. M.* Development of the Russian mineral fertilizer industry during the sanctions period // *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2024. No. 7. Pp. 122–134. DOI: 10.24412/2072-8042-2024-7-122-134. (In Russ.).
 15. *Liu K., Fu Q.* Does Geopolitical Risk Affect Agricultural Exports? Chinese Evidence from the Perspective of Agricultural Land // *Land*. 2024. No. 13(3). P. 371. <https://www.mdpi.com/2073-445x/13/3/371>
 16. Hunger Hotspots. FAO–WFP early warnings on acute food insecurity: June to October 2024 // WFP, FAO. 2024. DOI: 10.4060/cd0979en.
 17. *Kheifets B.A., Chernova V.Yu.* Adaptation of Agriculture to New Geopolitical Conditions // *Studies on Russian Economic Development*. 2024. 35(5). Pp. 725–732. <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2024/09/adaptatsiya-rossijskogo-apk-k-novym-geopoliticheskim-realiyam.pdf>. DOI: 10.1134/S1075700724700266. (In Russ.).
 18. OECD-FAO Agricultural Outlook 2024-2033 // OECD, FAO. 2024. DOI: 10.1787/4c5d2cfb-en.
 19. Development of the EAEU 2022+: Strategic Objectives and Requirements of the Time: Report No. 84/2023 / A.V. Tochin, T.M. Aliyev, E.S. Chimiris, A.E. Bezrukov, K.S. Kuzmichev, N.S. Pyzhikov, E.V. Stoyanova; edited by E.O. Karpinskaya, Yu.Yu. Melnikova, A.P. Alexandrov, S.M. Gavrilova // *Russian International Affairs Council (RIAC)*. 2023. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 27.12.2024 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Хейфец Борис Аронович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра постсоветских исследований ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6009-434X
bah412@rambler.ru

Чернова Вероника Юрьевна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5951-9091
veronika_urievna@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Boris A. Kheifets – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Center for Post-Soviet Studies, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6009-434X
bah412@rambler.ru

Veronika Yu. Chernova – Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Center for Post-Soviet Studies, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-5951-9091
veronika_urievna@mail.ru

GEOPOLITICAL FRAGMENTATION AND FOOD SECURITY

The article examines the features of geopolitical fragmentation in the agri-food sector. Geopolitical events and armed conflicts, accompanied by the widespread use of economic sanctions and the growth of protectionist policies in international trade have a particularly strong impact on the agri-food sector and food security. Due to the low elasticity of supply and demand, as well as the high concentration of production and sources of food exports, raw agricultural products and, above all, grain, in the world markets of which Russia occupies leading positions, are highly susceptible to geopolitical risks. It is shown that Russia, in the context of geopolitical fragmentation, can strengthen its position in regional food markets. The main risks to the sustainability and stability of Russia's food security due to the concentration of agricultural export destinations are identified. It is noted that India and the countries of Southeast Asia, which are expected to experience growth in food consumption in the next decade, offer new opportunities for the development of Russian agricultural exports with high untapped potential. In order to minimize the risks of excessive concentration of export directions, Russia needs to develop a balanced strategy that will allow developing exports without jeopardizing the domestic market.

Keywords: *geopolitical fragmentation, geopolitical tension, agri-food sector, sanctions policy, food security, agricultural exports.*

JEL: F01, F60, Q17.

В.П. КЛАВДИЕНКО

доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В ПЕРВИЧНОМ ЭНЕРГОПОТРЕБЛЕНИИ КАК ФАКТОР ДЕКАРБОНИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Проведен анализ масштабов и динамики потребления различных видов первичных источников энергии в мировой экономике за долговременный период. Исследованы объемы и динамика эмиссии диоксида углерода, генерируемого в результате потребления различного вида первичных источников энергии. Рассмотрено и количественно определено влияние изменения масштабов потребления различного вида ресурсов, их удельной углеродоемкости, а также структурных сдвигов в мирохозяйственном потреблении первичных энергоресурсов на объем эмиссии диоксида углерода в атмосферу. Представлены перспективы трансформации мировой структуры первичного энергопотребления в контексте глобальной климатической повестки и прогнозных сценариев развития мировой энергетики.

Ключевые слова: *энергопотребление, структурные изменения, декарбонизация, мировая экономика, устойчивое развитие.*

УДК: 338.012, 339.97

EDN: NEENKY

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_1_129_151

Введение

Потребление энергии является фундаментальной основой жизнедеятельности общества и функционирования экономики, а неуклонное увеличение энергопотребления – ключевым императивом их поступательного развития. Показательно, что наиболее развитые страны (мировые лидеры по объему ВВП в расчете на душу населения или Индексу человеческого капитала) имеют и наиболее высокие показатели потребления первичной энергии в исчислении на жителя. Мировое потребление энергии увеличивается из года в год. Перманентный рост глобального энергопотребления, по сути, проявляется как закономерность, а редкие исключения лишь отражают ее устойчивый долговременный характер. За последние пять десятилетий лишь дважды имело место снижение глобального энергопотребления:

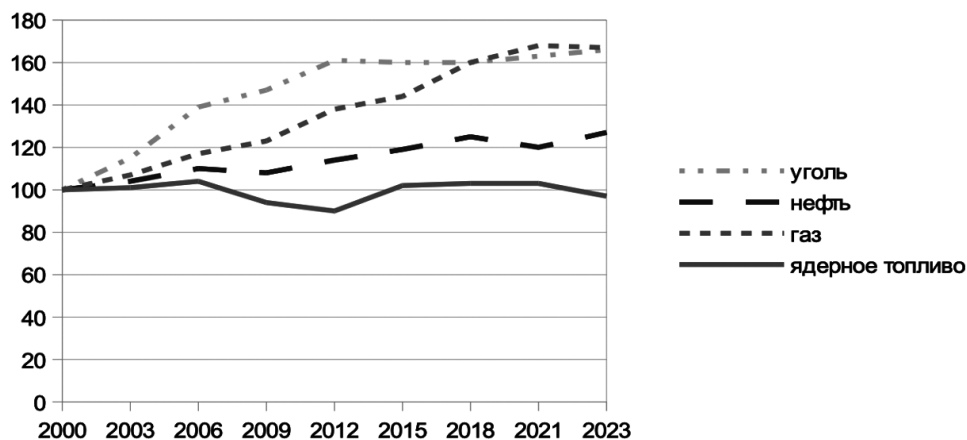
в 2009 г. (пик глобального финансового кризиса) и 2020 г. (пик глобальной пандемии). В 2023 г. мировое потребление первичных топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) составило 620 эксаджоулей, превысив уровень 2000 г. более чем в 1,5 раза¹.

Динамика глобального потребления первичных ТЭР

Наиболее высокими темпами прирастало потребление возобновляемых источников энергии (ВИЭ). В указанный период потребление возобновляемых источников, выраженное в энергетических единицах, увеличилось в 2,9 раза. При этом рекордную динамику потребления возобновляемой энергии продемонстрировали Китай, США, страны Европейского союза – главные потребители ВИЭ.

Бурное развитие возобновляемой энергетики проявилось и в крупномасштабных инвестициях, и в рекордном вводе новых мощностей, и в росте выработки «чистой» энергии. В 2000–2023 гг. глобальные инвестиции в отрасль увеличились более чем в 18 раз, общая установленная мощность – в 5,2 раза, а доля ВИЭ в глобальной выработке электроэнергии возросла с 18,7 до 30%.

Среди ископаемых источников энергии наиболее высокой динамикой в 2000–2023 гг. отличалось потребление природного газа, которое за этот период увеличилось на 167% (см. рис. 1).

Источник: рассчитано и составлено автором по: BP. Statistical Review of World Energy. 2022. 71-st Edition. London. UK. 2022; Energy Institute. Statistical Review of World Energy. 2024. 73-Edition; Our World in Data. GCDL. 2024.

Рис. 1. Динамика потребления ископаемых ТЭР, 2000 г.= 100%

¹ Рассчитано по: Energy Institute. Statistical Review of World Energy. 2024. 73- Edition.

Высокая динамика потребления природного газа привела к увеличению его доли в мировом энергопотреблении с 21,7 до 23,3% (см. табл. 1). Рост абсолютного объема и доли этого высокоэффективного энергоресурса в глобальном потреблении ТЭР стало устойчивой тенденцией в XXI веке. Этот положительный тренд вполне объясним и обусловлен рядом факторов: хорошей и успешно развивающейся ресурсной базой, удобством использования и транспортировки, относительно невысокими капитальными затратами при создании генерирующих мощностей. Капитальные затраты на строительство электростанций на газе почти вдвое меньше по сравнению с угольными станциями аналогичной мощности. Использование природного газа позволяет также рационально решать многие экологические проблемы, обеспечивая увеличение производства энергии с невысоким экологическим риском и меньшими выбросами парниковых газов в атмосферу. Так, интенсивность выделения углерода при использовании природного газа примерно в 1,7 раза меньше по сравнению с углем и в 1,3 раза по сравнению с нефтью². Все эти преимущества сделали природный газ исключительно конкурентоспособным топливом практически во всех секторах энергетического хозяйства многих стран мира.

Таблица 1

**Структура глобального потребления первичной энергии,
по видам источников энергии, %**

Виды источников энергии	2000 г.	2010 г.	2020 г.	2023 г.
Ископаемое топливо	85,6	86,9	82,3	81,5
в том числе:				
– нефть	39,0	33,1	31,0	31,7
– уголь	24,9	29,5	26,8	26,5
– газ	21,7	23,7	24,5	23,3
Возобновляемые источники*	7,8	7,9	13,6	14,5
Ядерное топливо	6,6	5,2	4,3	4,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

* включая ГЭС.

Источник: рассчитано и составлено автором по: BP. Statistical Review of World Energy. 2022. 71-st Edition. London. UK. 2022; Energy Institute. Statistical Review of World Energy. 2024. 73-Edition; Our World in Data. GCDL. 2024.

Что касается угля, то динамика его потребления ненамного уступала темпу роста потребления природного газа. В 2000–2023 гг. она составила 166% (см. рис. 1). Однако в последнее десятилетие темпы

² Внешнеэкономический бюллетень. 2023. № 5. С. 26.

роста углепотребления замедлились, а в ряде стран потребление угля уменьшилось абсолютно; в результате – несмотря на значительный рост объема потребления угля, его доля в мировом энергопотреблении упала с 29,5% в 2010 г. до 26,5% в 2023 г. Особенно отчетливо тенденция к сокращению потребления угля проявилась в Великобритании, странах Северной Европы, странах Балтии, в США и Канаде. О своем намерении свернуть угольного бизнеса заявили Мексика, Новая Зеландия, Ангола и ряд других государств.

Вместе с тем в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), а также Африки потребление угля продолжало нарастать (особенно в Индии, Китае, Индонезии, Бангладеш, Филиппинах, Малайзии, Вьетнаме, Марокко). В 2021–2023 гг. в связи с изменением геополитической ситуации и нарастанием турбулентности на глобальном энергетическом рынке возрос интерес к этому энергетическому сырью и в ряде стран Европы (Болгарии, Германии, Италии, Нидерландах, Турции, Чехии и др.). Правительства более 50 стран приняли меры по усилению государственного вмешательства в энергетический сектор, используя инструменты прямого и опосредованного стимулирования производителей и потребителей угля. Результатом взаимодействия этих разновекторных трендов стало увеличение мирового потребления угля в этот период на 2,2%, обеспеченное, в основном, странами АТР. Так, углепотребление в 2021–2023 гг. в Китае приросло на 5%, Индии – на 14, Вьетнаме – на 11, Индонезии – на 57%. В итоге в 2023 г. удельный вес угля в мировом потреблении первичной энергии увеличился до 26,5% по сравнению с 24,9% в 2000 г. При этом существенно увеличили свою долю в потреблении угля страны АТР за счет снижения углепотребления в странах Европы. Наряду с Китаем, доля которого в мировом потреблении угля составляет 56%, крупными потребителями этого энергоносителя стали Индия, Индонезия, Вьетнам. Одна только Индия сегодня потребляет втрое больше этого энергоносителя, чем все страны Европы вместе взятые. Следует отметить и то, что стремительный рост потребления угля в энергетическом хозяйстве развивающихся стран пока еще в недостаточной мере сопровождается заменой устаревшего оборудования и внедрением передовых технологий сжигания угля, и это не позволяет улучшить показатели эффективности его использования, в том числе снизить удельный объем выбросов CO₂ в расчете на единицу потребляемой первичной энергии.

Глобальное потребление нефти в 2000–2023 гг. также нарастало, хотя скромнее чем потребление газа и угля. Темп роста ее потребления составил 127% (см. рис. 1). В последние годы, однако, мировое потребление нефти и нефтепродуктов снижается. Происходит это главным образом в наиболее развитых постиндустриальных странах и, отчасти, связано с использованием альтернативного автомобильного

топлива, развитием электротранспорта, а также переносом экологически неблагоприятных производств в развивающиеся страны с менее строгими экологическими стандартами. В то же время в развивающихся странах, по мере повышения благосостояния населения, роста его мобильности, развития дорожного транспорта, увеличения грузоперевозок, наблюдается иная тенденция – рост потребления нефти и нефтепродуктов. В 2013–2023 гг. наибольший рост нефтепотребления был характерен для стран Африки (среднегодовой темп прироста 1,2%) и АТР (1,6%), особенно Китая, Индии, Вьетнама, а наиболее заметное снижение потребления нефти наблюдалось в странах ЕС (в среднем на 0,4% ежегодно), которые, однако, остаются крупнейшими после США и Китая потребителями нефти. Тем не менее, несмотря на значительный рост абсолютных объемов потребления нефти, ее доля в мировом энергопотреблении в 2000–2023 гг. упала с 39,0 до 31,7%.

Атомная энергетика занимает важное место в мировом энергетическом хозяйстве, особенно в обеспечении населения и экономики электрической энергией. В последние десятилетия количество вырабатываемой электроэнергии АЭС остается относительно стабильным, при этом ее доля в общей выработке электроэнергии уменьшилась почти вдвое (до 9,1%). С 2000 г. введено в строй 90 новых реакторов, столько же выведено из эксплуатации. В результате количество ядерных реакторов в мире за два с половиной десятилетия практически не изменилось. В 2023 г. насчитывалось 413 действующих атомных реактора в 32 странах мира. Мировыми лидерами по установленной мощности и выработке энергии АЭС являются США, Китай и Франция. Примечательно, что быстрее всех в наращивании мощности в ядерной энергетике шагает Китай: в период 2000–2023 г. из суммарной вновь введенной мощности в этой отрасли на него пришлось 60%.

Таким образом, динамика потребления первичных энергоресурсов в 2000–2023 гг. складывалась в странах и регионах мира по-разному. Результатом взаимодействия разнонаправленных трендов стали изменения не только в объемах, но и в структуре глобального потребления первичной энергии (см. табл. 1).

Данные табл. 1 отражают характерную тенденцию последних десятилетий в структуре глобального энергопотребления – снижение доли ископаемого топлива в пользу возобновляемых источников. Следует, однако, отметить, что эта тенденция, обусловленная общественной необходимостью и усилиями мирового сообщества по адаптации к изменениям глобального климата, разворачивается при одновременном наращивании абсолютных объемов потребления ископаемого углеводородного топлива. Данные табл. 1 показывают, что в настоящее время потребности мировой экономики в первичной энергии на 32% удовлетворяются за счет нефти, 26% – угля, 23% –

природного газа, 15% – возобновляемых источников, 4% – ядерного топлива. Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на позитивные сдвиги в структуре мирового потребления первичных энергоресурсов в пользу возобновляемых источников, львиная доля по-прежнему приходится на углеводородное сырье (свыше 80%). При этом наибольшее количество энергии мировое сообщество получает от использования наиболее углеродоемких энергоресурсов – нефти и угля.

Что касается ядерного топлива, то доля этого углероднейтрального энергоносителя в структуре первичного энергопотребления стран и регионов мира менялась с различной интенсивностью, однако в глобальном энергопотреблении вектор этих изменений отчетливо показывает ее неуклонное уменьшение с 6,6% в 2000 г. до 4,0% в 2023 г.

Энергопотребление и эмиссия двуокиси углерода

Перманентный рост глобального энергопотребления выступает не только ключевым императивом мирохозяйственного развития, но и мощным источником выбросов в атмосферу парниковых газов, в том числе двуокиси углерода (CO_2). По данным Международного энергетического агентства (МЭА) до 85% всех антропогенных выбросов этого газа связано с сжиганием ископаемого топлива.

Объем и динамика выбросов CO_2 , связанных с энергетикой, зависят от множества факторов, среди которых:

- количество потребленного топливо-энергетического ресурса (ТЭР). Наличие тесной, прямой корреляции между объемом энергопотребления и выбросами CO_2 на примере отдельных стран установлено в ряде исследований, выполненных отечественными и зарубежными учеными [5; 7; 9; 11; 12]. То есть, рост (снижение) объема потребления энергоресурсов при прочих равных условиях приводит к увеличению (уменьшению) выбросов углекислого газа;
- выход CO_2 на единицу потребленного энергоресурса (интенсивность выбросов углерода конкретным видом топлива). Выбросы CO_2 при сжигании топлива прямо пропорциональны содержанию в нем углерода. Содержание углерода в топливе является физико-химической характеристикой, присущей каждому конкретному виду топлива. Различные виды топлива имеют неодинаковое содержание углерода в расчете на единицу полезной энергии. Соответственно, и выход CO_2 на единицу потребленного ТЭР, выраженного в энергетических единицах, неодинаковый. Так, для угля этот показатель, рассчитанный в тоннах выбросов углерода на тонну условного топлива примерно в 1,3 раза больше, чем для нефти и в 1,7 больше, чем для природного газа; а для ядерного

- топлива и возобновляемых источников энергии он практически равен нулю. Можно говорить об индивидуальной интенсивности выбросов диоксида углерода (т. е. выход CO_2 на единицу потребления конкретного вида энергоресурса) и о совокупной интенсивности выбросов диоксида углерода (выход CO_2 на единицу полезной энергии от двух или более видов энергоресурсов);
- изменения в структуре энергопотребления. Структурные изменения, сопровождающие рост потребления энергоресурсов, сказываются на объеме выбросов CO_2 . Например, по мере расширения использования низкоуглеродного топлива или безуглеродных источников энергии может быть ослаблена связь между потреблением энергоресурсов и выбросами CO_2 , замедлена динамика и уменьшена валовая эмиссия двуокиси углерода в атмосферу. И, наоборот, повышение в структуре первичного энергопотребления доли энергоресурсов с высокой интенсивностью выбросов CO_2 генерирует тенденцию к увеличению прироста эмиссии этого парникового газа;
 - использование достижений науки и техники. Например, использование инновационных технологий сжигания угля позволяет повысить КПД электростанций на 10–12%, обеспечить более полное сжигание содержащегося в топливе углерода и уменьшить вредные выбросы. Внедрение технологий CCUS (Carbon Capture, Utilization and Storage – улавливания, использования и хранения углерода) на угольных ТЭС и заводах по переработке угля позволяет снизить выбросы CO_2 на этих объектах практически до нуля.

На объем и динамику выбросов CO_2 , связанных с энергетикой, воздействуют также такие факторы как: масштабы и темпы роста экономики, ее секторальная и отраслевая структура, численность населения и уровень его доходов, процессы урбанизации и развитие транспорта, экономическая политика и ее воплощение в энергетической и экологической политике, изменения цен на энергоносители, методы и инструменты глобального менеджмента по формированию условий для устойчивого развития мировой экономики [2; 3; 4; 6]. Эти и другие факторы оказывают различное, преимущественно опосредованное воздействие на выбросы CO_2 от использования углеводородов в энергетических целях. Главными же факторами прямого действия на эмиссию CO_2 от сжигания органического топлива являются масштабы потребления энергоресурсов и интенсивность выбросов углерода по каждому их виду.

В формализованном виде объем выбросов CO_2 (V) от использования в энергетических целях определенного вида ТЭР можно представить как произведение количества потребленного энергоресурса (q) на интенсивность выбросов CO_2 этого ресурса (y):

$$V = q * y$$

Сомножители в правой части уравнения рассматриваются как факторы, определяющие величину объема выбросов, а изменения последнего – как следствие изменений количества потребленных энергоносителей (количественный фактор) и интенсивности выбросов CO_2 по каждому их виду (качественный фактор). Суммарный годовой объем выбросов CO_2 , генерируемый всей совокупностью потребленных ТЭР, обозначим $\sum qy$. Обратимся к табл. 2.

Таблица 2

Первичное энергопотребление, удельная интенсивность выбросов CO_2 , годовая эмиссия CO_2 по видам энергоресурса

Энергоресурс	Первичное энергопотребление (тыс. ТВт·ч)*		Интенсивность выбросов CO_2 (кг CO_2 /кВт·ч)		Выбросы CO_2 (млрд т)	
	2000	2023	2000	2023	2000	2023
	q_0	q_1	y_0	y_1	V_0	V_1
Уголь	27,3	45,6	0,338	0,338	9,22	15,42
Нефть	43,1	54,6	0,239	0,235	10,28	12,83
Газ	24,0	40,1	0,197	0,195	4,72	7,86
Ядерное топливо	7,3	6,8
ВИЭ**	8,7	25,0
Всего	110,4	172,1	24,22	36,11

Примечание: 1ТВт·час = 1 млрд кВт·час

* Потребление первичных ТЭР включает все виды ископаемого топлива, которые используются для производства вторичной энергии (электрической и тепловой), либо затрачиваются в производственных процессах, а также энергию, выработанную ВИЭ; ** не включая традиционное биотопливо; *** интенсивность выбросов CO_2 рассматривается как количество CO_2 , выбрасываемого на единицу потребления первичной энергии (кг CO_2 /кВт·ч).

Источник: рассчитано и составлено автором по: BP. Statistical Review of World Energy. 2022. 71-st Edition. London. UK, 2022; Energy Institute. Statistical Review of World Energy. 2024. 73-Edition; Our World in Data GCDL. 2024.

Как показывают данные табл. 2, в 2000 г. глобальные выбросы CO_2 от энергетики составили 24,22 млрд т, из которых 38% (9,22 Гт) связаны с углем, 42% – с нефтью, 20% – являются результатом сжигания газа. В 2023 г. глобальные выбросы CO_2 от сжигания ископаемого топлива превысили 36 Гт (млрд т), при этом изменился вклад основных загрязнителей. Доля угля в глобальных выбросах CO_2 увеличилась до 43%,

доля нефти – уменьшилась до 36%, а вклад от сжигания газа изменился незначительно. Таким образом, в рассмотренный период (2000–2023 гг.) происходили изменения не только в количестве потребления первичных ТЭР, но менялась структура их потребления и интенсивность выбросов, что также оказывало влияние на динамику эмиссии CO_2 от энергетики.

Рассмотрим, как изменился объем валовой эмиссии CO_2 от использования всей совокупности первичных энергоресурсов в 2023 г. по сравнению с 2000 г. и определим влияние изменений количественного и качественного факторов на динамику и объем выбросов CO_2 . Для расчетов используем индексный метод статистического анализа и данные сводной табл. 2, составленной автором по обзорам и статистическим материалам Международного энергетического агентства (IEA), Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (IRENA), Лаборатории данных по глобальным изменениям (Our World in Data), компании British Petroleum и др.

Влияние изменений количественного фактора определим по формуле:

$$\Delta V_q = \Delta Q \bar{Y}_0, \quad (1)$$

где: ΔV_q – абсолютная величина изменения совокупного объема выбросов CO_2 под воздействием изменения суммарного количества потребленных ТЭР; ΔQ – прирост (снижение) суммарного количества потребленных ТЭР в 2023 г. по сравнению с 2000 г.; \bar{Y}_0 – средняя интенсивность выбросов CO_2 потребленными ТЭР в базисном (2000 г.) г.

По данным табл. 2 рассчитаем \bar{Y}_0 :

$$\begin{aligned} \bar{Y}_0 &= \sum q_0 y_0 : \sum q_0 = 24,22 : 110,4 = \\ &= 0,000219 \text{ т } \text{CO}_2 / \text{кВт}\cdot\text{ч} = 0,219 \text{ кг } \text{CO}_2 / \text{кВт}\cdot\text{ч}. \end{aligned} \quad (2)$$

Подставив полученные данные в формулу (1) и выполнив соответствующие расчеты получим:

$$\Delta V_q = (172,1 - 110,4) * 0,219 = 13,52 \text{ млрд т } \text{CO}_2. \quad (3)$$

Влияние изменений удельной интенсивности выбросов ТЭР (y) на объем совокупных выбросов двуокиси углерода в анализируемом периоде определим с помощью агрегатного индекса интенсивности выбросов (I_y), рассчитанному по правилам Пааше для качественных показателей:

$$I_y = \sum y_1 q_1 : \sum y_0 q_1. \quad (4)$$

Подставив в уравнение (4) данные из табл. 2 и выполнив соответствующие расчеты получим:

$$I_y = 36,11 : 36,23 = 0,997 \text{ или } 99,7\%. \quad (5)$$

Разность между числителем и знаменателем этого индекса даст нам абсолютную величину прироста (или уменьшения) суммарного объема выбросов CO_2 за счет изменения интенсивности выбросов углекислого газа потребленными ТЭР (ΔV_y):

$$\Delta V_y = 36,11 - 36,23 = -0,12 \text{ млрд т } \text{CO}_2. \quad (6)$$

Полученные результаты позволяют заключить, что в мировой экономике в последние два с половиной десятилетия интенсивность выбросов двуокиси углерода в сфере первичного энергопотребления снизилась на 0,3%. Это оказало позитивное влияние на формирование валовой эмиссии диоксида углерода в 2023 г., обеспечив уменьшение суммарной годовой эмиссии CO_2 от энергетики на 0,12 млрд т (120 млн т).

Влияние структурных изменений в потреблении первичных ТЭР на объем эмиссии CO_2 от энергетики определим с помощью индекса структурных сдвигов (I_s). Этот расчетный показатель может быть исчислен путем сопоставления объема выбросов, генерированных в результате потребления совокупного количества ТЭР в структуре их потребления 2023 г. при интенсивности выбросов от разных видов ресурсов на уровне 2000 г. ($\sum q_1 y_0$), с условным объемом выбросов, который был бы генерирован при потреблении суммарного объема ТЭР 2023 г. ($Q_1 = \sum q_1$), но в структуре потребления и интенсивности выбросов базисного (2000 г.) года. При сравнении этих двух величин мы элиминируем влияние изменений фактора масштаба (как такового) потребления первичных ресурсов и фактора изменений интенсивности выбросов. Таким образом, исчисленный показатель будет отражать «чистое» воздействие структурных сдвигов на изменение совокупного объема выбросов CO_2 от использования ТЭР в энергетических целях. В формализованном виде этот расчетный показатель можно записать:

$$I_s = \sum q_1 y_0 : \sum Q_1 s_0 y_0. \quad (7)$$

Выполнив соответствующие расчеты (см. табл. 3) получим: $I_s = 36,23 : 37,80 = 0,958$. Разница между числителем и знаменателем дроби отразит влияние структурных сдвигов в первичном энергопотреблении на формирование суммарного объема эмиссии CO_2 энергетическим сектором: $\Delta V_s = 36,23 - 37,80 = -1,57$ млрд т. То есть, структурные изменения в первичном энергопотреблении, происходившие в 2000–

**Исходные показатели для расчета индекса структурных сдвигов
в первичном энергопотреблении**

Вид источника	Структура первичного энергопотребления, 2000 г., %	Первичное энергопотребление 2023 г. в структуре 2000 г., тыс. ТВт·ч	Удельная интенсивность выбросов CO ₂ , 2000 г.	Выбросы CO ₂ в 2023 г., в структуре потребления ТЭР 2000 г., интенсивности выбросов 2000 г., млрд т
1	2	3	4	5
Уголь	24,9	42,7	0,338	14,43
Нефть	39,0	67,1	0,239	16,02
Газ	21,7	37,3	0,197	7,35
Ядерное топливо	6,6	11,4
ВИЭ	7,8	13,5
Всего	100,0	172,0 *	...	37,80

* отклонение этого суммарного показателя от соответствующего суммарного показателя в табл. 2 объясняется необходимыми округлениями расчетных величин.

Источник: рассчитано и составлено автором по: BP. Statistical Review of World Energy. 2022. 71-st Edition. London. UK.2022; Energy Institute. Statistical Review of World Energy. 2024. 73-Edition; Our World in Data GCDL. 2024.

2023 гг. в мировой энергетике, оказывали сдерживающее влияние на формирование суммарного объема выбросов CO₂. В абсолютном исчислении влияние это было невелико и составило 1, 57 млрд т.

Актуальным направлением декарбонизации мировой энергетике становится внедрение технологий CCUS (Carbon Capture, Utilization and Storage – улавливания, использования и хранения углерода) на угольных ТЭС и заводах по переработке угля в химикаты. Эти инновационные технологии включают улавливание углекислого газа при сжигании топлива стационарными источниками, очистку и транспортировку уловленного газа, использование его для производства полезных продуктов или захоронение в геологических пластах. Технологии CCUS, по мнению авторитетных специалистов, позволяют снизить выбросы CO₂ на предприятиях, работающих на угле, практически до нуля. Однако разработка, установка и обслуживание этих технологий требуют больших затрат. В цементной промышленности, например, инвесторам это обойдется в 200 долл./т CO₂, в энергетическом секторе – до 270–290 долл./т CO₂ [1]. Высокая стоимость строительства и эксплуатации являются главным препятствием для широкого распространения этих технологий.

К 2024 г. в мире CCUS-технологии были установлены на 45 объектах, суммарная мощность улавливания CO₂ этих установок составляла около 50 млн т CO₂ в год. Это вдвое больше уровня 2013 г., однако говорить о существенном вкладе CCUS-технологий в декарбонизацию мировой энергетики пока преждевременно. Нетрудно подсчитать, что даже при полной нагрузке установленные мощности CCUS -технологий могут захватить не более 0,14% годового объема выбросов CO₂ от сжигания ископаемого топлива (ΔV_c).

Более 80% установленной мощности CCUS-технологий сосредоточены всего в пяти странах, в том числе: 40,9% в США; 19,3 – Бразилии; по 7,3% в Канаде и Австралии; 6,4% в Китае. Примечательно, что наибольший вклад в декарбонизацию энергетики эти технологии вносят в Бразилии, обеспечивая улавливание и нейтрализацию 2,35% суммарных выбросов CO₂ от сжигания ископаемого топлива. В США доля уловленного этими инновационными технологиями углекислого газа от сжигания ископаемого топлива в 2023 г. составила 0,48% суммарного объема выбросов CO₂ связанного с энергетикой, в Китае – 0,03%, а в странах ЕС (вместе взятых) – всего 0,028%³.

Резюмируя, можно отметить, что объем эмиссии двуокиси углерода от энергетической деятельности формируется под влиянием различных факторов. Среди факторов прямого воздействия на динамику и объем эмиссии доминантой выступает количество потребления первичной энергии. Сдерживающее влияние на выбросы оказывают изменения в структуре потребляемых ТЭР (проявлением которых является опережающий рост и увеличение доли низкоуглеродных и безуглеродных энергоносителей в мировом потреблении первичной энергии), а также снижение интенсивности выбросов потребляемых ТЭР. Свой вклад в уменьшение эмиссии диоксида углерода от энергетики вносят технологии CCUS. Однако сдерживающее влияние структурного фактора, фактора интенсивности и технологий CCUS на формирование выбросов CO₂ в глобальной энергетике недостаточно велико. Совокупное позитивное влияние изменений этих факторов (при неизменности прочих) сдержало гипотетический прирост выбросов CO₂, обусловленный ростом потребления первичных ТЭР (13,52 млрд т) на 1,70 млрд т ($\Delta V_s + \Delta V_y + \Delta V_c$) или на 13%.

³ Рассчитано автором по: Energy Institute. Statistical Review of World Energy. 2024. 73-Edition; Our World in Data. GCDL. 2024.

Перспективы декарбонизации мировой энергетики

В настоящее время нет недостатка в прогнозах развития мировой энергетики в XXI в. Международными организациями, коллективами ведущих ученых и экспертов разных стран разработано и обнародовано около сотни прогнозных сценариев трансформации мировой энергетики с учетом глобальной климатической повестки и согласованных странами мира мер по ее реализации.

В октябре 2024 г. Международное энергетическое агентство опубликовало новый обзор мировой энергетики, в котором представлены три сценария развития отрасли⁴. В первом из предложенных сценариев, получившем название сценария заявленных политик (Stated Policies Scenario – STEPS), дана развернутая картина развития энергетического сектора на основе анализа современного состояния мирового энергетического рынка, программ по развитию энергетики и мер, принимаемых в странах мира для реализации сформулированных в этих документах целей и задач.

Второй, так называемый сценарий объявленных обязательств (Announced Pledges Scenario – APS), построен на основе прогнозов развития отрасли с учетом намерений и обязательств стран по трансформации энергетического сектора и исходя из того, что все обязательства будут выполнены в полном объеме и в установленные сроки. Третий вариант прогноза – сценарий нулевых выбросов (Net Zero Emissions – NZE), разработан с учетом мер и затрат, необходимых, по мнению составителей прогноза, для сдерживания повышения температуры на планете в рамках 1,5°C.

По сценарию STEPS рост мирового потребления первичной энергии к 2050 г. составит 112,4%, согласно сценарию APS к 2050 г. объем глобального потребления первичной энергии существенно не изменится, по сценарию NZE в 2050 г. совокупное потребление первичной энергии составит 0,879 от уровня 2023 г. (то есть уменьшится на 12,1%).

Во всех трех сценариях предполагается сохранение опережающего роста потребления ВИЭ. В результате доля ВИЭ в первичном энергопотреблении возрастет до 33–71%, в зависимости от сценария. Доля ядерного топлива в глобальном потреблении первичных ТЭР, согласно прогнозам, составит от 7% (в сценарии STEPS) до 14% (по сценарию NZE). Удельный вес ископаемых углеводородов в структуре первичного энергопотребления уменьшится с нынешних 80 до 58% в сценарии STEPS, а в сценарии NZE до 15% (см. табл. 4). Выбросы CO₂ от мировой энергетики, по расчетам составителей прогнозов МЭА,

⁴ World Energy Outlook 2024. IEA. 2024.

**Прогнозные варианты структуры потребления первичной энергии
на 2050 г., разработанные МЭА и компанией BP, %**

Вид энергоресурса	Международное энергетическое агентство			Компания BP	
	STEPS	APS	NZE	Current Trajectory	NZE
ВИЭ	33	53	71	30	63
Ядерное топливо	7	11	14	2	5
Газ	21	14	5	27	15
Нефть	24	16	7	23	12
Уголь	13	6	3	17	5
Прочие	2	0	0	1	0
Всего	100	100	100	100	100

Источник: составлено автором по: World Energy Outlook. 2024. IEA. 2024; BP Energy Outlook. 2024.

к 2030 г. уменьшатся в зависимости от сценария на 6–12 мегатонн по сравнению с 2023 г., и к 2050 г. могут быть сведены на нет.

В 2024 г. компания British Petroleum представила обновленный вариант прогноза развития мировой энергетики до 2050 г., включающий два сценария: Current Trajectory и NZE⁵. Развитие по первому сценарию предполагает прирост потребления первичной энергии к 2050 г. на 6 %, развитие мировой энергетики по второму сценарию позволит снизить потребление энергоресурсов на 28% по сравнению с сегодняшним уровнем. Структура потребления ТЭР к 2050 г. в зависимости от сценария будет иметь существенные различия. Согласно первому сценарию, сложится следующая структура потребления первичных энергоресурсов: ВИЭ – 30%, ядерное топливо – 2, нефть – 23, газ – 27, уголь – 17%. Развитие по сценарию NZE приведет к формированию структуры первичного энергопотребления, где доля углеводородов будет вдвое меньше, а ВИЭ – вдвое больше: ВИЭ – 63%, ядерное топливо – 5, нефть – 12, газ – 15, уголь – 5% (см. табл. 4). По расчетам составителей прогноза, реализация сценария Current Trajectory позволит сократить выбросы CO₂ к 2050 г. не более чем на 25%; тогда как реализация сценария NZE даст возможность сократить выбросы CO₂ от энергетики на 95%.

⁵ BP Energy Outlook.2024.

В трех прогнозных сценариях, представленных в 2024 г. учеными Института энергетических исследований РАН, об отказе использования ископаемого топлива и речи не идет. В ближайшие десятилетия ископаемые энергоресурсы, по мнению ученых, останутся одними из наиболее экономически доступных источников энергоснабжения. Доля ископаемых углеводородных ТЭР (нефти, угля и газа) в структуре мирового энергопотребления к 2050 г. определена в пределах 65–73%, а доля ВИЭ и ядерного топлива составит, по расчетам ученых, 35–27% в зависимости от варианта развития [6].

В обнародованных прогнозах даются различные оценки темпов трансформации мировой энергетики и адаптации ее к изменениям глобального климата. Значительный разброс показателей наблюдается и в оценке структурных сдвигов в потреблении первичных энергоресурсов. В то же время представления основных направлений и ключевых тенденций формирования низкоуглеродной энергетики в большинстве опубликованных прогнозов схожие:

- темпы потребления углеводородных ТЭР будут неуклонно снижаться. В результате к 2050 г. их доля в глобальной структуре первичного энергопотребления существенно уменьшится (по нефти и газу вдвое, по углю более чем втрое);
- тенденция опережающего роста возобновляемой энергетики в мировом энергетическом хозяйстве сохранится. Соответственно, удельный вес ВИЭ в мировом энергобалансе будет увеличиваться;
- суммарная установленная мощность возобновляемой энергетики в мире возрастет втрое;
- рост генерирующего потенциала в отрасли будет опираться на инвестиции частного бизнеса, поддержанные государственными субсидиями, налоговыми льготами и преференциями;
- выполнение намеченных ориентиров по трансформации структуры энергопотребления потребует масштабных инвестиций. По оценкам экспертов Международного агентства по возобновляемым источникам энергии, для решения задач, позволяющих ограничить рост температуры на планете на уровне 1,5° С, потребуется инвестировать в 2024–2030 гг. в глобальный энергетический сектор 47 трлн долл., в том числе на ВИЭ-генерацию 10,7 трлн долл.⁶ Это значит, что ежегодный приток инвестиций в глобальный энергетический сектор должен возрасти вдвое, а в сектор ВИЭ – в 2,5 раза;
- составители прогнозов единодушны и в том, что высокие затраты капитала на освоение ВИЭ сдерживают инвестиционные проекты по развитию соответствующей инфраструктуры во многих разви-

⁶ World Energy Transition Outlook 2024. IRENA. 2024.

вающихся государствах, которым необходимо оказать значительную финансовую и технологическую помощь.

При схожести в оценках разработчиками прогнозов основных направлений развития мировой энергетики на грядущие десятилетия, можно отметить и некоторые нюансы в видении общей картины ее будущей структуры.

В сценариях, разработанных зарубежными специалистами, как правило, дается более оптимистичная картина замещения углеводородов возобновляемыми источниками. В результате в структуре первичного энергопотребления к 2050 г. роль ВИЭ в мировой энергетике представляется более значительной, а доля нефтегазовых ресурсов и угля более скромной, чем в прогнозах российских исследователей. Согласно прогнозным сценариям МЭА, например, доля ВИЭ в структуре мирового потребления первичных энергоресурсов к 2050 г. составит от 31 до 73%. Такое прогнозное видение места ВИЭ в структуре мирового потребления первичных энергоресурсов вызывает определенные сомнения. Они возникают не только потому, что разброс значений в оценке ключевого структурного показателя свидетельствует о неопределенности прогноза, который в данной части скорее можно рассматривать как научное обрамление собственных пожеланий разработчиков. И не только потому, что замещение традиционных источников энергии возобновляемыми во многих странах наталкивается на целый ряд технических, административных, экономических барьеров. Но и потому, что отнюдь не все звенья производственной цепочки «зеленой» энергетики являются дружелюбными к окружающей среде [2; 3; 10].

Трудно также безоговорочно согласиться с незначительной ролью атомной энергетики в прогнозах западных экспертов. Действительно, сегодня атомная энергетика не считается главным инструментом адаптации к климатическим изменениям, однако она остается важным компонентом энергетической политики многих стран мира на пути к низкоуглеродной инновационной энергетике. И хотя немало стран по-прежнему придерживаются курса на отказ от ядерной энергетики, ссылаясь на масштабные капиталовложения, необходимые для строительства АЭС, длительные сроки окупаемости затрат, высокие технологические риски, возросшие угрозы террористических актов, проблемы хранения отработанного топлива и демонтажа отслуживших свой срок АЭС и др., тем не менее отношение к АЭС меняется.

В последние годы ряд стран (в том числе США, Канада, Великобритания, Франция, Нидерланды, Польша, Китай, Индия) инициировали новые меры по организационной и финансовой поддержке ядерной энергетики, некоторые из них начали осуществлять программы развития ядерной энергетики. Так, президент Франции Э. Макрон

в феврале 2022 г. объявил о планах строительства с 2028 г. шести новых больших реакторов (с финансированием 50 млрд евро) и возможном увеличении этого количества до восьми реакторов к 2050 г. В Польше, согласно вновь разработанной программе развития атомной энергетики страны на 2020–2033 гг., предполагается строительство и ввод в эксплуатацию атомных электростанций мощностью от 6 до 9 ГВт⁷.

Что касается угля, то он остается основой энергетики многих развивающихся стран, прежде всего государств АТР и Африки. Благодаря этому энергетическому сырью многие крупные страны мира (Китай, Индия, Индонезия, Вьетнам, Бангладеш, Филиппины и др.) обеспечивают свою независимость от конъюнктурных колебаний мирового рынка, решают насущные проблемы занятости, образования, здравоохранения, продовольственной безопасности и другие задачи по формированию предпосылок для устойчивого развития. Мировые залежи угля намного превышают запасы нефти и газа, и в этом смысле потенциал рынка угля не уступает мировому рынку нефти и газа в качестве ресурса рациональной диверсификации глобального потребления первичных ТЭР. Важно заметить и то, что в энергетической политике не только развивающихся государств, но и многих постиндустриальных стран соображения безопасности приобретают все больший удельный вес [8], и, как показала 29 конференция ООН по климату (ноябрь 2024 г., Баку), берут верх над обязательствами по адаптации к изменениям глобального климата. В связи с этим представляется, что перспективы развития мирового рынка угля во многом будут зависеть от политических решений в отношении потребления этого энергоресурса в КНР и Индии, на которые приходится 70% мирового потребления угля.

Контуры будущего нефтегазового сектора в сценариях западных и российских аналитиков также представляются различными. Например, пик потребления нефти в сценариях российских исследователей прогнозируется не ранее 2035 г. или даже 2050 г. Сценарии западных экспертов на этот счет менее оптимистичные. Так, прогнозные оценки МЭА предполагают пик потребления нефти в самые ближайшие годы. Послепиковое снижение потребления нефти связывают с модернизацией транспорта (распространением электротранспорта), совершенствованием отраслевой и секторальной структуры в развивающихся странах по мере формирования постиндустриального общества.

Действительно, в некоторых развитых странах с постиндустриальной структурой экономики в последние годы наблюдается уменьшение нефтепотребления. Однако эти страны неизменно остаются крупнейшими потребителями нефти в расчете на душу населения. Показа-

⁷ Monitor Polski. 2.10. 2020.

тельно, что в наиболее развитых странах процесс воспроизводства совокупного капитала основан на крупномасштабном потреблении такого первичного энергоресурса как нефть. Так, инновационная экономика США и благосостояние американских граждан основывается, в частности, на максимальных объемах потребления нефти – свыше 21 барреля в год в расчете на одного жителя. Аналогичная картина в Канаде, где ежегодное потребление нефти составляет 25 баррелей в расчете на жителя. В странах ЕС-27 ежегодное потребление нефти составляет 10–20 баррелей в расчете на каждого жителя. Примечательно, что в одной из самых инновационных экономик мира – Сингапуре, потребление нефти превышает 88 баррелей в год в расчете на душу населения. Это в 50 больше чем во Вьетнаме, в 75 раз больше чем в Индии, в 150 раз больше чем в Узбекистане или Зимбабве. Таким образом, мировой опыт показывает, что переход к постиндустриальному обществу существенно не умаляет роль нефти в первичном энергопотреблении. Если при этом учесть, что доля электромобилей в «мировом автопарке» весьма невелика (2,1%), то утверждения о пике нефтепотребления в ближайшие годы представляются несколько опрометчивыми.

В настоящее время почти $\frac{3}{4}$ стран мира являются чистыми импортерами энергетического сырья. Так, страны ЕС испытывают дефицит нефти и газа с 80-х годов XX в. И сегодня они покрывают свои потребности в нефти за счет собственной добычи лишь на 23%, в газе на 44%. Многие десятилетия чистым импортером ископаемого топлива являются страны Азиатско-Тихоокеанского региона, покрывая за счет импорта свои потребности в нефти на 80%, в газе – на 25%. Успешное функционирование крупнейших экономик этого региона во многом зависит от поставок продукции нефтегазового сектора из-за рубежа. И зависимость эта неуклонно растет. Так, для Китая коэффициент зависимости от нефти, определяемый как отношение чистого импорта к объему потребляемой нефти, в 2000 г. составлял менее 30%, в 2007 г. он увеличился до 50%, а в 2023 г. Китай импортировал 75% потребляемой нефти. Зависимость индийской экономики от импорта нефти еще больше (коэффициент зависимости превышает 90%)⁸.

Отмеченную тенденцию роста импорта в потреблении можно наблюдать и в отношении других товарных групп, однако есть принципиальная разница. Если та или иная страна является нетто-импортером каких-то средств производства или предметов потребления, то существует шанс, что со временем она может стать производителем этих товаров или их заменителей. В случае же с первичными источниками энергии такого шанса большинство стран не имеет. В сло-

⁸ Внешнеэкономический бюллетень. 2003. № 5. С. 28; Energy Institute. Statistical Review of World Energy. 2024. 73 – Edition.

жившейся глобальной энергетической системе (с доминированием ископаемого топлива) эта проблема решается путем международной торговли энергетическим сырьем. В глобальной энергетической системе, базирующейся на ВИЭ, отсутствие в стране потенциала для развития ВЭИ (энергии ветра, солнечного излучения, больших земельных площадей для солнечных или ветровых электростанций и др.) является более сложной проблемой, чем отсутствие ископаемых энергоресурсов.

Развитие мирового энергетического хозяйства в контексте глобальной климатической повестки, наращивание доли ВИЭ в условиях «свертывания» традиционной энергетики и маргинализации АЭС генерирует новые вызовы, связанные, в том числе, с усилением зависимости от ВИЭ-технологий и редкоземельных металлов (РЗМ), уникальные свойства которых делают их незаменимыми в производстве оборудования и комплектующих для ветроэнергетики, солнечной энергетики, атомной энергетики, аккумуляторов для электромобилей, электросберегающих ламп, жидкокристаллических дисплеев телевизоров, ноутбуков и целого ряда других высокотехнологичных продуктов. Примечательно, что добыча руд и производство РЗМ концентрированы в большей степени, чем традиционные энергоресурсы (нефть, газ, уголь). Так, в 10 странах-крупнейших производителях нефти концентрировано 67% производства этого энергоресурса, топ-10 стран – производителей природного газа концентрируют 72% его добычи. Тогда как 80% мировой добычи редкоземельных металлов сконцентрировано всего в двух странах – Китае (68%) и США (12%).

В связи с этим можно констатировать, что ускоренное развитие «зеленой» энергетики, замещение ископаемого топлива возобновляемыми источниками энергии оказывает позитивное (пока незначительное) влияние на выбросы CO₂, сдерживая их валовой объем; содействует росту «домашнего» энергопроизводства; дает возможность уменьшить зависимость от импорта ископаемых энергоресурсов. Вместе с тем, углубление и нарастание этой тенденции сужает возможности диверсификации энергопотребления и географической структуры импорта энергоносителей, содействует ослаблению энергобезопасности для многих стран, усиливает их зависимость от «зеленых» технологий генерации и высококонцентрированных рынков соответствующих компонентов и сырья.

Заключение

Глобальное потребление первичной энергии демонстрирует долговременную положительную динамику, формируя условия для поступательного развития мировой экономики и роста благососто-

яния населения, выступая при этом мощным источником выбросов в атмосферу диоксида углерода, концентрация которого ведет к нежелательным изменениям глобального климата и снижению качества жизни людей, несмотря на рост благосостояния.

Ключевым направлением разрешения противоречий между позитивными и негативными эффектами роста глобального энергопотребления стала трансформация энергетического сектора, осуществляемая за счет перехода к широкому использованию ВИЭ и замещению традиционных ТЭР безуглеродными энергоносителями.

Поддержка государства и щедрые инвестиции бизнеса обеспечили в истекшую четверть века ускоренное развитие возобновляемой энергетики и структурные сдвиги в глобальном энергопотреблении в пользу ВИЭ. Снизилась интенсивность выбросов от использования ТЭР в энергетических целях.

Структурные сдвиги в энергопотреблении и сокращение выбросов двуоксида углерода на единицу потребляемой энергии (удельной интенсивности выбросов) оказывают позитивное влияние на переход к экологически дружелюбной мировой энергетике, сдерживая динамику эмиссии двуоксида углерода от использования ТЭР в энергетических целях. Свой вклад в уменьшение эмиссии углерода от энергетики вносят технологии CCUS.

Однако общее позитивное влияние структурного фактора, CCUS-технологий и фактора интенсивности выбросов на формирование объема выбросов CO₂ недостаточно велико, чтобы существенно снизить эмиссию этого газа, генерируемого мировой энергетикой.

Несмотря на определенный прогресс в направлении к декарбонизации, мировая энергетика по-прежнему имеет структуру потребления ТЭР, не отвечающую требованиям устойчивого развития, о чем свидетельствует продолжающийся рост выбросов CO₂ от энергетики.

Ситуация осложняется глобальной тенденцией перераспределения потребления первичной энергии между регионами мира в пользу развивающихся стран. Если в 1950 г. на развивающиеся страны приходилось всего 6% мирового потребления первичной энергии, в 2000 г. – 34%, то сегодня – более 50%.⁹ При этом в развивающихся странах, которые в предстоящие десятилетия в основном и будут обеспечивать мировой экономический рост, структура энергопотребления еще долго будет оставаться наименее эффективной и неблагоприятной с экологической точки зрения. При всей важности проблема изменения глобального климата не является для большинства развивающихся стран главной и решается в этих государствах последовательно наряду с комплексом других не менее насущных

⁹ Там же. С. 26.

социально-экономических проблем: продовольственной, здравоохранения, образования, энергетической безопасности и др. Возобновляемые источники не могут в полной мере обеспечить растущие энергетические потребности стран для решения этих проблем. Без использования ископаемых энергоресурсов здесь не обойтись. В этих условиях трансформация глобального энергетического сектора в направлении декарбонизации требует более полного использования достижений науки и техники, в том числе в традиционной энергетике, расширения качественного многоуровневого сотрудничества между странами, повышения значимости взаимных консультаций и договоренностей в области энергетики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ветрова М.А.* CCUS – технологии: потенциал и ограничения формирования сектора улавливания, хранения и использования CO₂ в РФ // *Инновации*. 2022. № 5. С. 16–25. DOI: 10.26310/2071-3010.2022.284.5.003.
2. *Иктисанов В., Шкруднев Ф.* Декарбонизация: взгляд со стороны // *Энергетическая политика*. 2021. № 8. С. 42–52.
3. *Клавдиенко В.П.* Возобновляемая энергетика Китая: тенденции, новации, перспективы // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. № 4. 2023. С. 134–156. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_4_134_156. EDN: MSKMFO.
4. *Коданева С.И.* Энергетический переход: мировые тренды и их последствия для России // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2022. Т. 15. № 1. С. 167–185. DOI: 10.23932/2542-0240-2022-15-1-8.
5. *Колб О. Д., Ван Цян.* Энергопотребление в Китае: динамика, основные драйверы и последствия // *Белорусский экономический журнал*. 2023. № 4. С. 44–60. DOI: 10.46782/1818-4510-2023-4-44-60.
6. *Кулагин В.А., Грушевенко Д.А., Галкина А.А.* Прогноз развития энергетики мира и России до 2050 г. // *Современная мировая экономика*. Т. 2. 2024. № 1 (5). С. 6–22. DOI: 10.17323/2949-5776-2024-2-1-6-22.
7. *Маркелов К.А., Зволинский В.П., Половых С.О.* Взаимодействие энергетики и экономики в условиях глобализации // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2014. № 3. С. 145–155.
8. *Kim J., Pantan A. J., Schwerhoff G.* Energy Security and the Green Transition // *IMF*. Jan. 2024. P. 34.
9. *Rauf A., Zhang J., Li J., Amin W.* Structural Changes, Energy Consumption and Carbon Emission in China // *Structural change and Economic Dynamics*. Vol. 47. December 2018. Pp. 194–206. DOI: 10.1016/j.strueco.2018.08.010.
10. *Sobolewski A., Czaplicki A.* CO₂ emission – civilization’s progress or investment inhibiting factor // *Chemik*. 2013. Vol. 67. No. 5. Pp. 387–398.
11. *Tol R.* The economic effects of climate change // *Journal of economic perspectives*. 2009. Vol. 23. No. 2. Pp. 29–51. DOI: 10.1257/jep. 23.2.29.
12. *Zhang X., Cheng X.-M.* Energy Consumption, Carbon Emissions and Economic Growth in China // *Ecological Economics*. 2009. Vol. 68. Iss. 10. Pp. 2706–2712. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2009.05.011.

REFERENCES

1. *Vetrova M.A.* CCUS-technologies: potential and Limitations of the Formation of the CO₂ Captures, Storage and Use Sector in the Russian Federation // *Innovation*. 2022. No. 5. Pp. 16–25. DOI: 10.26310/2071-3010.2022.284.5.003. (In Russ.).
2. *Iktisanov V., Shkrudnev F.* Decarbonization: outside view // *Energy Policy*. 2021. No. 8. Pp. 42–52. (In Russ.).
3. *Klavdienko V.P.* Renewable energy in China: Trends, Innovations, Prospects // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2023. No. 4. Pp. 134–156. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_4_134_156; EDN: MSKMFO. (In Russ.).
4. *Kodaneva S.* Global Trends in the Transition to a Carbon-free Economy // *Outlines of Global Transformations: politics, economics, law*. 2022. Vol. 15. No. 1. Pp. 167–185. DOI: 10.23932/2542-0240-2022-15-1-8. (In Russ.).
5. *Kolb O., Wang Qiang.* 2023. Energy Consumption in China: Dynamics, Main Drivers and Consequences // *Belarusian Economic Journal*. 2023. 4. Pp. 44–60. DOI: 10.46782/1818-4510-2023-4-44-60. (In Russ.).
6. *Kulagin V., Grushevenko D., Galkina A.* (2024), Global and Russian Energy Outlook up to 2050 // *Contemporary world economy*. Vol. 2. No. 1. Pp. 6–22. DOI: 10.17323/2949-5776-2024-2-1-6-22. (In Russ.).
7. *Markelov K., Zvolinskij V. Polovykh S.* International Energy and Economy in the Context of the Globalization // *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. Iss. 2014. No. 3. Pp. 145–155. (In Russ.).
8. *Kim J., Panton A. J., Schwerhoff G.* Energy Security and the Green Transition // *IMF*. Jan. 2024. P. 34.
9. *Rauf A., Zhang J., Li J., Amin W.* Structural Changes, Energy Consumption and Carbon Emission in China // *Structural change and Economic Dynamics*. 2018. December. Vol. 47. Pp. 194–206. DOI: 10.1016/j.strueco.2018.08.010.
10. *Sobolewski A., Czaplinski A.* CO₂ emission- civilization`s progress or investment inhibiting factor // *Chemik*. 2013. Vol. 67. No. 5. Pp. 387–398.
11. *Tol R.* The economic effects of climate change // *Journal of economic perspectives*. 2009. Vol. 23. No. 2. Pp. 29–51. DOI: 10.1257/jep.23.2.29.
12. *Zhang X., Cheng X.-M.* Energy Consumption, Carbon Emissions and Economic Growth in China // *Ecological Economics*. 2009. Vol. 68. Iss. 10. Pp. 2706–2712. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2009.05.011.

Дата поступления рукописи: 09.01.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Клавдиенко Виктор Петрович – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-5929-2755

viklav8@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Viktor P. Klavdienko – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-5929-2755

viklav8@mail.ru

STRUCTURAL CHANGES IN PRIMARY ENERGY CONSUMPTION
AS A FACTOR IN DECARBONIZATION OF THE GLOBAL ENERGY

The analysis of the scale and dynamics of consumption of various types of primary energy sources in the global economy over a long-term period is carried out. The volumes and dynamics of carbon dioxide emissions generated as a result of consumption of various types of primary energy sources are studied. The influence of changes in the scale of consumption of various types of resources, their specific carbon intensity, as well as structural shifts in the global economic consumption of primary energy resources on the volume of carbon dioxide emissions into the atmosphere is considered and quantified. The prospects for the transformation of the global structure of primary energy consumption are presented in the context of the global climate agenda and forecast scenarios for the development of global energy.

Keywords: *energy consumption, structural changes, decarbonization, global economy, sustainable development.*

JEL: F01, F63, Q48, Q52.

ФИНАНСЫ

А.А. ЛОКТИОНОВА

сотрудник кафедры «Финансы и кредит» экономического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

А.Г. МИРЗОЯН

сотрудник кафедры «Экономика инноваций»
экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ НОВОСТЕЙ НА СТОИМОСТЬ АКЦИЙ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

В работе исследуется связь политических новостей и цен акций российских компаний в период с 1 сентября 2021 г. по 31 августа 2023 г. Анализ охватывает 200 компаний с учетом отраслей их деятельности и регионов расположения штаб-квартир. Новостные тексты были получены из 50 Telegram-каналов, на основе которых было выделено 20 словарей политических тематик с использованием модели латентного размещения Дирихле. В ходе работы были проверены гипотезы о влиянии новостей на доходность акций в отраслевом и региональном разрезе. Было установлено, что учет политических новостей улучшает прогноз доходностей акций 117 компаний, при этом влияние новостей одинаково для компаний из разных отраслей и регионов. Полученные результаты позволяют выделить тематики политических новостей, оказавших наибольшее влияние на отечественные компании.

Ключевые слова: *политические новости, текстовый анализ, российский фондовый рынок, прогнозирование доходностей акций, отраслевой анализ, региональный анализ.*

УДК: 336.02, 338.2

EDN: RHVODJ

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_1_152_166

Введение

За последние годы Россия столкнулась с серьезными испытаниями, вызванными как внутренними, так и внешними факторами. Важные политические изменения, включая начало проведения специальной военной операции (СВО) и последующее введение санкций западными странами, привели к трансформации отечественной экономики [1] и отразились на российском фондовом рынке. Так, например,

24 февраля 2022 г. к закрытию торгов наблюдалось сокращение объема рынка практически вдвое: рублевый индекс Московской Биржи упал на 45%, а долларový индекс РТС сократился более чем на 50%¹. Это связано с тем, что инвесторы восприимчивы к новостному фону и корректируют стратегии из-за политических событий: проводимой государством политики, участия во внешних конфликтах и введения санкций [2; 3].

В работе мы рассмотрим вопрос о том, как и какие именно политические новости оказывали влияние на акции российских компаний в период растущей геополитической нестабильности в течение 2021–2023 гг. В ходе исследования проверяются гипотезы о наличии влияния политических новостей на доходности акций компаний в региональном и отраслевом разрезах. В качестве метода текстового анализа используется модель латентного размещения Дирихле, для проверки гипотез – модели временных рядов.

Научная новизна работы заключается в выделении тематических политических словарей внутри общего новостного фона и в определении тех словарей, которые влияют на доходности акций российских компаний в период кризиса. В ходе исследования было оценено влияние политических словарей на доходности акций и определено время реакции инвесторов на публикацию новостей, а также выявлены различия во влиянии политических тематик на доходности акций в отраслевом и региональном разрезах.

Работа состоит из шести разделов. В первом разделе приведен обзор литературы по изучаемой проблематике. Второй раздел посвящен формулировке гипотез. В третьем разделе приводится описание данных, используемых в анализе. Четвертый раздел посвящен описанию методологии, применяемой в исследовании. Пятый раздел содержит результаты моделирования. Шестой раздел представляет собой обсуждение полученных результатов и выводы, сформулированные на основе проведенного анализа.

1. Обзор литературы

Инвесторы изменяют свои ожидания, учитывая не только финансовые показатели компаний, но и нефинансовую информацию [4], в том числе и новостные данные [5]. В условиях растущей асимметрии информации инвесторы могут действовать нерационально и остро реагировать («overreact») на новости [6], поэтому для получения более

¹ Фондовый рынок России упал почти на 50% // Российская газета. <https://rg.ru/2022/02/24/fondovyyj-rynok-rossii-upal-pochti-na-50-procentov.html> (дата обращения: 30.09.2023).

точных прогнозов динамики акций необходимо учитывать и события, описанные в новостях [7].

Отдельное внимание исследователи уделяют влиянию новостей на конкретные отрасли. Так, например, новостной фон связан с доходностью акций компаний из сферы фармацевтики [8], нефти и газа [9] и автомобильной отрасли [10]. Более того, одни и те же события, описанные в новостях, могут оказывать разнонаправленное влияние на доходности акций компаний из разных отраслей. Новости об эпидемии COVID-19 положительно повлияли на стоимость активов финансовых компаний и автомобильных производителей в Индии в течение 10 дней после публикации, в то время как на компании из отрасли химии, электроэнергетики и FMCG-ритейла – отрицательно [11].

Изучение влияния новостей политической тематики на фондовый рынок представляет особый интерес. Исследователи, рассматривающие влияние политических событий на стоимость акций, в основном обращаются к методу event-study [12; 13]. Данный метод подразумевает анализ влияния конкретных политических событий (например, выборов или переворотов) на стоимость активов при использовании высокочастотных данных на ограниченном периоде времени. Например, рынок акций Сантьяго упал на 49% за день в результате победы социалиста Альенде на выборах и вырос на 80% за день в результате переворота и прихода к власти Пиночета [13].

Однако на доходность акций влияют не только неожиданные политические изменения, но и уровень политической неопределенности, который главным образом связан с проводимой государством политикой. При этом на него влияют как уже совершенные властями действия, так и будущие решения, которые ожидаются инвесторами [14]. В качестве одного из способов измерения уровня политической неопределенности можно выделить индекс EPU, изложенный в [3]. Для его расчета авторы учитывают информацию в крупных новостных изданиях: чем выше доля слов «дефицит», «инфляция», «Конгресс» и других в публикуемых новостях, тем выше уровень политической неопределенности [3]. Индекс применим для разных стран, включая США, Россию и страны G10, и связан со стоимостью акций: рост политической неопределенности приводит к снижению стоимости активов [3]. Недостатком данного подхода является ограниченный список тем и слов, которые учитываются при расчете индекса. Такие важные политические изменения, как введение санкций против страны, не входят в расчет исходного индекса политической неопределенности [3], однако влияют на доходность фондового индекса [15]. В связи с тем, что уровень политической неопределенности связан с уровнем развития страны [16], для развивающихся стран важно оценивать политический риск в конкретном регионе. Шанаев и Гимире [17] учитывают

региональный индекс политической неопределенности, рассчитанный на основе новостей о регионе, где находится штаб-квартира компании, что помогает объяснить отличия в премиях за риск компаний российского фондового рынка из разных регионов.

В связи с тем, что мы хотим определить политические тематики, которые могут быть связаны с доходностью акций российских компаний, и выделить их внутри общего новостного фона, оба эти подхода (событийный анализ и расчет индекса политической неопределенности) не являются применимыми в данном исследовании. Для определения тематик внутри общего корпуса текстовых данных мы обращаемся к модели латентного размещения Дирихле (Latent Dirichlet Allocation, LDA) [18]. Применение данного метода позволяет выделить в корпусе новостей набор словарей, отражающих отдельные темы. Каждый словарь состоит из списка слов, каждому из которых присвоен вес, отражающий важность слова для данной темы. Для каждого выделенного словаря вводится отдельная переменная, характеризующая частоту представленности слов из соответствующего словаря в рассматриваемой новости. Чем выше значение данной переменной, тем выше представленность выделенной темы в новости.

2. Гипотезы

Гипотеза 1. Использование информации о политических новостях позволяет улучшить качество прогнозирования дневных доходностей акций российских компаний.

Модели, построенные на основе новостных данных, позволяют получать прогнозы доходностей акций российского фондового рынка [19]. Мы предполагаем, что средний скорректированный коэффициент детерминации оказывается выше у моделей, учитывающих прошлые доходности акций и новостные данные, чем у моделей, построенных с использованием только прошлых доходностей. Если это верно больше чем для половины компаний, мы принимаем данную гипотезу.

Гипотеза 2. Доля компаний, чьи акции подвержены влиянию политических новостей, неодинакова в различных отраслях.

Одни и те же события, описанные в новостях, могут оказывать разное влияние на доходности акций компаний из разных отраслей [11]. В работе анализируются компании из 11 отраслей. Для каждой отрасли определяется доля компаний, для которых модели, включающие данные о прошлых доходностях акций и политические новости, демонстрируют более высокий средний скорректированный коэффициент детерминации на кросс-валидации, чем модели, основанные только на прошлых доходностях. Мы предполагаем, что эти доли различаются между отраслями.

Гипотеза 3. Доля компаний, чьи акции подвержены влиянию политических новостей, неодинакова для компаний со штаб-квартирами в г. Москве и со штаб-квартирами в других регионах.

Учет региональных индексов политической неопределенности помогает объяснять разницу в политических премиях за риск российских компаний из разных регионов [17]. В данной работе анализ проводится на двух подвыборках: компании со штаб-квартирами, расположенными в г. Москве, и компании со штаб-квартирами, расположенными в других регионах. Для каждой подвыборки определяется доля компаний, для которых модели, включающие данные о прошлых доходностях акций и политические новости, демонстрируют более высокий средний скорректированный коэффициент детерминации, чем модели, основанные только на прошлых доходностях. Затем проверяется гипотеза о равенстве долей.

3. Данные

3.1. Текстовые данные

Новостные данные были собраны за период с 1 сентября 2021 г. по 31 августа 2023 г. из Telegram. Выбор Telegram в качестве источника обуславливается тем, что с 2017 г. посты из социальных сетей влияют сильнее на российский фондовый рынок, чем новости в традиционных СМИ [19]. В итоговую выборку вошли 50 популярных Telegram-каналов, посвященных политической тематике. Политическая направленность канала и его популярность определялись с помощью рейтинга агентства по мониторингу СМИ и социальных сетей «Медialogия»². Рейтинг политических каналов учитывает в себе ряд критериев, таких как:

1. Среднее количество просмотров одного поста канала.
2. Количество постов: не менее 10 постов за месяц.
3. Оригинальность постов: при расчете исключаются посты, содержащие репосты сообщений из других каналов.

Для попадания в итоговую выборку канал должен был входить в ежегодный или ежемесячный рейтинги агентства с 2021 по 2023 г. Итоговая выборка преимущественно включает в себя каналы политических деятелей и журналистов, а также новостные каналы. Количество собранных новостей составило 312 872.

3.2. Финансовые данные

В выборку вошли 200 компаний российского фондового рынка, которые имели в обращении обыкновенные акции хотя бы в течение одного квартала рассматриваемого периода (1 сентября 2021 г. – 31

² Агентство по мониторингу СМИ и социальных сетей «Медialogия»: <https://www.mlg.ru>.

августа 2023 г.). Дневные данные по ценам закрытия торгового дня были собраны с сайта финансовой платформы Investing.com³ для каждой компании за период с 1 сентября 2021 г. по 31 августа 2023 г. Для компаний был определен регион на основе местоположения штаб-квартиры – данный подход использовался ранее применительно к российским компаниям [17]. Итоговая выборка включает компании из 48 регионов России. В связи с тем, что около 43% выборки составляют компании, штаб-квартиры которых находятся в г. Москве, мы не рассматриваем каждый регион отдельно, а вводим бинарную переменную, принимающую значение, равное 1, для компаний со штаб-квартирами в г. Москве и значение, равное 0, для компаний со штаб-квартирами в других регионах. На основе данных, полученных с сайта информационного агентства Cbonds⁴, для каждой компании была определена отрасль: всего в анализ включены компании из 37 различных отраслей. В связи с тем, что около половины компаний относятся к четырем отраслям, для проведения анализа отрасли были сгруппированы в 11 сфер.

4. Методология

В данном исследовании используются тексты новостей из Telegram-каналов, посвященных политической тематике. Схожий подход применялся в работе [20]: авторы использовали новости из раздела «Политика» в Naver News и Google News. Для выделения словарей мы применяем модель латентного размещения Дирихле (Latent Dirichlet Allocation, LDA), а затем отбираем словари, которые содержат описание политических событий [21]. Перед применением LDA все сообщения из каналов были очищены от ссылок на сайты, «маркировок» иностранных агентов, emoji-символов, а далее были разбиты на токены, очищены от стоп-слов и приведены к единым основам при помощи стемминга по алгоритму усечения окончаний. По результатам оценивания было определено 25 словарей внутри корпуса новостей, из которых 20 относятся к политическим тематикам. Выделенные словари и слова, входящие в них с наибольшим весом, представлены в разделе «Результаты» (см. табл. 2).

Для проверки гипотез используется модель авторегрессии и распределенного лага (Autoregressive Distributed Lag, ARDL) [21]. При оценке качества моделей используется кросс-валидация. В качестве зависимой переменной используется дневная доходность акции, рассчитанная как темп прироста ежедневной цены закрытия торгов. По

³ Финансовая платформа Investing.com: <https://ru.investing.com/about-us>

⁴ Информационное агентство Cbonds: <https://cbonds.ru>

результатам теста Дики-Фуллера ряды доходностей каждой компании стационарны на 1%-м уровне. В качестве регрессоров, описывающих финансовые данные, используются три лага доходности акций.

При построении моделей мы придерживались методологии, предложенной Локтионовой и соавторами [22]. Сначала определялась доля, которая приходится на новости из выделенных словарей, затем полученные значения усреднялись для каждого дня. С использованием метода LASSO (Least Absolute Shrinkage and Selection Operator) и алгоритма покоординатного спуска осуществлялся отбор наиболее информативных словарей (которые исключались из моделей в последнюю очередь) для каждой компании отдельно. Далее для каждой компании оценивалась ARDL-модель, учитывающая три лага предыдущих доходностей, а также три лага и текущее значение средней доли новостей, соответствующих отобранным LDA-словарям, с применением кросс-валидации. На последнем этапе сравнивалось качество моделей, учитывающих только прошлые доходности, с моделями, дополнительно включающими новостные данные (с помощью сравнения скорректированного коэффициента детерминации).

Заметим, что добавление большего числа лагов не улучшало качество моделей. Данный вывод схож с результатами предыдущих исследований: в среднем инвесторам требуется от 1 до 3 дней для корректировки стратегии [23].

5. Результаты

5.1. Отраслевой разрез

Чтобы определить количество компаний, доходности акций которых связаны с публикацией политических новостей, были построены ARDL-модели для каждой отдельной компании. В табл. 1 представлено число компаний, для которых модели, учитывающие как прошлые доходности, так и текстовые данные, демонстрируют более высокое качество по сравнению с моделями, включающими исключительно финансовые данные.

Учет нефинансовых данных позволяет улучшить качество прогноза доходности акций для 117 из 200 компаний (см. табл. 1). Таким образом, мы принимаем первую гипотезу: доходности акций оказываются связанными со всеми выделенными тематиками, за исключением словаря, описывающего частные военные компании (см. табл. 2).

По результатам проведения теста Пирсона на независимость не было выявлено различий во влиянии политических тематик на рассматриваемые отрасли (p -value = 0,12). Таким образом, мы отвергаем вторую гипотезу о том, что политические новости оказывают одинаковое влияние на компании из разных отраслей.

Таблица 1

**Количество компаний, для которых наблюдается прирост R^2
при добавлении в ARDL–модель переменных словарей**

	Прирост* R^2 от 0 до 0,03	Прирост* R^2 от 0,03 до 0,045	Прирост* R^2 от 0,045 до 0,06	Прирост* R^2 от 0,06 до 0,17***
Количество компаний**	51	43	18	5

* – указан средний прирост скорректированного R^2 на кросс-валидации; ** – в столбцах указано число компаний, для которых качество моделей, учитывающих прошлые доходности и новостные данные, превосходит качество моделей, построенных только с учетом прошлых доходностей; *** – максимальное значение прироста скорректированного R^2 на кросс-валидации составляет 17 п. п.

Источник: рассчитано авторами.

Таблица 2

**Количество компаний, для которых значим коэффициент
перед переменной соответствующего словаря**

Название словаря	5 слов, входящих с наибольшим весом в словарь	Текущее значение		1-ый лаг		2-ой лаг		3-ий лаг		Итого
		-	+	-	+	-	+	-	+	
Частичная мобилизация	Закон, права, мобилизация, законопроект, документ	58	1	1	0	4	0	5	0	69*
Переговоры между странами	Переговоры, территория, встреча, Турция, безопасность	1	0	6	1	0	6	8	0	22
Недостоверная информация о действиях РФ	Фейк, западные, пропаганда, публикация, СМИ	8	0	6	0	3	1	0	1	19
Отношения с Западом	Запад, политика, случай, конфликт, государство	0	0	0	0	0	0	16	0	16
Военные действия на территории Украины	ВСУ, район, противник, пункт, направление	0	2	0	3	0	0	0	11	16
Общественные настроения	Люди, думать, понимать, знать, пытаться	0	0	7	0	0	0	7	1	15
Заявления об историческом единстве России и Украины	История, народ, СССР, язык, ценности	4	0	0	4	1	3	1	1	14**
Международная торговля	Цена, газ, нефть, поставки, санкции	0	4	3	0	0	3	2	0	12***
Государственная поддержка развития бизнеса	Развитие, проект, программа, Правительство, поддержка	0	7	0	1	2	0	0	1	11

Название словаря	5 слов, входящих с наибольшим весом в словарь	Текущее значение		1-ый лаг		2-ой лаг		3-ий лаг		Итого
		-	+	-	+	-	+	-	+	
Суд	Суд, дело, уголовное, Навальный, преступление	1	1	0	3	0	4	0	1	10
Комментарии относительно изменений на фронте	Вопрос, события, война, рассказывать, ответ	3	0	1	2	0	0	4	0	10
Военные действия на территории России	Удар, пострадавшие, обстрел, Крым, беспилотник	0	1	0	5	1	0	0	3	10
Введение санкций против РФ	Санкции, Европа, Германия, ЕС, отношения	0	3	5	1	0	1	0	0	10
Участие Запада в СВО	Оружие, американские, Зеленский, НАТО, Байден	0	6	0	0	0	0	0	1	7
Региональная политика	Регион, губернатор, город, жители, край	0	0	2	0	0	1	0	1	4
Иностранные агенты и нежелательные СМИ	Иностранный, агент, выполняет, распространяет, юридически	2	0	0	0	1	0	0	0	3
Санкции против российских олигархов	Компания, актив, суд, крупный, олигарх	0	0	2	0	1	0	0	0	3
Российская журналистика	Соловьев, эфир, выпуск, телевидение, программа	1	0	0	0	0	0	0	1	2
Государственная Дума	Выборы, партия, депутат, Госдума, голосование	0	0	0	0	0	0	1	0	1
Частные военные компании	Бойцы, Донбасс, Пригожин, ЧВК, Вагнер	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Примечание: в первом столбце таблицы приведены краткие названия словарей, коэффициенты перед которыми значимы в ARDL-моделях, для которых скорректированный R^2 на кросс-валидации выше, чем в моделях, которые учитывают только прошлые доходности. Во втором столбце для каждого словаря приведены 5 слов, входящих в него с наибольшим весом. В столбцах 3–6 приведено количество компаний, для которых коэффициент перед данным словарем является значимым на 10%-м уровне значимости: «+» означает, что новости соответствующих тематик положительно связаны с доходностью акций, «-» – отрицательно. Исключения: * – на доходность акций компании ОАО «Коршуновский завод» оказывают влияние как текущее значение (положительно), так и третий лаг (отрицательно) словаря, описывающего частичную мобилизацию. ** – на доходность акций компании ПАО «Павловский автобус» оказывает влияние как текущее значение (положительно), так и первый лаг (отрицательно) словаря, описывающего заявления об историческом единстве России и Украины. *** – на доходность акций компании ПАО «ФармСинтез» оказывает влияние как первый (положительно), так и третий лаги (отрицательно) словаря, описывающего международную торговлю.

Источник: рассчитано авторами.

В то же время была обнаружена устойчивость некоторых отраслей к определенным тематикам политических новостей. Так, например, на доходность акций компаний из наиболее представленной в выборке отрасли (электроэнергетики) не влияют новости об изменениях в Государственной Думе и введении санкций против РФ. На доходность акций компаний из отрасли технологий и сектора химии и нефтехимии не влияют новости о военных действиях на территории России и Украины соответственно. Новости, содержащие недостоверную информацию о действиях армии РФ, не влияют на доходность акций компаний из двух отраслей: добыча и переработка нефти и газа, транспорт (см. табл. 3).

Таблица 3

Количество компаний, для которых наблюдается прирост R^2 при добавлении в ARDL-модель переменных словарей, в отраслевом разрезе

Отрасль	Прирост R^2 от 0 до 0,03	Прирост R^2 от 0,03 до 0,045	Прирост R^2 от 0,045 до 0,06	Прирост R^2 от 0,06 до 0,17	Всего
Автомобильная промышленность и авиастроение	4	5	2	0	11 (19)
Добыча и переработка нефти и газа	5	6	0	0	11 (18)
Металлы и добыча	6	7	1	0	14 (25)
Потребительский сектор	4	4	3	2	13 (29)
Строительство	2	1	2	1	6 (8)
Телекоммуникации	3	3	1	1	8 (9)
Технологии	1	2	1	0	4 (6)
Транспорт	1	2	1	0	4 (5)
Финансы	8	3	2	0	13 (21)
Химия и нефтехимия	3	1	0	0	4 (7)
Электроэнергетика	14	9	5	1	29 (53)

Примечание: в таблице указан средний прирост скорректированного R^2 на кросс-валидации. По столбцам указано число компаний из данной отрасли, для которых качество ARDL-моделей, учитывающих прошлые доходности и новостные данные, превосходит по качеству те, что построены только с учетом прошлых доходностей. В последнем столбце в скобках указано число компаний, относящихся к данной отрасли.

Источник: рассчитано авторами.

5.2. Региональный разрез

Политические новости помогают улучшить качество прогноза доходности акций для компаний со штаб-квартирами как в г. Москве (48 из 86 компаний), так и в других регионах (69 из 114 компаний). Нами не было выявлено статистических различий во влиянии политических новостей на доходности акций компаний в региональном разрезе по результатам проведения теста на равенство долей ($p\text{-value} = 0,5$). Существенных различий в словарях, которые оказывают влияние на доходность акций компаний в разных регионах, также не обнаружено. Таким образом, *мы отвергаем третью гипотезу* о том, что политические новости оказывают одинаковое влияние на стоимость акций компаний из разных регионов России.

6. Заключение

В исследовании анализировалась связь между политическими новостями и доходностью акций российских компаний в период с 1 сентября 2021 г. по 31 августа 2023 г. Финансовыми данными выступали дневные цены акций 200 российских компаний на момент закрытия торгов. Источником политических новостей послужили 50 Telegram-каналов, посвященных этой тематике. Для анализа был использован метод латентного размещения Дирихле, который позволил выделить 20 тематических словарей из исходного новостного корпуса. В качестве переменных, описывающих политические новости в ежедневных публикациях, рассматривались текущая доля и три лага средней доли упоминаний тем, относящихся к выделенным словарям. В ходе исследования проверялись гипотезы о наличии влияния политических новостей на доходность акций в отраслевом, региональном и временном разрезе с помощью модели распределенных лагов. Было установлено, что политические новости помогают лучше предсказывать доходность акций 117 из 200 рассмотренных компаний. В то же время нами не было выявлено различий во влиянии новостей политических тематик на доходность акций компаний в региональном и отраслевом разрезе.

Мы приходим к следующим выводам. Политические новости оказывают существенное влияние на доходность акций российских компаний, вынуждая инвесторов пересматривать свои ожидания. Цены большинства акций, независимо от отраслевой принадлежности или местоположения штаб-квартиры компании, реагируют на ухудшение политической конъюнктуры. Наиболее острая реакция рынка наблюдалась на новости о проведении частичной мобилизации, причем инвесторы корректировали свои ожидания в день публикации новостей соответствующей тематики. В то же время реакция на другие политические новости (например, касающиеся переговоров между странами или отношений с Западом) часто носит отложенный харак-

тер (от одного до трех дней), что позволяет предположить: участники рынка ориентируются не только на поступающую информацию, но и на поведение других инвесторов. Высокая неопределенность, связанная с политическими новостями, затрудняет определение последствий соответствующих событий, и инвесторы не могут мгновенно сформировать собственное представление о новой фундаментальной стоимости компаний.

Полученные в работе результаты способствуют углублению понимания связи политических изменений и динамики цен акций российских компаний в период растущей геополитической нестабильности и могут быть основой для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буклемишев О.В. «Структурная трансформация» российской экономики и экономическая политика // Проблемы прогнозирования. 2023. № 4. С. 42–53. DOI: 10.47711/0868-6351-199-42-53.
2. Peresetsky A.A. What determines the behavior of the Russian stock market // MRPA Paper 2011. No. 41508. <https://mprapa.uni-muenchen.de/41508/>.
3. Baker S.R., Bloom N., Davis S.J. Measuring Economic Policy Uncertainty // SSRN Electronic Journal, 2013. DOI: 10.2139/ssrn.2198490.
4. Baker M., Wurgler J. Behavioral corporate finance: An updated survey // Handbook of the Economics of Finance. 2013. Vol. 2. Elsevier. Pp. 357–424. DOI: 10.1016/B978-0-44-453594-8.00005-7.
5. Merton R.C. A simple model of capital market equilibrium with incomplete information // J. Financ. 1987. 42. Pp. 483–510. DOI: 10.1111/j.1540-6261.1987.tb04565.x.
6. Tetlock P. Giving Content to Investor Sentiment: The Role of Media in the Stock Market // The Journal of Finance. 2007. Vol. 12 (3). Pp. 1139–1168. DOI: 10.1111/j.1540-6261.2007.01232.x.
7. Al-Maadid A., Caporale G.M., Spagnolo F., Spagnolo N. The impact of business and political news on the GCC stock markets // Research in International Business and Finance. 2020. Vol. 52. DOI: 10.1016/j.ribaf.2019.101102.
8. Володин С.Н., Зуева Е.С. Влияние новостей на стоимость и объемы торгов акциями фармацевтических компаний // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2020. № 5. С. 217–238. DOI: 10.38050/013001052020510.
9. Федорова Е.А., Рогов О.Ю., Клочников В.А. Влияние новостей на индекс нефтегазовой отрасли ММВБ: текстовый анализ // Вестник Московского университета. 2018. Т. 6. № 4. С. 79–97. DOI: 10.38050/01300105201845.
10. Jacobs B.W., Singhal V.R. Shareholder value effects of the Volkswagen emissions scandal on the automotive ecosystem // Production and Operations Management. 2020. Vol. 29 (10). Pp. 2230–2251. DOI: 10.1111/poms.13228.
11. Kumar R., Bhatia P., Gupta D. The impact of the COVID-19 outbreak on the Indian stock market – A sectoral analysis // Investment Management and Financial Innovations. 2021. Vol. 18. No. 3. Pp. 334–346. DOI: 10.21511/imfi.18(3).2021.28.
12. Snowberg E., Wolfers J., Zitzewitz E. Partisan impact on the economy: Evidence from prediction markets and close elections // The Quarterly Journal of Economics. 2007.

- Vol. 122 (2). Pp. 807–829. <http://users.nber.org/~jwolfers/Papers/Snowberg-Wolfers-Zitzewitz%20-%20Close%20Elections.pdf>.
13. *Girardi D., Bowles S.* Institution shocks and economic outcomes: Allende's election, Pinochet's coup and the Santiago stock market // *Journal of Development Economics*. 2018. Vol. 134. Pp. 16–27. DOI: 10.1016/j.jdevco.2018.04.0.
 14. *Pastor L., Veronesi P.* Political uncertainty and risk premia // *J. Financ. Econ.* 2013. Vol. 110 (3). Pp. 520–545. DOI: 10.1016/j.jfineco.2013.08.007.
 15. *Федорова Е.А., Мусиенко С.О., Федоров Ф.Ю.* Индекс политической неопределенности для российской экономики: текстовый анализ. ЭНСР. 2019. № 2 (85). С. 52–64. DOI: 10.33293/1609-1442-2019-2(85)-52-64.
 16. *Alesina A., Tabellini G.* External debt, capital flight and political risk. *J. Int. Econ.* 1989. 27 (3–4), Pp. 199–220. DOI: 10.1016/0022-1996(89)90052-4.
 17. *Shanaev S., Ghimire B.* Is all politics local? Regional political risk in Russia and the panel of stock returns // *Journal of Behavioral and Experimental Finance*, 2019. DOI: 10.1016/j.jbef.2018.11.002.
 18. *Amin M.H., Mohamed E.K. A., Elragal A.* CSR disclosure on Twitter: Evidence from the UK // *International Journal of Accounting Information Systems*. 2021. Vol. 40. DOI: 10.1016/j.accinf.2021.100500.
 19. *Федорова Е.А., Пыльцин И.В., Ковальчук Ю.А., Дрогвоз П.А.* Новости и социальные сети российских компаний: степень влияния на рынок ценных бумаг // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2022. № 1 (53). С. 32–52. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-53-1-2.
 20. *Choi I., Kim W. C.* Detecting and Analyzing Politically-Themed Stocks Using Text Mining Techniques and Transfer Entropy—Focus on the Republic of Korea's Case // *Entropy*. 2021. Vol. 23(6), p. 734. DOI: 10.3390/e23060734.
 21. *Atri H., Kouki S., Gallali M.* The impact of COVID-19 news, panic and media coverage on the oil and gold prices: an ARDL approach // *Resources Policy*. 2021. Vol. 72. DOI: 10.1016/j.resourpol.2021.102061.
 22. *Локтионова А.А., Лавриненко П.А., Мирзоян А.Г., Локтионова О.А.* Влияние политических новостей о России на цены акций российских компаний: сравнительный анализ иностранных и отечественных СМИ // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2024. Т. 17. № 5. С. 114–132. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.6.
 23. *Bollen J., Mao H., Zeng X.* Twitter mood predicts the stock market // *J. Comput. Sci.* 2011. Vol. 2. No. 1. Pp. 1–8. DOI: 10.1016/j.jocs.2010.12.007.

REFERENCES

1. *Buklemishev O.V.* «Structural Transformation» of the Russian Economy and Economic Policy. *Studies on Russian Economic Development*. 2023. №4. Pp. 456–463. DOI: 10.47711/0868-6351-199-42-53. (In Russ.).
2. *Peresetsky A.A.* What determines the behavior of the Russian stock market // *MRPA Paper*. 2011. No. 41508. <https://mprapa.uni-muenchen.de/41508/>
3. *Baker S.R., Bloom N., Davis S.J.* Measuring Economic Policy Uncertainty // *SSRN Electronic Journal*, 2013. DOI: 10.2139/ssrn.2198490.
4. *Baker M., Wurgler J.* Behavioral corporate finance: An updated survey // *Handbook of the Economics of Finance*. 2013. Vol. 2. Elsevier. Pp. 357–424. DOI: 10.1016/B978-0-44-453594-8.00005-7.

5. Merton R.C. A simple model of capital market equilibrium with incomplete information // *J. Financ.* 1987. 42. Pp. 483–510. DOI: 10.1111/j.1540-6261.1987.tb04565.x.
6. Tetlock P. Giving Content to Investor Sentiment: The Role of Media in the Stock Market // *The Journal of Finance.* 2007. Vol. 12 (3). Pp. 1139–1168. DOI: 10.1111/j.1540-6261.2007.01232.x.
7. Al-Maadid A., Caporale G. M., Spagnolo F., Spagnolo N. The impact of business and political news on the GCC stock markets // *Research in International Business and Finance.* 2020. Vol. 52. DOI: 10.1016/j.ribaf.2019.101102.
8. Volodin S.N., Zueva E.S. The impact of news on price and volumes of pharma-companies // *Moscow University Economics Bulletin.* 2020. Vol. 6. №5. Pp. 217–238. DOI: 10.38050/01300105202020510. (In Russ.).
9. Fedorova E.A., Rogov O.Yu., Klochnikov V.Yu. The Impact of News on the MICEX Oil and Gas Index: Text Analysis // *Moscow University Economics Bulletin.* 2018. Vol. 6. No. 4. Pp. 79–97. DOI: 10.38050/01300105201845. (In Russ.).
10. Jacobs B. W., Singhal V. R. Shareholder value effects of the Volkswagen emissions scandal on the automotive ecosystem // *Production and Operations Management.* 2020. Vol. 29 (10). Pp. 2230–2251. DOI: 10.1111/poms.13228.
11. Kumar R., Bhatia P., Gupta D. The impact of the COVID-19 outbreak on the Indian stock market – A sectoral analysis // *Investment Management and Financial Innovations.* 2021. Vol. 18. No. 3. Pp. 334–346. DOI: 10.21511/imfi.18(3).2021.28.
12. Snowberg E., Wolfers J., Zitzewitz E. Partisan impact on the economy: Evidence from prediction markets and close elections // *The Quarterly Journal of Economics.* 2007. Vol. 122 (2). Pp. 807–829. <http://users.nber.org/~jwolfers/Papers/Snowberg-Wolfers-Zitzewitz%20-%20Close%20Elections.pdf>.
13. Girardi D., Bowles S. Institution shocks and economic outcomes: Allende's election, Pinochet's coup and the Santiago stock market // *Journal of Development Economics.* 2018. Vol. 134. Pp. 16–27. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2018.04.0.
14. Pastor L., Veronesi, P. Political uncertainty and risk premia // *J. Financ. Econ.* 2013. Vol. 110 (3). Pp. 520–545. DOI: 10.1016/j.jfineco.2013.08.007.
15. Fedorova E.A., Musienko S.O., Fedorov F. Yu. Development of Russian political uncertainty index (RPUI): textual analysis. *Economics of Contemporary Russia.* 2019. No. 2 (85). Pp. 52–64. DOI: 10.33293/1609-1442-2019-2(85)-52-64. (In Russ.).
16. Alesina A., Tabellini G. External debt, capital flight and political risk. *J. Int. Econ.* 1989. 27 (3–4), Pp. 199–220. DOI: 10.1016/0022-1996(89)90052-4.
17. Shanaev S., Ghimire B. Is all politics local? Regional political risk in Russia and the panel of stock returns // *Journal of Behavioral and Experimental Finance,* 2019. DOI: 10.1016/j.jbef.2018.11.002.
18. Amin M.H., Mohamed E.K.A., Elragal A. CSR disclosure on Twitter: Evidence from the UK // *International Journal of Accounting Information Systems.* 2021. Vol. 40. DOI: 10.1016/j.accinf.2021.100500.
19. Fedorova E.A., Pyltsin I.V., Kovalchuk U.A., Drogovoz P.A. News and social media of Russian company: influence on Russian stock market // *Journal of the New Economic Association.* 2022. No. 1. Pp. 32–52. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-53-1-2. (In Russ.).
20. Choi I., Kim W.C. Detecting and Analyzing Politically-Themed Stocks Using Text Mining Techniques and Transfer Entropy – Focus on the Republic of Korea's Case // *Entropy.* 2021. Vol. 23 (6). P. 734. DOI: 10.3390/e23060734.

21. *Atri H., Kouki S., Gallali M.* The impact of COVID-19 news, panic and media coverage on the oil and gold prices: an ARDL approach // *Resources Policy*. 2021. Vol. 72. DOI: 10.1016/j.resourpol.2021.102061.
22. *Loktionova A.A., Lavrinenko P.A., Mirzoyan A.G., Loktionova O.A.* The impact of political news about Russia on the prices of Russian companies' shares: Comparative analysis of Russian and foreign media. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024. 17 (5). Pp. 114–132. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.6. (In Russ.).
23. *Bollen J., Mao H., Zeng X.* Twitter mood predicts the stock market // *J. Comput. Sci.* 2011. Vol. 2. No. 1. Pp. 1–8. DOI: 10.1016/j.jocs.2010.12.007.

Дата поступления рукописи: 12.01.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Локтионова Алина Александровна – сотрудник кафедры «Финансы и кредит» экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0009-0007-5421-1929
aloktionovaa@bk.ru

Мирзоян Ашот Гамлетович – сотрудник кафедры «Экономика инноваций» экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0009-0005-9275-0099
kell56@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Alina A. Loktionova – Employee of the Department of Finance and Credit, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0007-5421-1929
aloktionovaa@bk.ru

Ashot G. Mirzoyan – Employee of the Department of Innovation Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0005-9275-0099
kell56@yandex.ru

POLITICAL NEWS' IMPACT ON RUSSIAN COMPANIES' STOCK PRICES

This study explores the impact of political news on the stock prices of Russian companies over the period 1 September 2021 — 31 August 2023. The sample includes 200 companies, for each of which the industry of activity and the region of location of the headquarters were determined. Political news data were sourced from 50 Telegram channels, and 20 thematic topics were created using the Latent Dirichlet Allocation (LDA) model. The research tests hypotheses of the impact of political news on stock returns throughout the entire period in both regional and industry contexts. The results show that integrating political news improves return forecasts for 117 companies, with effects consistent across industries and regions. The study highlights the political news topics that had the most significant impact on Russian companies during the analyzed period.

Keywords: *political news, textual analysis, Russian stock market, stock return forecasting, industry analysis, regional analysis.*

JEL: C32, C53, G17.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Д.В. ЗЕЛЕНОБОРСКАЯ

кандидат экономических наук,
ученый секретарь ФГБУН Институт экономики РАН

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В 2024 ГОДУ

EDN: YFRTIE

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_1_167_176

В 2024 г. Институт экономики Российской академии наук проводил научно-исследовательскую деятельность в соответствии с Программой фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.) в рамках 11 тем государственного задания.

Основные результаты научной деятельности

В коллективной монографии «Трансформация российской экономики в условиях формирования технологического суверенитета» (Под ред. Е.Б. Ленчук // М.: ИЭ РАН, 2024) исследуются проблемы трансформации российской экономики в условиях внешних ограничений, сформулированы основные концептуальные подходы к структурной и технологической модернизации российской экономики в контексте обеспечения технологического суверенитета и перехода к устойчивой модели развития. Особое место в монографии занимает анализ конкретных практик обеспечения технологического суверенитета в системообразующих отраслях российской экономики, таких как машиностроение, станкостроение, электронное машиностроение, информационно-коммуникационный сектор, фармацевтическая отрасль, топливно-энергетический комплекс, аграрно-промышленный комплекс. Дана оценка

предпринимаемых мер по преодолению импортозависимости в этих отраслях в течение 2022–2024 гг., а также степени их эффективности.

В коллективной монографии «Экономические особенности становления нового мирового порядка: вызовы для России» (Под общ. ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чэндлер // СПб.: Алтейя, 2024) рассмотрены вызовы для современной экономической теории и экономической политики, прежде всего в России, связанные с фундаментальными качественными изменениями в современной мировой экономической системе; представлены результаты использования новых теоретических и методологических подходов при исследовании происходящих изменений в российской экономике. Особое внимание уделено перестройке валютно-финансовых отношений, роли технологий в трансформации экономической структуры, макроэкономическим и институциональным условиям эффективного встраивания России в экономику нового мирового порядка. Рассмотрены необходимые изменения в национальной экономической политике для создания в России «экономики развития».

В коллективной монографии «Современные институты государственного управления: вызовы, адаптация, развитие» (Под общ. ред. И.И. Смотрицкой, С.И. Черных // М.: ИЭ РАН, 2024) рассматривается широкий спектр фундаментальных вопросов, связанных с адаптацией и развитием современных институтов государственного управления в контексте среднесрочных и долгосрочных задач российской экономики. Обосновываются и раскрываются теоретико-методологические подходы к формированию новой публичной парадигмы государственного управления. Исследуются актуальные проблемы адаптации институтов государственного управления к условиям новой геополитической и экономической реальности, что требует организационных и управленческих новаций, разработки комплекса мер для нивелирования последствий санкционного давления. Даются предложения и рекомендации по публичному развитию институтов государственного управления на стратегическую перспективу.

В сборнике научных трудов «Россия и Таджикистан в условиях меняющейся мировой экономики» (Под ред. З.А. Дадабаевой // М.: ИЭ РАН, 2024), подготовленном на основе выступлений участников состоявшейся в 2023 г. Международной российско-таджикской научно-практической конференции, рассмотрены актуальные проблемы развития экономик России и Таджикистана и вопросы взаимного сотрудничества с учетом текущих особенностей развития национальных экономик. Особое внимание уделено теоретическим и практическим вопросам реализации стратегии превентивной экономической политики Таджикистана. Исследованы вопросы состояния рынков труда двух стран и проблемы миграционного сотрудничества. Дан анализ роста взаимной торговли

в условиях санкций, рассмотрены проблемные зоны и перспективы развития внешнеэкономических связей России и Таджикистана.

Сборник научных трудов «Страны «пояса соседства» России: модели развития и вопросы сотрудничества» (Отв. ред.: Л.Б. Вардомский, М.О. Тураева, Н.В. Куликова // М.: ИЭ РАН, 2024) посвящен памяти заслуженного деятеля науки РФ Светланы Павловны Глинкиной, оставившей большое научное наследие, связанное с изучением трансформаций постсоциалистического мира. На основе научных подходов С.П. Глинкиной авторы сборника проводят анализ текущего состояния и перспектив развития экономики и интеграции в странах российского «пояса соседства» по двум направлениям: «Европейские исследования» и «Евразийские исследования».

В сборнике научных трудов «Союзное государство в современных экономических и геополитических условиях: вопросы эффективного использования новых возможностей» (Под ред. Л.Б. Вардомского, А.С. Кузавко // М.: ИЭ РАН, 2024), подготовленном на основе выступлений участников состоявшейся в 2023 г. международной научной конференции, исследуются проблемы и перспективы развития Союзного государства в текущих геополитических и экономических условиях. Обоснована необходимость расширения производственной кооперации между двумя странами как в рамках существующих институтов интеграции, так и путем создания новых, соответствующих современным вызовам. Показана важная роль наращивания сотрудничества в области образования и науки, в сфере финансов, развития предпринимательства, формирования общей идентичности. Исследованы проблемы развития приграничных регионов и приграничного сотрудничества, а также роль Союзного государства в координации деятельности с другими интеграционными объединениями с участием Беларуси и России.

В сборнике научных трудов «Монголо-российские экономические отношения: текущие проблемы и новые возможности» (Под ред. Л.Б. Вардомского, А.Г. Пылина, В.В. Доржиевой // М.: ИЭ РАН, 2024), подготовленном на основе выступлений участников международных российско-монгольских конференций 2023 и 2024 г., рассматриваются различные аспекты экономического сотрудничества Монголии и России, включая актуальные проблемы торгового, инвестиционного, промышленного и инновационного взаимодействия двух стран. Делается вывод, что нынешнее состояние экономического взаимодействия России и Монголии не соответствует как достигнутому уровню сотрудничества в политической сфере, так и имеющимся возможностям. Особое внимание уделяется подписанию соглашения о зоне свободной торговли между Монголией и ЕАЭС.

Сборник научных трудов «Экономическая теория: встреча с реальностью» (Отв. ред. А.И. Волинский // М.: ИЭ РАН, 2024) подготовлен на

основе выступлений участников ежегодной всероссийской конференции молодых ученых, проводимой ИЭ РАН. Сборник обобщает доклады, сделанные на конференции в 2022 и 2023 г. Исследована внешнеторговая проблематика, рассмотрены актуальные вопросы технологических вызовов и изменений, характеризующих современное экономическое развитие, а также проблемы гуманитарного, культурного и дискурсивного измерения экономического развития.

В ежегоднике «Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2022 год» (Отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. Вып. 2(203) // М.: ИЭ РАН, 2024) проанализированы сформировавшиеся тенденции динамики показателей уровня и качества жизни населения; исследовано состояние рынка труда; дан анализ покупательной способности населения, его потребительского поведения, уровня государственной социальной поддержки. Дана оценка социально-экономического расслоения населения по разработанным авторами методикам, социальным стандартам доходов и жилищной обеспеченности. Проведен сравнительный анализ уровня и качества жизни населения субъектов РФ. Дан краткосрочный прогноз основных индикаторов уровня жизни. Представлены выводы и рекомендации, направленные на решение накопившихся в этой области проблем.

В докладе Р.Э. Абдулова «Экономическая безопасность отраслей электронной промышленности и ИТ» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2024) отмечается, что в настоящее время государственные меры поддержки электронной промышленности и ИТ недостаточны для строительства конкурентоспособной и эффективной отечественной промышленности. Предложен комплекс мер, включающий институциональные преобразования, изменения бюджетно-финансового регулирования, внедрение институтов планирования и применение иных способов стимулирования, позволяющих достичь экономической безопасности отечественных производителей электронной промышленности и ИТ.

В докладе А.А. Афанасьева «Цифровая трансформация промышленного производства: теоретические аспекты и политика ее реализации» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2024) раскрывается сущность цифровой трансформации промышленного производства, дается характеристика ее технологического базиса; определяются глобальные тенденции развития соответствующих технологических рынков; приводится методика оценки «цифровой зрелости», а также готовности отечественного промышленного производства к цифровой трансформации; дается характеристика этапов и содержания политики цифровой трансформации, оцениваются перспективы курса на цифровую трансформацию в России.

В докладе В.И. Волошина, А.С. Качелина, О.В. Шимко «Российская энергетика в условиях санкций: новые вызовы и перспективы» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2024) рассматриваются вопросы перехода к ресурсно-инновационной экономической модели хозяйствования. Анализируется роль нефтегазовых доходов в федеральном бюджете России. Значительное место уделено вопросам международного сотрудничества в формировании новых экспортных маршрутов российского топлива. Оцениваются перспективы российской энергетики в условиях перехода к низкоуглеродной экономике, новые подходы при разработке обновленной энергетической стратегии.

Обоснованию значимости использования критериев экономической безопасности в системе стратегического управления, прогнозирования и бюджетирования посвящен доклад И.В. Караваевой «Ориентиры экономической безопасности РФ в контексте стратегического управления и бюджетирования» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2024). Рассмотрены возможности и охарактеризованы основные направления, принципы и методы включения управленческих механизмов определения и регулирования рисков социально-экономической направленности в качестве структурных составляющих в систему государственного администрирования, бюджетирования и стратегического планирования.

В докладе А.Г. Коломийца «Экономическая безопасность науки: противоречивые тренды» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2024) определена экономическая безопасность российской науки как состояние защищенности от внешних и внутренних угроз, которое обеспечивает ведущую роль российской науки в формировании и реализации стратегических приоритетов РФ в области научно-технического развития. Рассмотрены значимые угрозы, позитивные и негативные тенденции, влияющие на защищенность российской науки в условиях долгосрочных изменений, связанных с переходом к экономике знаний и формированием нового миропорядка.

В докладе И.А. Николаева «Возможности и ограничения бюджетного импульса в экономической политике России в условиях санкций» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2024) дана оценка перспективам бюджетного импульса как ключевого направления экономической политики России в условиях санкций. Несмотря на явный положительный результат от проведения политики масштабного бюджетного стимулирования экономики, у бюджетного импульса есть и очень серьезные ограничения. Среди таких ограничений выделяются: ускорение инфляции и связанное с этим ужесточение денежно-кредитной политики, рост долговой нагрузки, повышение налогов и пр. Обосновывается вывод о том, что в российской экономике сложилась сложная ситуация, когда, с одной стороны, отменить проведение политики

бюджетного импульса в сложившихся условиях нельзя, а с другой - экономика все больше приближается к ситуации, когда проводить ее будет невозможно.

В докладе Б.А. Шмелева и А.Г. Пылина «Геополитические и экономические факторы во взаимодействии России и постсоветских государств в условиях украинского кризиса» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2024) исследуются геополитические и экономические факторы в отношениях между Россией и постсоветскими странами в контексте украинского кризиса. Авторы предпринимают попытку оценить причины и последствия нейтральности большинства постсоветских государств в отношении антироссийских санкций с учетом специфики их двусторонних связей с Российской Федерацией и участия в региональных объединениях (Союзное государство, ЕАЭС, ОДКБ, СНГ). Анализируется динамика, структура и этапы торгового взаимодействия России с постсоветскими странами в 2022–2024 гг. Проводится авторская типология стран данного региона по соотношению экономических и геополитических факторов в их взаимодействии с Россией.

В докладе Е.С. Сазоновой «Проблемы безопасности цифровой среды в сфере государственного управления» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2024) рассмотрены складывающиеся контуры государственного регулирования процессов цифровой трансформации государственного управления. Основное внимание уделяется выявлению, рассмотрению и анализу ключевых проблем обеспечения безопасности цифровой среды и возникающих в контексте перехода к цифровому государственному управлению рисков. Исследованы вопросы реализации экспериментальных режимов в сфере развития цифровых технологий, включая технологии искусственного интеллекта, а также оценены перспективы применения в России институтов цифрового социального мониторинга.

В докладе И.И. Смотрицкой и Н.Д. Фроловой «Управление компаниями с государственным участием: вопросы теории и эмпирические измерения» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2024) исследуется комплекс теоретических и прикладных проблем, связанных с трансформацией роли государства в современной экономике, адаптацией экономической деятельности государства к новым глобальным вызовам. В качестве одного из возможных направлений такой адаптации рассмотрено развитие рыночных форм экономической деятельности государства, в том числе посредством участия в акционерном капитале компаний. На основе результатов эконометрического моделирования дана оценка влиянию инсайдерской собственности на показатели эффективности экономической деятельности компаний, обоснован вывод о возможности использования института инсайдерской собственности для согласования интересов стейкхолдеров и повышения качества управления компаниями с государственным участием.

В докладе Н.Д. Фроловой «Управление компаниями с государственным участием (зарубежная практика)» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2024) обобщены современные концептуальные подходы к управлению компаниями с государственным участием, проведен сравнительный анализ опыта такого управления на примере Китая и Норвегии, стран с исторически высоким участием государства в предпринимательском капитале. Выделены ключевые особенности моделей управления компаниями.

Роль современной геополитической фрагментации в новой регионализации глобального экономического пространства рассматривается в докладе Б.А. Хейфеца «Станет ли современная геополитическая фрагментация долговременной тенденцией новой регионализации глобального экономического пространства?» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2024). Проведена классификация типов регионализации и выделен новый этап в развитии региональной политики, который был назван геополитическим регионализмом. Даются общие оценки экономических последствий геополитической фрагментации и ее отдельных проявлений в формировании национальных экономических стратегий, а также в торговой, инвестиционной, валютно-финансовой и технологической сферах международных отношений. Определяются несколько возможных сценариев развития геополитической фрагментации в среднесрочной перспективе и делаются некоторые выводы для внешнеэкономической политики.

В коллективном научном докладе «Юанизация в России: политический конструкт или экономическая реальность?» (М.: ИЭ РАН, серия «Научные доклады ИЭ РАН», 2024) анализируется феномен юанизации российской экономики: замещения привычных иностранных валют – доллара США и евро – китайским юанем. Цель авторов доклада – основываясь на доступной исследователям информации, ответить на вопрос: является ли юанизация российской экономики политическим конструктом или дискурс юанизации действительно имеет свои объективные основания в экономической реальности.

В 2024 г. сотрудниками ИЭ РАН опубликовано более 380 научных статей в рецензируемых научных журналах, индексируемых в российских и зарубежных информационно-аналитических системах научного цитирования.

Научно-организационная деятельность ИЭ РАН

В целях координации научных исследований и активизации внедрения результатов научно-исследовательских разработок в практику Институтом экономики в 2024 г. был проведен ряд научно-организационных мероприятий:

Конференции и симпозиумы:

- Научная конференция к 300-летию основания Российской академии наук «Академическая экономическая наука о проблемах социально-экономического развития России: история и современность» (Москва, 12–13 марта, совместно с ООН РАН, ЦЭМИ РАН, ИНП РАН, ИНИОН РАН);
- Всероссийская научно-практическая конференция «VIII Сенчаговские чтения» (Москва, 9–10 апреля);
- Международная научная конференция «Российско-монгольские экономические отношения в контексте евразийской интеграции» (Москва, 21–22 мая, совместно с Посольством Монголии в РФ);
- Международная конференция «Китай и Россия: на пути модернизации» (Москва, 19 июня, совместно с Институтом России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук);
- IX Всероссийская школа по институциональной и эволюционной экономике для молодых исследователей (Екатеринбург, 3–5 октября, совместно с ИЭ УрО РАН, Уральским федеральным университетом имени первого президента России Б.Н. Ельцина);
- Научно-практическая конференция «Цифровые валюты и активы: проблемы и перспективы» (Москва, 8–9 октября, совместно с НИУ «Высшая школа экономики»);
- VI Октябрьская научная конференция по проблемам теоретической экономики «Политические и экономические механизмы общественного выбора» (Москва, 14–15 октября, совместно с Новой экономической ассоциацией, Журналом Новой экономической ассоциации, НИУ ВШЭ, МШЭ МГУ имени М.В. Ломоносова);
- Ежегодная всероссийская конференция молодых ученых «Экономическая теория: встреча с реальностью. Проблемы устойчивого развития: вызовы для России и мира» (Москва, 25 октября);
- Богомоловские чтения к 300-летию основания Российской академии наук «Россия и ее соседи: вопросы сотрудничества и суверенного развития в меняющемся миропорядке» (Москва, 12–13 ноября, совместно с ООН РАН и МШЭ МГУ им. М.В. Ломоносова);
- Всероссийская научно-практическая конференция «Риски и возможности стабилизации и улучшения социально-трудового положения и уровня жизни домохозяйств с детьми» (Москва, 27 ноября).

Круглые столы:

- Патерналистское государство в поисках новых механизмов социальной политики. Памяти Л.С. Ржаницыной (Москва, 19 марта);

- Токенизация активов: глобальные тренды и потенциал применения в финансовой сфере России (Москва, 18 марта);
- Обеспечение технологического суверенитета России: вызовы, перспективы и ограничения (Москва, 24 апреля; в рамках XIII Международной научно-практической конференции «Абалкинские чтения»);
- Разнообразные пути прогресса: роль институтов в технологическом развитии России (Москва, 25 апреля, совместно с Южным федеральным университетом);
- Актуальные аспекты экономического взаимодействия Республики Беларусь и Российской Федерации (Смоленск, 3 октября, совместно с Национальной академией наук Беларуси, Смоленским государственным университетом, Ассоциацией «Агентство интеграционных инициатив»);
- Глобальные вызовы: стратегии развития российской экономики (Москва, 27 ноября, совместно с Финансовым университетом при Правительстве РФ);
- Система монетарного регулирования Банка России и Национального Банка Республики Беларусь в условиях цифровой экономики (28 ноября, совместно с Академией управления при Президенте Республики Беларусь и Национальным Банком Республики Беларусь).
- В отчетный период продолжали работу научные семинары Института экономики РАН: «Теоретическая экономика» (рук. д.ф.н. А.Я. Рубинштейн); «Цифровые финансы» (рук. член-корреспондент РАН М.Ю. Головнин); «Теория и моделирование воспроизводственных процессов в экономике» (рук. академик РАН В.И. Маевский). В 2024 г. начал работу научный семинар «Прикладная эконометрика» (рук. д.э.н. О.А. Кислицына).

Экспертная деятельность

В 2024 г. Институт экономики сотрудничал в области экспертной деятельности с органами исполнительной и законодательной власти, министерствами и ведомствами: Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации, Советом безопасности Российской Федерации, Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и др. Продолжал работу Научно-экспертный совет ИЭ РАН по проблемам управления, на заседаниях которого обсуждались проблемы институтов развития, цифровой трансформация государственного управления, вопросы корпоративного управления.

Издательская деятельность

В 2024 г. Институт экономики издавал научные журналы: «Вестник Института экономики Российской академии наук», «Вопросы теоретической экономики», «Мир перемен», «Уровень жизни населения регионов России».

Международное сотрудничество

В 2024 г. Институт экономики продолжал работу по поддержанию международных связей на основе двусторонних соглашений о сотрудничестве с партнерами из зарубежных стран (Армения, Беларусь, Вьетнам, Казахстан, Китай, Таджикистан). Ученые ИЭ РАН принимали участие в международных научных мероприятиях.

Дата поступления статьи: 31.01.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Зеленоборская Лариса Викторовна – кандидат экономических наук, ученый секретарь ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
lvz@inecon.ru

ABOUT THE AUTHOR

Larisa V. Zelenoborskaya – Cand. Sci. (Econ.), Academic Secretary, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
lvz@inecon.ru

THE INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES IN 2024

In 2024 the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences conducted research activities in accordance with the Program of fundamental scientific research in the Russian Federation for a long-term period (2021–2030) within the framework of 11 topics of the state assignment.